

ВВЕДЕНИЕ

УСТОЯВШЕЙСЯ терминологии в избранной нами области нет, поэтому прежде всего определимся с исходными и ключевыми понятиями.

Принудительные миграции — это перемещения значительных масс людей, принятые государством по отношению к своим или чужим гражданам **путем принуждения**. Само принуждение может быть при этом **прямым** или **косвенным**.

В первом случае мы имеем дело с **насильственными миграциями**, или **депортациями**¹, во втором — с **добровольно-вынужденными миграциями**, когда государство «влияет» на обстоятельства и факторы индивидуального принятия решения о переселении именно таким образом, каким оно, государство, хотело бы его видеть. Иными словами, в первом случае мы имеем дело с откровенно репрессивным (карательным) характером воздействия государства на гражданина (или иноподданного), во втором — с целенаправленным административным давлением на его волеизъявление.

Существует тонкий, но важный нюанс: давление государства на граждан есть универсальное свойство их отношений, оно как бы естественно и нормально. Но само решение тем не менее остается за гражданином, и оно, при всех оговорках, является добровольным. Поэтому нерепрессивные, или добровольно-вынужденные, миграции не входят в предметную сферу настоящей работы и фигурируют в ней скорее как материал для сравнения с миграциями репрессивного плана. Интерпретация таких миграций как принудительных допустима лишь в некоторых исключительных случаях, когда государство как бы «пережимает» (примерами таких исключений могут служить переселение демобилизованных красноармейцев по путевкам военкоматов или большая часть так называемых «плановых переселений на плоскость», длительное время практиковавшихся в народно-хозяйственной практике высокогорных районов Кавказа и Средней Азии).

Депортации (насильственные миграции) — это одна из специфических форм или разновидностей **политических репрессий**². Они являются и своеобразной формой уче-

¹ От лат. «*deportatio*» — изгнание, ссылка.

² От лат. «*repressio*» — карательная мера, наказание, имеющая целью подавить, пресечь что-либо. Ср.: «*Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворение из страны и лишение гражданства, выселение групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или*

та и принуждения государством его не индивидуальных, а групповых политических противников (не столь важно, подлинных или мнимых). Случаи, когда депортации подвергается не часть группы (класса, этноса, конфессии и т. д.), а практически вся она полностью, называются **тотальной депортацией**.

Мы сознательно избегаем употребления вошедшего (благодаря событиям в Югославии) в 1990-е гг. в широкий обиход термина «**этническая чистка** (ethnic cleansing)»: на наш взгляд, он слишком нечеток и расширителен. К тому же многие виды депортаций, именуемые ниже «**зачистками**»³ (территории или границ), не носили этнической окраски.

Определяющими же особенностями именно **депортаций как репрессий** являются их *административный* (внесудебный) *характер* и их *списочность*, то есть направленность не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства, по инициативе органов ОГПУ–НКВД–КГБ и ряда других ведомств. Это ставит депортации вне компетенции и правового поля советского судопроизводства⁴ (как и вне международного и союзного законодательства о военнопленных) и резко отличает систему спецпоселений от системы исправительно-трудовых лагерей и колоний, а также системы лагерей для военнопленных и интернированных («архипелаги» ГУЛАГ и ГУПВИ).

СССР — страна традиционно высокой мобильности населения. Однако в ее основе — не простой и свободный выбор гражданами своего местожительства, обусловленный их индивидуальными предпочтениями и особенностями факторов рынков труда и жилья, но совершенно иной тип мобильности, носящей плановый, массовый и приказной — одним словом, принудительный — характер. Кульминацией такого рода «мобильности» и являлись депортации населения, по праву ставшие одной из главных составных частей сталинских репрессий.

Эта недвусмысленная установка на *отрыв масс людей* от их устоявшейся и привычной среды обитания и, стало быть, на *перемещение в пространстве* (подчас на многие тысячи километров) является еще одной принципиальной особенностью, объединяющей проблематику принудительных миграций с исследованиями «классических» миграций и придающей ей априори **географический характер**.

иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями» (Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991, статья 1).

³ В то же время термином «зачистка», самим по себе ярким и точным, мы пользуемся достаточно широко, даже несмотря на то, что он практически не употреблялся в документах описываемой эпохи.

⁴ При этом ни Уголовный, ни Гражданский кодекс не принимался во внимание, и даже такие суррогаты советского судопроизводства, как «тройки» или «Особое Совещание», не были задействованы (другое дело, что частыми были такие их судебные решения, которые предусматривали «ссылку в отдаленные местности СССР» после отбытия срока в том или ином учреждении ГУЛАГа и под надзором органов спецпереселения, ответственных и за «просто» ссыльных).

Отдельные и, на первый взгляд, локальные операции по принудительному переселению тех или иных групп населения начались в СССР в ходе или сразу же после окончания Гражданской войны. В 1930–40-е гг. принудительные миграции в СССР практиковались с такой интенсивностью и энтузиазмом, что не приходится удивляться поистине впечатляющим достижениям первого в мире рабоче-крестьянского государства в этом деле. Тем не менее говорить о специфичности принудительных миграций исключительно для СССР (или социалистического строя) было бы, на наш взгляд, не корректно: ни первооткрывателем, ни тем более монополистом в области депортаций СССР не является, скорее, это наиболее последовательный и целеустремленный их **претворитель в жизнь**.

В то же время нельзя не отметить незаурядную *органичность* их сочетания и глубокую *соприродность* друг другу, что и предопределило в общем-то феноменальное распространение принудительных миграций в СССР, их отлаженную *технологичность* и как следствие — неслыханную прежде *масштабность*. Вообще легкость жонглирования миллионами душ, манипулирования судьбами столь многочисленных групп людей, как, скажем, целые *народы* (например, немцы или чеченцы) или *классы* (например, кулаки или дворяне), — по-настоящему потрясает!

Искажениям подвергалась даже семантика понятий. Из-за того, что происходило, например, с миллионами бывших остарбайтеров и советских военнопленных в послевоенное время, понятия *репатриация* и *репатриант* сами по себе утратили свой нейтральный смысл и окрасились в «цвет» прилагательного, с которым оно по справедливости сочеталось: термины «репатриация» и «насильственная репатриация» стали как бы синонимами.

Представляется, однако, что использование депортаций как репрессивных методов воздействия к гражданским лицам есть специфическая черта **тоталитаризма** в целом: ведь и у немецких национал-социалистов рука не дрогнула ни при угоне миллионов остарбайтеров и эвакуированных в Третий Рейх, ни при депортации и методической ликвидации евреев и цыган!

Думается, права Т. Ф. Павлова, утверждая: «...Только тоталитарное общество могло породить такое явление, как принудительная высылка народов».⁵ Уместно вспомнить и П. Сорокина, его ценное и прозорливое замечание о том, что тоталитарные режимы чувствуют себя в своей тарелке только в условиях кризисов и катаклизмов. Чем кризис глубже, тем сильнее тоталитарная инверсия бытия.⁶

Настоящая работа является **историко-географическим исследованием принудительных миграций в СССР**, осуществлявшихся, во-первых, уполномоченными органами советской власти как на территории СССР (*внутренние принудительные миграции*), так и, во-вторых, за ее пределами; сюда же относятся и депортации, осуществленные уполномоченными органами Третьего Рейха с территории СССР (*международные принудительные миграции*).

⁵ Павлова, 1992, с. 28.

⁶ Цит. по: Исупов, 1990, с. 181.

Внутренние принудительные миграции в целом, начиная от депортации казаков в 1919 году и до депортаций «тунейдцев» в середине 1950-х гг., — это масштабное историческое явление, затронувшее около 6 млн. человек. Они являлись составной частью тоталитарной государственной системы миграций в СССР, обусловленной сложным сочетанием политических и экономических факторов. Их основными и определяющими элементами, или эпизодами, являлись так называемые «*кулацкая ссылка*» и тотальные депортации «*наказанных народов*» в годы Великой Отечественной войны.

На еще большее количество людей выходят **международные принудительные миграции**. Так, поистине огромно число советских граждан, депортированных немецкими оккупантами на принудительные работы в Третий Рейх, — более 3,2 млн. чел. Большинство из них в первые же послевоенные месяцы было репатрировано, причем, как правило, с отчетливыми элементами принуждения или насилия. Общее число репатрированных значительно превосходит число угнанных гражданских рабочих, поскольку возвращались и другие категории советских граждан (военнопленные, беженцы и т. д.), находившиеся в Третьем Рейхе. Депортация же лиц немецкой национальности из стран Юго-Восточной Европы (численно не самая значительная, особенно на фоне остальных контингентов) чрезвычайно важна типологически, как целенаправленная попытка Сталина распространить советские правила игры на оккупированные страны Европы, а заодно и получить дополнительный контингент рабочих рук.

Все эти многочисленные и, на первый взгляд, хаотические перемещения миллионов людей имели самые серьезные демографические и экономические последствия для регионов прибытия и выбытия, а также для страны в целом.

С момента своего осуществления и чуть ли не до конца 1980-х гг. принудительные миграции были в СССР одной из самых табуированных тем. До середины 1950-х гг., когда прозвучали первые хрущевские разоблачения, из общественного (а в значительной мере и из государственного) обихода были исключены не только какие бы то ни было сведения о депортациях и депортированных, но и сами упоминания о высланных народах.

Непосвященный мог бы догадаться о существовании в СССР, например, ингушей или калмыков лишь посредством сличения аналогичных справочных источников (энциклопедических изданий, административных карт), датированных временем до и после депортаций. Да и после частичной реабилитации запрет на «лишнюю» информацию не был снят и фигура умолчания оставалась преобладающей. Помимо официозной интерпретации допускались — и то лишь изредка — единичные глухие ссылки фактографического характера (как правило, в контексте мажорного анализа деятельности партийных и советских органов тех или иных регионов в те или иные периоды).

Впервые во весь голос о принудительных миграциях в СССР заговорили на Западе. Первые специальные упоминания, первые постановочные и обобщающие исследования, посвященные этим вопросам, появились именно там, причем на удивление рано. Так, уже в 1960 году, то есть спустя всего три года после начала процесса реабилитации

«наказанных» этносов, в США вышла книга Роберта Конквеста «Советские депортации народов».

Этнические депортации военного времени в СССР он рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России, облегченное компактной конфигурацией и «сухопутностью» Российской Империи. Основывался он при этом на чрезвычайно скудных источниках — советском официозе (включая упомянутые сравнения административных карт и энциклопедий, переписи 1926, 1939 и 1959 гг., кампанию по разоблачению Шамиля как агента английского империализма и даже перечни подписных изданий Союзпечати!), показаниях австрийских военнопленных, репатриированных из Казахстана (где они сталкивались, по крайней мере, с чеченцами), и даже отчете английских альпинистов об экспедиции 1958 года в Приэльбрусье (куда уже начали возвращаться балкарцы)⁷. Многое почерпнуто из признаний советского перебежчика, подполковника Бурлицкого, участника всех операций по депортациям (кроме балкарской)⁸, а также из «секретного» доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС (в котором, кстати, остались не упомянутыми советские немцы и крымские татары)⁹.

Несмотря на эту скудность источников, Р. Конквест сумел дать первый — и к тому же весьма реалистичный — набросок хронологии и статистики депортаций «наказанных народов», и даже — частичный и несколько более условный — набросок статистики смертности в ходе их осуществления. Он же сделал и напрашивавшийся обобщающий вывод о том, что привилегированными народами, в наибольшей степени «выигравшими» от депортаций, стали грузины и осетины на Кавказе и украинцы в Крыму.

Р. Конквест построил и первую (весьма условную и даже не совсем точную) карту депортаций «наказанных народов» в СССР.¹⁰ В 1972 году вышло первое издание «Атласа русской истории» Мартина Гильберта, где была представлена и карта обобщенных направлений этнических депортаций в СССР (более точная, чем у Р. Конквеста, но все еще весьма приблизительная).

В общем контексте сталинских репрессий о раскулачивании и об этнических депортациях написал в своем «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын. По существу, каждая контингентная депортация непременно «делегировала» в ГУЛАГ (так сказать, на индивидуальной основе) своих наиболее ярких и «опасных» лидеров и представителей. В «Истории нашей канализации» (второй главе первой части «Архипелага») А. Солженицын рассказал о подавляющем большинстве депортационных «потоков», прекрасно укладывающихся в заданные им себе — с 1918 по 1956 гг. — временные рамки. При этом, несколько, может быть, расширяя рамки «компетенции» ГУЛАГа как структурного

⁷ См.: Jones R. Climbing wit the Russians // Geographical Magazine. 1959. June.

⁸ Были опубликованы в журнале «Life» за 5.07.1954.

⁹ Кроме того, информацией располагали и представители депортированных народов из числа советских «невозвращенцев», избежавших послевоенной репатриации. В частности, по информации Р. Конквеста, особенно активной и организованной была калмыцкая диаспора во главе с Наминовым, постоянно обращавшаяся в международные организации и взывавшая к общественному мнению как в странах Запада, так и на Востоке.

¹⁰ *Conquest*, 1970, p. 94.

подразделения НКВД, он несколько не преувеличил его собирательного значения и нарицательного звучания. О резонансе, который этот поистине эпический «опыт художественного исследования» имел во всем мире, включая и СССР, можно и не говорить: с учетом многочисленных переводов солженицынского «Архипелага» на все массовые литературные языки мира тема сталинских депортаций была обнародована поистине в планетарном масштабе.

Особого упоминания заслуживает вышедшая в 1978–1979 гг. (сначала на русском, а затем и на английском языках) книга Александра Некрича «Наказанные народы», написанная еще в первой половине 1970-х гг., когда автор жил в СССР. Впервые этнические депортации в СССР рассматривались здесь как целостная, малоизученная и, подчеркнем, *научная* проблема. Отдельные главы посвящены депортациям из Крыма, Калмыкии и Северного Кавказа, пребыванию «наказанных народов» в статусе «спецпоселенцев» и процессу их возвращения (или невозвращения) на покинутые земли. Фактографической основой для А. Некрича послужили немногочисленные советские и зарубежные публикации по истории Второй мировой войны (напомним, что архивы в те годы были наглухо закрыты даже для большинства историков-партийцев¹¹), а также работы по истории партийного строительства в национальных окраинах СССР в годы войны и в послевоенное время, подчас содержавшие «крупницы» сведений, ценных для проблематики «наказанных народов», а также устные свидетельства представителей самих репрессированных народов. В качестве «первопроходцев темы» и своих предшественников А. Некрич называет А. Х. Дзукаева (писавшего о чеченцах) и Х. И. Хутуева (о балкарцах), а также Ч. С. Кулаева (о карачаевцах), Д.-Ц. Д. Нодинаханова и М. Л. Кичинова (о калмыках), В. И. Филькина и С. Н. Джугурьянца (о чеченцах и ингушах) и Р. И. Музафарова (о крымских татарах). Отдавая должное этим ученым, сосредоточенным, как правило, на истории исключительно одного народа или региона, подчеркнем еще раз заслугу самого А. Некрича, выдвинувшего проблематику «наказанных народов» как самостоятельную научную задачу и сделавшего первые, и потому особенно трудные, шаги к ее решению.

Первые советские научные статьи и публикации по этой проблематике появились только в конце 1980-х гг., уже во время перестройки. Постепенное открытие соответствующих фондов в центральных и региональных архивах России и других стран СНГ привело к всплеску интереса к этой проблематике и многочисленным публикациям с начала 1990-х годов, среди которых выделяются работы С. У. Алиевой, В. А. Аумана и В. Г. Чеботаревой, Н. Ф. Бугая, М. А. Вылцана, А. Е. Гурьянова, В. П. Данилова, А. Н. Дугина, И. Е. Зеленина, В. Н. Земскова, Х. М. Ибрагимбеили, Н. А. Ивницкого, В. А. Исупова, Г. Н. Кима, А. И. Кокурина, С. А. Красильникова, В. Н. Максеева, О. Л. Миловой, Т. Ф. Павловой, В. С. Парсадановой, В. И. Пассата, Д. В. Шабаева и других исследователей (главным образом историков, архивистов и этнографов), а также воспоминания самих депортированных. Особенно следует отметить публикации Н. Ф. Бугая, В. Н. Земскова, О. Л. Миловой и В. И. Пассата (археографически подготовленные сборники материалов), сделавших достоянием гласности сотни важнейших документов. Весьма

¹¹ Уже по одной этой причине весьма некорректным является выставление А. Некричу упреков в незнакомстве с архивными данными (см.: *Бугай, Гонов*, 1998, с. 25, 26).

ценными являются тематические сборники о репрессиях против поляков и немцев, подготовленные историками общества «Мемориал». Среди работ, посвященных последствиям депортаций, в частности ходу реабилитации репрессированных народов и этническим конфликтам, выделяются книги А. Г. Здравомыслова и, в особенности, А. А. Цуциева об осетино-ингушском конфликте, а также работы А. Г. Осипова об этнической дискриминации турок-месхетинцев в Краснодарском крае.

В российских публикациях 1990-х гг. содержится поистине богатейший эмпирический материал, отражающий юридический, этнический, статистический, организационный, народнохозяйственный и многие другие аспекты принудительных миграций. Но, как правило, эти публикации остро нуждаются в дальнейшем археографическом и смысловом комментарии, а также в исторической интерпретации. Попытки обобщения накопленного эмпирического материала встречаются гораздо реже, среди них особенно значимы монографии о депортированных народах Н. Ф. Бугая «Л. Берия — И. Сталину: „Согласно Вашему указанию...“» (1995) и о кулацкой ссылке Н. А. Ивницкого «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)» (1996), а также серия статей о «кулацкой ссылке» В. Н. Земскова.

На фоне темы сталинских репрессий в целом и, в особенности, исправительно-трудовой системы проблематика принудительных миграций на Западе до известной степени ушла в тень. Можно привести лишь несколько имен историков, посвятивших ей монографическое исследование или хотя бы серию статей. Сочетая анализ новодобытых в СССР эмпирических данных с традиционной приверженностью к литературным источникам (главным образом мемуарного характера), они нередко ближе, нежели их коллеги из России и Украины, подходили к обобщающим оценкам и выводам.

Более или менее интенсивно разработка этой темы продолжается в ФРГ и США. Немецкие историки изучали депортации поволжских немцев (А. Айсфельд, В. Гердт, Д. Дальман), а также историю «кулацкой ссылки» (С. Мерль). Высоким уровнем критической проработки самых разнообразных и разношерстных источников отличаются статьи американских ученых, в частности М. Гелба (о депортациях корейцев, финнов и других национальных меньшинств) и П. Холквиста (о депортационной политике царской России в годы Первой мировой войны, а также большевистской России — в первые годы советской власти; большой заслугой этого автора является показ той преемственности, которая четко прослеживается между депортационной политикой России до- и после-революционной). Депортациям, а точнее, депортированным большое внимание уделено в монографии Й. О. Поля о тюремной системе СССР. Рассмотрение депортации чеченцев, ингушей и крымских татар в самом общем и широком контексте этнических чисток в Европе в XX веке, как это сделали Н. Наймарк и Т. Мартин (причем с привлечением и введением в научный оборот и значительного эмпирического материала из российских архивов), также дало новую и интересную перспективу.

Недостаточно изученным оставался и вопрос о **«вестарбайтерах»** — о депортации в последние месяцы войны и использовании в первые послевоенные годы в СССР труда «интернированных» гражданских немцев иностранного подданства. На Западе уже

вышли исследования, прямо или косвенно затрагивающие эту тему (монографии Г. Вебера с соавторами, С. Карнера и др.). В России первые публикации на эту тему увидели свет в 1994 году (статьи В. Б. Конасова и А. В. Терещука, П. Н. Кнышевского, М. И. Семиряги).

В то же время **сводных** работ, охватывающих весь диапазон принудительных миграций, ни в России, ни на Западе до сих пор не было, как не было и аналитических публикаций, специально посвященных их **географическому** аспекту. Однако сегодня отмечается настоятельная научная потребность в обобщении всей этой эмпирики, в выявлении определенно стоящей за всеми фактами и событиями логики, в поиске общих, и в том числе географических, закономерностей.

Откликом на эту потребность, хочется надеяться, и стала настоящая книга. Она посвящена репрессивным принудительным миграциям населения СССР, начавшимся в первые же годы советской власти и получившим мощнейший импульс в годы раскулачивания и не менее интенсивное развитие во 2-й половине 1930-х гг., в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Фактически принудительные миграции в СССР продолжались до середины 1950-х гг. Рассматриваются как внутрисоюзные, так и международные принудительные миграции населения СССР, а также те, которые осуществлялись СССР и на территорию СССР, но объектом которых выступали иностранные граждане (в частности, Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии, Германии и Польши). В то же время за рамками книги остаются те международные принудительные миграции, субъектом которых выступал не СССР, а Германия (в частности, угон гражданского населения оккупированных областей в Третий Рейх).

Особенно пристальное внимание уделяется **территориальному аспекту и историко-географическим особенностям** и закономерностям принудительных миграций в СССР, их эволюции и итоговой пространственной картине, а также характеру воздействия на хозяйство районов выбытия и прибытия как на момент депортации, так и на современном этапе.

При этом пространственные рамки имеют как бы несколько уровней: прежде всего это СССР в его довоенных и послевоенных границах. Но, говоря о международных депортациях военного времени на территорию СССР, мы вынуждены затрагивать и общеевропейские рамки. Хронологические рамки основного исследования охватывают добрую треть столетия — начиная с 1919–1920 гг. и вплоть до середины 1950-х гг. (впрочем, историческая преамбула не имеет временных ограничений, а в 4-й главе, где обсуждаются проблемы реабилитации «наказанных народов» и последствия депортаций, учтены и самые актуальные, вплоть до 1999 года, факты и события).

Работая над книгой, мы стремились к решению следующих взаимосвязанных и достаточно конкретных задач:

1. Выявление литературной и архивной информации по отдельным операциям и этапам принудительных миграций, ее критическое осмысление и систематизация.

2. Создание банка данных по принудительным миграциям в СССР (по типу: «период» — «юридическое основание» — «контингент, его количество и административный статус» — «районы выбытия» — «районы прибытия»), организованного хронологически и имеющего, по возможности, строгую пространственную привязку.

3. Анализ депортационной политики и определение масштабов принудительных миграций в СССР как по отдельным операциям и этапам, так и по их совокупности.

4. Анализ истории и географии принудительных миграций в СССР и их эволюции, степени и особенностей их социального и пространственного охвата.

5. Историко-географическая характеристика результатов принудительных миграций в СССР, выявление их пространственных закономерностей.

Методологически исследование строится на следующей триаде:

- а) правдивые, достоверные факты;
- б) приведение их в систему;
- в) поиск закономерностей, анализ и интерпретация.

В опоре на разработанную классификацию и пространственно-временную систематизацию дается структурно-географическое описание принудительных миграций в СССР, ведется поиск их особенностей и обобщающих географических закономерностей в увязке с политическим, социальным и экономическим развитием СССР, а также с их влиянием на современную ситуацию в странах СНГ и Балтии.

В книге делается попытка анализа и обобщения репрессивной миграционной политики и практики СССР, а также оценка их воздействия на политическую и экономическую ситуации в стране в целом и в отдельных ее регионах как во время их проведения, так и в настоящее время (некоторые современные очаги напряженности, например, осетино-ингушский конфликт и другие, имеют свои корни именно в депортационной политике советского государства).

Восстанавливая богатейший исторический «опыт» одной из ведущих тоталитарных стран XX столетия — Советского Союза, раскрывая его репрессивную систему и ее механизмы, книга вместе с тем представляет собой и весьма актуальное исследование. Прежде всего это применимо к тем регионам, где процесс реабилитации депортированного населения еще не завершен и создает немало проблем. Несомненно, злободневности книге прибавляет и повышенная на излете XX века «популярность» идеи разрешения этнических конфликтов путем депортаций и иных способов «чисток» территорий (события последних лет в Африке, на Балканах и, как это ни прискорбно, снова на территории бывшего СССР).

Информационную базу нашего исследования составили главным образом архивные материалы и литературные источники, при этом их соотношение в раскрытии внутренних и международных миграций противоположное.

Так, международные миграции характеризуются, в основном, первичными архивными источниками (преимущественно из фонда ГУПВИ в РГВА), тогда как миграции внутренние документируются материалами, опубликованными российскими учеными за последние годы (опорными являются монографии Н. Ф. Бугая и Н. А. Ивницкого). Архивные же материалы привлекаются лишь эпизодически, в частности там, где рассматриваются в сравнительном плане добровольно-вынужденные миграции. В этом случае мы опираемся на обширный фонд Главного переселенческого управления Минсельхоза СССР, где собраны воедино материалы всех предшественников указанной организации, начиная с 1924 года — конечно, с пробелами и лакунами, связанными в том числе с бесконечными реорганизациями структуры и ведомственной принадлежности штаба переселенческого дела в стране (РГАЭ, ф. 5675).

Сами по себе документы, относящиеся к истории принудительных миграций в СССР, имеются и во многих других архивохранилищах федерального и регионального уровня. Так, основные массивы документов по раскулачиванию, по «наказанным народам» и спецпереселенцам хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве социально-политической истории (ГАСПИ), Архиве внешней политики РФ (АВП), в многочисленных других центральных и местных архивах. В частности, из материалов ГАРФ исключительную ценность для этой темы представляют фонды Президиума Верховного Совета СССР (ПВС), его комитетов и комиссий (ф. 7523), СНК—СМ СССР (ф. 5446), Отдела спецпереселений НКВД—МВД СССР (ф. 9479), различных «Особых папок» (ф. 9401, оп. 2) и др. В ГАСПИ — это прежде всего фонды ЦК КПСС (ф. 17) и ГКО (ф. 644).

Уже в начале 1990-х гг. начался процесс освоения и региональных архивов, в которых нередко содержатся документы той степени подробности и детальности, какая не встречается в центральных архивах. В этой связи особо следовало бы отметить работы С. А. Красильникова и его коллег, а также В. А. Исупова и В. Н. Макшеева, использовавших материалы Государственного архива Новосибирской и Томской областей. К сожалению, по-прежнему затруднен, хотя и остро необходим, доступ в некоторые ведомственные архивы, без чего получение исчерпывающей картины невозможно.

Ссылки на различного рода указы, постановления, решения, приказы и иные юридические основания тех или иных операций и акций властей по принудительным миграциям в СССР в тексте, как правило, опускаются: их сводный аннотированный хронологический перечень, составленный главным образом в результате обработки литературных источников, дается в Приложении.

В списке литературы монографии и сборники обозначены прописными буквами, статьи — строчными. В список включены только фундаментальные исследования по данной теме, а также публикации, ссылки на которые встречаются в книге не менее двух раз. Все остальные источники даются в примечаниях к главам.

Проблематикой принудительных миграций автор занимается более 10 лет. За это время он подходил к ней с нескольких и разных сторон: сначала — занимаясь горным

расселением Кавказа — в связи с так называемым «плановым переселением» горцев из горных районов на равнину («на плоскость»). Затем — в связи с разработкой классификации принудительных миграций, а также сбором данных по различным типам принудительных миграций в СССР, главным образом по этническим депортациям и компенсационным миграциям. Особенно интенсивным было изучение принудительных миграций в 1991–1996 гг., когда шла работа над книгой «Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация» (1996), посвященной насильственному вывозу германскими властями советских военнопленных и гражданских лиц с территории бывшего СССР на территорию бывшего Рейха, а также их последующей репатриации на родину, носившей, согласно Ялтинским соглашениям, принудительный характер. Одновременно шел сбор и анализ материалов по депортации гражданских немцев, «интернированных и мобилизованных» СССР в ряде европейских стран.

Монография писалась **на стыке географии, истории и демографии** и рассчитана в основном на специалистов этого профиля. Но она адресована и многочисленным жертвам депортаций в СССР или же членам их семей, испытывающим естественный интерес к пониманию и осмыслению своих индивидуальных судеб в полноформатном контексте советского периода российской истории.

Книга создавалась на основе докторской диссертации «География принудительных миграций в СССР», защищенной автором в апреле 1998 года. По сравнению с диссертацией текст монографии серьезнейшим образом переработан, но в то же время опущена часть глав, посвященных международным принудительным миграциям, достаточно подробно раскрытым в книге «Жертвы двух диктатур» (1996).

Работа над книгой шла в тесном контакте с российскими историками, этнографами, демографами и архивистами, с такими, например, как Н. Бугай, А. Вишневский, А. Гурьянов, В. Данилов, С. Захаров, Ж. Зайончковская, В. Земсков, Н. Ивницкий, Р. Кулиев, Ш. Мудуев, Д. Нохотович, Н. Охотин, Н. Петров, Т. Плохотник, Н. Поболь, А. Рогинский и др. Немало ценных советов, замечаний и сообщений сделали и зарубежные коллеги — С. Дебский (Краков), Г. Кляйн (Фрайбург), Г. Суперфин (Бремен), Ф. Тер (Берлин), П. Холмквист (Итака, США), П. Гетрелл и Н. Барон (Манчестер) и др. Большую помощь в подборе иллюстраций оказали сотрудники общества «Мемориал», Государственного архива Российской Федерации, А. Айсфельд (Геттинген) и А. Никольский (Москва).

Всем им адресуются слова искренней благодарности и признательности.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Принудительные миграции до Гитлера и Сталина: исторический экскурс

Мировая история знает вдоволь примеров «депортаций» или «принудительных миграций». Достаточно вспомнить событийный ряд Ветхого Завета, во многом построенный на описании избранных эпизодов из жизни еврейских «спецпоселенцев» в Египте, Вавилоне и других странах ветхозаветной Диаспоры.

На другом конце материка еще в III в. до н. э. китайский император Цин Шихуаньди казнил около 500 ученых и насильно переселил с Севера на Юг Китая сотни тысяч семей. Принудительное переселение существовало и у инков.

Между межконтинентальным «переселением» негров-рабов из Африки в Америку и угоном остарбайтеров в Третий Рейх, между сталинским раскулачиванием и кампанией «Лицом к деревне» в маоистском Китае — немало общего. За века движущие мотивы применения принудительных миграций принципиальных изменений не претерпели: за ними стоит то или иное **сочетание политических и прагматических факторов**.

Политические мотивы — предотвращать восстания, рассекать недовольство, ослаблять или гасить протест, делать более или менее однородными районы выселения или вселения и т. д. — чаще бывают приоритетными, но и роль **экономического** фактора огромна, и со временем, как правило, она затмевает первоначальный политический импульс: дешевая (а еще лучше — бесплатная, точнее, почти бесплатная) рабочая сила, переброшенная, по усмотрению субъекта депортации, в нужное для него место и время.

Достаточно очевидной представляется связь между вспышками принудительных миграций и историческими катаклизмами, например, мировыми войнами.

Прекрасным тому примером является африканская **работоторговля**. Начиная с XVI века и вплоть до середины XIX века в Америку было переправлено приблизительно 11 млн. черных рабов. Если же учесть погибших при поимке или перевозке, то цифру «затронутых» ею людей следует увеличить до 15 млн.¹ В таблице 1 — с разбивкой по векам и основным колониальным империям — приведены округленно-ориентировочные «итоги» депортации чернокожих рабов из Африки:

¹ Оценка Ф. Куртэна. См.: *J. Mejer*, 1991, s. 6.

Таблица 1. Депортации негров-рабов из Африки некоторыми странами Европы в XVI–XIX вв. (по векам, тыс. чел.)

СТРАНЫ	С Т О Л Е Т И Я				
	XVI	XVII	XVIII	XIX	Всего
Португалия	50	600	2000	1200	3850
Испания	75	300	600	600	1575
Англия	–	300	1800	–	2100
Франция	–	160	1400	50	1610
Голландия	–	н.д.	н. д.	н. д.	1000
ИТОГО:	125	более 1360	более 5800	более 1850	10035

Источник: Meyer J. Sklaverei und Sklavenhandel // Mitteilungen. AvH-Magazin, Nr. 57, Juli 1991, s. 6.

Европейцы хозяйничали в основном на западном побережье Африки, а на восточном — и существенно раньше, чем европейцы (ориентировочно с VIII века), — тем же самым занимались арабы: черные рабы использовались, в частности, на плантациях сахарного тростника в окрестностях Басры. Понемногу «резервуар» рабов для европейских стран на африканском побережье истощался: «отработанная зона» активной работорговли, образовавшись в районе современного Сенегала, быстро продвигалась в направлении Берега Слоновой Кости, затем Нигерии, а к концу XVIII века — в сторону Конго и далее на юг, вплоть до Анголы, в свою очередь уже истощенной португальцами и бразильцами. Арабская же работорговля не прекратилась и после того, как колонизировавшая Африку Европа официально отказалась и отмежевалась от рабства: в Омане же и на Занзибаре рынки рабов функционировали еще в конце прошлого века.

Весьма «богата» на депортации и вынужденные переселения история **еврейского народа**: вспомним «спецпереселение» в Египет, а также Исход из него, вспомним так называемые Первую (ассирийско-вавилонскую) и Вторую (римскую) Диаспоры и т. д. И в древние, и в новые времена — всегда — интенсивность еврейской миграции была сверхобычайной. И крайне редко добровольной.

В сущности, и вся новая и новейшая история еврейства — это череда непрерывных миграций, вереница массовых скитаний и мытарств, это история «галуты», или изгнанничества.

В 1290 году всех евреев изгнали из Англии, а в 1292 — из Франции: изгнанные осели, в основном, в Испании. Но в 1492 году — под давлением инквизиции — всех евреев (кроме крещеных, или *марранов*) изгнали и из Испании, а в 1497 году — из Португалии: они переселялись в Италию, Северную Африку и Турцию. Примерно в это же время шло массовое переселение евреев из Германии в Восточную Европу, главным образом в Польшу и Литву.

С присоединением большей части этих территорий к России именно ей суждено было стать — и надолго! — демографическим лидером еврейской диаспоры. А по совместительству — и проводником жесткой государственной антисемитской политики, составными частями которой были и черта оседлости, и периодические высылки евреев, всеми правдами и неправдами обходивших дискриминационные по отношению к ним российские законы.

И тут следует подчеркнуть: столь впечатляющая практика советских депортаций имеет вполне «солидную» дореволюционную предысторию. К тому же в качестве жертв фигурировали отнюдь не одни евреи.

Так, еще в самом начале XIX века, во время русско-турецких войн в Причерноморье из Пруто-Днестровского междуречья (или Буджака) в Крым было выселено все мусульманское население (татары, турки, ногайцы)². После победы русского оружия в многолетней Кавказской войне и под влиянием турецкой пропаганды произошло массовое переселение в Турцию так называемых «мухаджиров» — горцев из побежденного Западного Кавказа. Всего за 1863–1864 гг. в Турцию из Кубанской области ушло 398 тыс. адыгов, абазин и ногайцев, потомки которых и по сей день проживают как в Турции, так и в других странах Ближнего Востока, Западной Европы и США.³

И все-таки по массовости и степени личной несвободы евреи в Российской Империи до 1861 года уступали только крепостным крестьянам, а после 1861 года — более никому. Выселения и другие репрессии против них в конце XIX века только усилились, оказав сильнейшее выталкивающее давление и дав толчок началу массовой эмиграции евреев из России, преимущественно в США и, по возможности, в Палестину.

Решающую роль при этом сыграла массовая депортация евреев из Москвы и Ростова-на-Дону в 1891–1892 гг. Еврейское население Москвы состояло из категорий различного статуса: правом *безусловного* проживания пользовались купцы, дипломированные врачи, инженеры и юристы, а также отставные (так называемые «никولاевские») солдаты. Ремесленники же, аптекари, фармацевты и подмастерья могли проживать в ней лишь *условно*, то есть при фактическом занятии указанной в ремесленной книжке профессией, а еще ряд категорий лиц — доверенные, приказчики — могли фактически проживать с разрешения местной администрации.⁴

² Бугай, Гонов, 1998, с. 25.

³ Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь, 1998, с. 96. Именно такое происхождение имела небольшая группа адыгов, проживавших в Косово и после обострения ситуации вокруг Косово в 1998 г. эмигрировавших в Россию, в Республику Адыгея (будучи не политиками, а всего лишь учеными, мы бы не стали в этом случае пользоваться термином «репатриация»).

⁴ Вермель, 1924, с. 20–21. Краткая справка: Вермель Соломон Самойлович (1860–1940) — еврейский врач и публицист. На две его, насколько нам известно, неопубликованные статьи — «Выселение евреев» и «Роль администрации в выселении евреев» — мы и опираемся при описании депортаций евреев в 1914–1915 гг. (рукописи: РГАЛИ, ф. 119).

29 марта 1891 года Александр III издал указ о запрещении евреям-ремесленникам селиться в Москве и Московской области и о выселении оттуда уже проживающих там евреев-ремесленников. Фактически же указ был распространен и на многие другие категории евреев. 14 июля был издан секретный приказ о начале выселения, предусматривавший и право получения отсрочки на различные сроки, но самое большее — на год. Разрешений же остаться практически не было: едва ли не единственное было дано Исааку Левитану. Часть евреев все же оставалась, но, по выражению С. С. Вермеля, ценою «моральной миграции», то есть перехода в христианство (преимущественно в лютеранство).

Начиная с 14 августа 1891 года и вплоть по 14 июля 1892 года⁵ (в зависимости от месяцев отсрочки) массы евреев заполняли московские вокзалы. Многие уезжали в пределы «черты оседлости», главным образом в Область Царства Польского (преимущественно в Варшаву и Лодзь), а также на юг, в Одессу. Из Москвы, по косвенным демографическим оценкам С. С. Вермеля, в течение 1891–1892 гг. было выселено около 38 тыс. чел.⁶

Большинство направлялось прямо за границу, главным образом в порты Германии. Это, на первый взгляд, чисто московское и статистически как бы не такое уж заметное событие имело тем не менее колоссальные последствия, дав решающий толчок массовой еврейской эмиграции в Северную Америку из всей России. Так, в 1891 году, по данным С. С. Вермеля, из России эмигрировало 42 145, а в 1892 году — уже 76 417 евреев. И это — несмотря на временное закрытие американских портов в начале 1892 года в виду угрозы эпидемий!⁷

В 1895 году был издан новый указ о выселении евреев за пределы России, на этот раз евреев — подданных Персии (выходцы из Герата или Мешхеда, они, в количестве нескольких сотен человек, поселились главным образом в районе Мерва); вскоре, однако, высылка была заменена разрешением остаться, но со статусом лиц с правом «временного жительства» в Закаспийской области. Тем не менее в 1910 году гератские евреи практически поголовно были выселены из Российской Империи как евреи-иностранцы⁸.

Совершенно новый масштаб принудительным миграциям в России (как еврейским, так и не-еврейским) придала **Первая мировая война**. Главным (хотя и далеко не единственным) инициатором и проводником «превентивных этнических чисток» и депортаций выступила именно царская **Россия**.

И это не удивительно, поскольку именно Российской Империи принадлежит «честь» многолетней научной и идеологической проработки этих вопросов. Ответственной за это дисциплиной являлась «военная статистика» — традиционный и традиционно один из ведущих предметов в Академии Генерального Штаба. Уже в силу своей зависимости от исполнения воинской повинности армия была крайне заинтересована в достоверных данных и исследованиях по географии населения России.

⁵ Вслед за С. Вермелем поразимся совпадению дат: ровно за 400 лет до этого дня, 14 июля 1492 года, завершилось изгнание евреев из Испании!

⁶ Вермель, 1924, с. 44–45.

⁷ Вермель, 1924, с. 38.

⁸ Куповецкий, 1992, с. 57.

Ведущие российские военные статистики конца XIX века — А. Макшеев, Н. Н. Обручев и в особенности В. А. Золотарев — разработали специфическую доктрину, которую правильно было бы обозначить как «**география неблагонадежности**»⁹. Она исходила из реальной географии «благонадежного» и «неблагонадежного» населения, а также из их соотношения в конкретной местности: к первой группе относилось преимущественно славянское население, ко второй — евреи, немцы, поляки, народы Кавказа, Средней Азии и т. д. Только те районы считались благоприятными по благонадежности, где русское население составляло не менее 50%. Градиент благонадежности, согласно Золотареву, сокращался по мере продвижения от центра к окраинам Империи. Все это слушали, конспектировали и штудировали слушатели Военной академии — будущие офицеры и командиры царской, Белой и Красной Армий.

Не ограничиваясь описаниями и рассуждениями, военная статистика зарекомендовала себя и как прикладная дисциплина, исследующая территориальную дифференциацию неблагонадежности: места скопления ненадежного населения фиксировались и контролировались. На случай войны давались рекомендации по экстренному «исправлению» этого «положения», особенно в приграничных районах. В качестве наиболее эффективных средств назывались взятие гражданских заложников, конфискация или уничтожение имущества или скота, а также *депортации по признакам гражданской и этнической принадлежности*. Под эту доктрину формировались специальные карательные войсковые соединения, со систематической свирепостью подавлявшие в зародыше или в самом начале любые ростки недовольства или мятежа против русской колонизации окраин Империи, в частности в Средней Азии, причем там крайней мерой были все же не депортации, а убийства гражданских лиц.¹⁰

Собственно говоря, и депортация евреев из Москвы в 1891 году была лишь реализацией научно обоснованной военно-статистической концепции о еврейской избыточности в этом городе. Тем более это справедливо по отношению к депортационным операциям на западной границе России по ходу Первой мировой войны. Одной лишь военной необходимостью, как справедливо замечает П. Хольквист, эти меры не объясняются: «*Их смысл становится понятным, только если мы серьезно отнесемся к концепции о возможности трансформации структуры населения либо путем введения в нее определенных элементов, либо путем удаления их из нее*».¹¹ По некоторым оценкам, депортации на западе затронули около 1 млн. чел., половина из которых — евреи, а треть — немцы.¹²

Поразительной могла бы показаться та стремительность и вместе с тем деловитость, с которыми российские власти приступили к операциям по депортациям. Но это совер-

⁹ См.: Хольквист, 1998. Впрочем, аналогичные идеи имели хождение и популярность и в соответствующих кругах Германии и Австро-Венгрии.

¹⁰ Применительно к Средней Азии и, в особенности, Семиречью, яркие примеры приводит П. Хольквист. В результате применения на практике рекомендаций военных статистиков численность коренного населения Семиречья сократилась к январю 1917 г. от 20 до 66% (Хольквист, 1998, с. 35–37).

¹¹ Хольквист, 1998, с. 39–40.

¹² Эта оценка принадлежит Эрику Лору, защитившему в 1999 г. в Гарвардском университете диссертацию о политике России по отношению к инородцам во время Первой мировой войны (см.: Хольквист, 1998, с. 38–39).

шенно естественно и понятно в свете тех идей, которым обучали в Академии Генерального штаба Российской Империи.

Уже в ночь на 18 июля 1914 года (по ст. ст.), то есть еще до официального объявления войны, Россия приступила к арестам и высылкам подданных Германии и Австро-Венгрии.¹³ А их было немало (в общей сложности не менее 330 тыс. чел.), уже десятками лет они проживали в Петербурге, Москве, Одессе и Новороссии, на Волыни, в Польше и Прибалтике. Высылали их в дальние внутренние районы (в частности, в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губ., а жителей Сибири и Приморья — в Якутскую обл.). Во второй половине 1915 года эта география серьезно «посуровела»: местами высылки стали зауральская часть Пермской губ., Тургайская обл. и Енисейская губ. Депортировали при этом не только «подозреваемых в шпионаже», но и вообще всех лиц призывного возраста (чтобы предотвратить их вступление в ряды армий противника), причем не только немцев, австрийцев или венгров, но и поляков, евреев и др. (исключение делалось чехам, сербам и русинам, давшим подписку «не предпринимать ничего вредного» против России). Особенно сурово обошлись с немецким населением Волыни, летом 1915 года чуть ли не поголовно высланным в Сибирь.¹⁴ Кстати, высылали — за счет самих высылаемых, а при отсутствии у них средств — по этапу, как осужденных.

На практике интернировали и вовсе без особого разбора, весь контингент именовался «гражданскими пленными». Высшей точкой этого беспредела стал приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича¹⁵ от 5 января 1915 года: очистить 100-верстную полосу вдоль русских берегов Балтийского моря от всех германских и австро-венгерских подданных в возрасте от 17 до 60 лет, причем отказывавшиеся уезжать объявлялись немецкими шпионами. И лишь спустя некоторое время, под давлением общественности и ряда отрицательных последствий, эти репрессии были несколько ослаблены, но только выборочно — главным образом для представителей славянских народов.¹⁶

Кроме того, высылались и подданные Турции (по меньшей мере 10 тыс. чел., среди них немало и крымских татар). По данным С. Нелиповича, их высылали в Олонечскую, Воронежскую, Калужскую, Ярославскую и Казанскую губ., а по данным Э. Лора — в Рязанскую, Калужскую, Воронежскую и Тамбовскую, а также — и в особенности — в район Баку, где для них был создан устрашающий по своим условиям лагерь на 5 тыс. чел.

¹³ А с конца октября 1914 г. — и Турции.

¹⁴ См.: Ауман, Чеботарева, 1994, с. 500. Достаточно распространенным является заблуждение о том, что Николай II якобы подписал Указ о депортации в Сибирь всех «своих», так сказать, чисто российских немцев-колонистов. Такого указа не было, но сама идея действительно существовала: громче других ее «озвучивало» созданное в августе 1914 года Общество «За Россию» (Нелипович, 1996).

¹⁵ После ухода Великого князя с поста Верховного главнокомандующего был заменен генералом М. В. Алексеевым. Ср. характеристику, данную ему П. Г. Курловым: «...всегда ласковый, крайне приветливый, внимательно выслушивавший делаемые ему доклады, быстро дававший соответствующие указания и привлекавший к себе всех ясностью ума, светившегося в его мягком взгляде. В вопросах гражданских генерал Янушкевич был так же неопытен, как и его августейший принципал...» (Курлов, 1992, с. 176).

¹⁶ Нелипович, 1996. См. также: Ther, 1999.

Конечно же, не забывали и про евреев. Так, в 1914–1916 гг. по причине их якобы поголовной нелояльности с территории Польши, Литвы и Белоруссии во внутренние губернии России было выселено 250–350 тыс. евреев, причем на сборы им давалось всего лишь 24 часа. За еще более короткое время оставляемые ими дома и лавки прилежно разграблялись местным населением. (Забавно, что самый факт их выселения не мешал военным взваливать на них же и ответственность за свои чисто военные неудачи.) Первым — уже в начале августа 1914 года и вместе с местными немцами — было выселено еврейское население Яновца Радомской губ., чуть позже — население посада Рыки (по-видимому, той же губернии), Мышенца Ломжинской губ. и Новой Александрии Люблинской губ. (дважды — 23 августа и в начале сентября 1914 года). В октябре все евреи были выселены из местечек Пясечна, Гродзиска и Скерневиц Варшавской губ.; в частности, из Гродзиска было выселено 4000 чел. (включая 110-летнюю старуху). Позднее им разрешили вернуться, но в январе 1915 года, вместе с еврейскими жителями еще приблизительно 40 поселений губернии, они были выселены вновь (причем, как в случае с жителями Сохачева, из их числа брались и заложники, некоторые из которых были повешены). В марте 1915 года, накануне еврейской пасхи, 500 семей было выселено из Радошиц Радомской губ., а также из гмины Мниеев Келецкого уезда. Большинство выселенных польских евреев устремлялось в Варшаву, где их скопилось до 80 тыс. чел., но впоследствии въезд в любые крупные города был для евреев закрыт.

Однако все эти отдельные выселения и бедствия, как отмечал С. Вермель, посвятивший им серию обобщающих статей, «...бледнеют перед грандиозным массовым выселением из Ковенской и Курляндской губернии». 30 апреля 1915 года для Курляндской и 3 мая для Ковенской и частично для Сувалкской и Гродненской губ. — ввиду быстрого наступления немецкой армии — последовали распоряжения русской военной администрации о немедленной и поголовной депортации всех местных евреев. Всего из Курляндии тогда было выселено около 40 тыс. чел.¹⁷, а из Ковенской губ. — от 150 до 160 тыс. чел. Местами их нового поселения были назначены отдельные уезды Полтавской, Екатеринославской и Таврической губ.¹⁸

Против выселения евреев из Курляндии протестовал Прибалтийский генерал-губернатор П. Г. Курлов, специально по этому вопросу ездивший в ставку Верховного главнокомандующего и убедивший его отменить свое распоряжение. В ходе немецкого наступления полномочия в вопросах высылки перешли к войсковым командирам, не имевшим ни желания, ни времени разбираться в этих вопросах: поэтому фактические депортации могли инспирироваться даже второстепенными чинами полиции или даже контрразведки¹⁹.

Тем не менее в июне 1915 года выселение евреев продолжилось, захватив уже юго-западный край — Подольскую и Волынскую губ. И все это — невзирая на то, что почти в каждой еврейской семье кто-нибудь да воевал на войне и что еврейскую молодежь, в том числе и из числа выселенцев, продолжали призывать в действующую армию!

¹⁷ Поводом для репрессий по всей Курляндской губернии явилась гибель русского отряда близ местечка Шавли, случившаяся якобы из-за еврейского шпионажа (Курлов, 1992, с. 214–215).

¹⁸ Выселение допускалось только в черте оседлости, но за исключением губерний, объявленных на военном положении (со временем это стало актуально для большинства губерний).

¹⁹ См.: Курлов, 1992, с. 215–216, 181–182.

(Как бы в скобках и несколько забегая вперед: в советское время, поначалу принесшее евреям освобождение от дискриминации, отдельные выселения евреев были продолжены, но в несравнимо меньшем масштабе. Так, в 1920-х гг. в Дагестане и Азербайджане часть жителей аулов с татским и горско-еврейским населением были «спущены» в Дербент и Кубу. В 1937–1938 годах в рамках кампании по депортации иностранных подданных из приграничной зоны Марыйской области Туркмении в северную, пустынную часть области были депортированы евреи-ираны. В 1940 году с аннексированных СССР польских территорий были депортированы еврейские беженцы из оккупированной Германией западной части бывшей Польши²⁰: приходится отмечать, что это спасло их от фашистского геноцида²¹. Гипотезы о предположительно готовившейся Сталиным в 1953 году депортации евреев в Сибирь мы, ввиду отсутствия прямых документальных доказательств, здесь не касаемся.)

В целом же приходится констатировать, что **подход царского правительства к «враждебно-подданным» интернированным во многом предвосхитил страшные черты депортационной политики советского государства.**

Но самые первые в XX столетии беженцы и депортанты в Европе отмечены не в России, а на Балканах, в результате двух Балканских войн 1912/1913 гг. между Болгарией и Турцией — своего рода прелюдии к Первой мировой войне. По меньшей мере 500 тыс. чел. оказались в их результате изгнанными из мест проживания и стали беженцами. В 1913 году, после завершения Второй Балканской войны, Болгария и Турция подписали первое в мире официальное соглашение, предусматривавшее переселение национальных меньшинств (фактически было «обменено» приблизительно по 50 тыс. чел.²²). В 1914 году аналогичное соглашение заключили Турция и Греция, а в 1919 году — Греция и Болгария.²³ В 1915 году в Турции произошла одна из страшнейших в мировой истории «этнических чисток» — массовая резня армян, сопровождавшаяся бегством спасшихся за границу, в том числе и в Советскую Армению.

Неслыханный прежде по масштабам обмен гражданами произошел согласно греческо-турецкому Соглашению об обмене населением от 30 января 1923 года и Лозаннскому мирному договору от 23 июля 1923 года. Там Турция и Греция договорились об обмене меньшинствами, или, иными словами, о взаимно-мирной «этнической чистке» большей части своих территорий²⁴: около 400 тыс. турок было переселено из Греции в Малую Азию, а оттуда в свою очередь было депортировано около 1,2 млн. греков. Это

²⁰ См. ниже.

²¹ За исключением польских евреев-военнослужащих, проживавших в западных, оккупированных немцами районах Польши и взятых в плен Красной Армией: вместе с другими военнопленными все они, по соглашению между СССР и Германией от 30.10.1939, были обменены на польских военнопленных родом из восточных районов Польши (индивидуальные обращения к советским властям с просьбами не передавать их немцам советской стороной игнорировались).

²² А точнее — 48 570 турок и 46 764 болгарина (*Martin*, 1998, p. 818, со ссылкой на: *Ladas S. P. The Exchange of Minorities: Bulgaria, Greece and Turkey. New York, 1932.*

²³ См.: *Ther*, 1999, со ссылками на: *Djordzevic*, 1989, p. 117 и *Sundhaussen*, 1996, s. 35.

²⁴ Исключения были сделаны для греков, проживавших в Стамбуле до 30.10.1918, и для мусульман, проживавших в Восточной Фракии.

создало «многообещающий» прецедент разрешения международных споров и конфликтов посредством этнических чисток.

После поражения Германии в Первой мировой войне и сокращения ее территории на оставшуюся часть Германии из Прибалтики переселилось около 1 млн. немцев. В то же время в Польшу хлынул поток беженцев из восточной Украины и Белоруссии.

Эмиграция из большевистской России, по разным оценкам, составляла от 1,5 до 3 млн. чел. Однако (за исключением разве что «философского парохода» с полутора сотней чел. на борту) это все-таки были беженцы, а не депортанты. В 1921 году под эгидой Лиги Наций была создана Комиссия по расселению беженцев (Refugees Settlement Commission), председателем которой стал Фритьоф Нансен. В 1931 году было основано так называемое «Ведомство Нансена» (Nansen-Amt), а в 1933 году заключена конвенция о беженцах. Международные (так называемые «нансеновские») паспорта, вместе с помощью Фонда Нансена и других организаций, помогли выжить и ассимилироваться миллионам людей, в том числе и еврейским беженцам из Германии.

Принудительные миграции и Вторая мировая война

Но ни с чем не сравнимый бум депортаций принесла **Вторая мировая война** и связанные с ней события. Она «привнесла» в понятие принудительных миграций много нового и трагического. В результате военных действий с места было стонуту в общей сложности — и это только в Европе — около 30 млн. чел. Одних только перемещенных лиц после войны было зарегистрировано около 13,5 млн. чел. Таких масштабов и за столь краткие сроки человечество еще не знало!

Первым мощным толчком послужила охваченная гражданской войной **Испания**. С территории, контролировавшейся войсками генерала Франко, к республиканцам бежало почти 2 млн. чел, а около 0,7 млн. чел. вообще уехали из Испании (главным образом во Францию и ее североафриканские колонии, но частично в Латинскую Америку и в СССР). После окончания войны около 180 тыс. испанцев так и остались во Франции.²⁵

Общее число беженцев внутри самой **Франции** достигало 5 млн. чел., включая 70 тыс. эльзасцев, бежавших в 1940 году от германской аннексии и не слишком домогавшихся боевой славы в униформе вермахта.

Если рассматривать Вторую мировую войну как глобальную схватку двух коалиций, то придется признать, что оба противоборствующих лагеря самым решительным образом «обогатили» соответствующий исторический опыт. Но в первую очередь это относится к тоталитарным лидерам коалиций — коммунистическому режиму Сталина и национал-социалистическому режиму Гитлера.

²⁵ Сведения из доклада Р. Тосторфа «Испанские беженцы после конца Гражданской войны в Испании» на симпозиуме «Высылка. Бегство. Депортация» (Vertreibung — Flucht — Deportation), состоявшемся в Вене 22–23.10.1993.

Только в СССР под понятие «принудительные миграции» подпадало около 15 млн. чел., считая и тех, кого депортировала на свою территорию Германия. Но поскольку СССР будет посвящено, по существу, все последующее изложение, то охарактеризовать депортационную политику его противников (прежде всего Германии и Японии) и даже союзников (например, США) было бы крайне интересно уже теперь.

Именно **Германия** как никакая другая страна была главным «соперником» Советского Союза на ниве принудительных миграций. При этом первоочередную и решающую роль играл, в случае нацистской Германии, именно **этнический** аспект. Двумя народами, пользовавшимися усиленным и особенным вниманием нацистов, были **немцы** и **евреи**.

Применительно к **немецкому населению**, проживавшему вне пределов Рейха (так называемые «*фольксдойче*»), гитлеровское государство строило — и упорно претворяло в жизнь! — весьма масштабные и претенциозные переселенческие планы.

6 сентября 1939 года (то есть сразу же после оккупации вермахтом Западной Польши) Гитлер произнес в Рейхстаге зажигательную речь: между европейскими народами должны быть четкие и ясные границы, ради чего Германия должна переселить на новые места сотни тысяч «*фольксдойче*». Назавтра был создан специальный Рейхскомиссариат по вопросам укрепления немецкой народности во главе с Гиммлером, в задачи которого входило: а) осуществление скорейшей репатриации в Рейх всех «*рейхсдойче*» и «*фольксдойче*», проживавших вне Рейха; б) исключение и пресечение каких бы то ни было вредоносных влияний, опасных для «немецкой народности»; и в) формирование новых ареалов расселения немецкого народа посредством переселения в них репатрируемых немцев, прежде всего из восточной и юго-восточной Европы.

Так началась кампания под девизом «*Heim ins Reich!*» («Домой в Империю!»). Для ее успешного завершения недоставало всего лишь двух вещей — научного способа отличать немца от не-немца и уточнения понятия «*Рейх*», — лучше всего путем некоторого расширения его границ.

Уже давно начав со второго (аннексия Австрии и Судетской области), не забывали и о первом. Между 11 и 13 октября 1939 года было создано Центральное Бюро по иммиграции (EWZ)²⁶. В его компетенцию входили прежде всего вопросы иммиграции и натурализации «*фольксдойче*»²⁷.

²⁶ Einwanderungszentralstelle (или EWZ). Организационно — в составе Главного управления имперской безопасности (РСХА) и в подчинении СД.

²⁷ Процедура была приблизительно одинаковой для всех групп немецких репатриантов: пофамильно и индивидуально их регистрировали, фотографировали и тестировали по признакам здоровья, расы и политических взглядов. Те, кто благополучно прошел расовую проверку, имел право на получение немецкого гражданства. Кроме того, EWZ занималось практическими вопросами разработки и применения тех критериев «арийской расы», над которыми уже давно и усердно трудились немецкие специалисты по расовым вопросам: предполагалось, что с помощью этих критериев можно будет не только четко отличать немецкое население от не-немецкого, но и выделять внутренние разновидности среди немцев. В частности, официально существовало две категории «качества немецкой крови», соответствующие как бы «сильной» и «ослабленной» ее разновидностям, — «O» (или «*Ost-Fall*») и «A» (или «*Altreich-Fall*»): немцы категории «O» признавались годными к переселению на восток, где их сильная кровь будет способствовать германизации ареала проживания, тогда

Первоочередное внимание было обращено на немцев, проживающих в зоне советского влияния, какой она представлялась после заключения пакта Молотов — Риббентроп. В секретном протоколе от 28 сентября 1939 года имелся пункт о взаимном содействии лицам немецкой национальности, проживающим в советской зоне влияния, в случае их желания переехать в зону немецкого влияния (то же самое было действительным для украинцев и белорусов, намеревавшихся переселиться в СССР).

Не случайно первый региональный орган EWZ был открыт уже 12 октября(!) в Готенхафене (совр. Гдыне) на Балтийском море и носил название «Северо-восточное бюро по иммиграции» (Einwanderungsstelle Nordost)²⁸. Отсюда же — и та стремительность, с какой Германия приступила к переговорам с СССР по вопросам эвакуации немцев из Прибалтики и Транснистрии: в Берлине не питали иллюзий относительно того, как с ними поступит Сталин в ситуации войны или непосредственной подготовки к ней.

Уже в октябре 1939 года была создана смешанная германо-советская комиссия по делам эвакуации, а 16 ноября было подписано соответствующее соглашение. Главноуполномоченными с советской и немецкой стороны были Я. Н. Синчин и Хофмайер, оба имели резиденцию в Луцке; кроме того, на немецкой стороне было два советских представительства — в Хелме (С. Н. Троицкий) и Ярославле (В. С. Жегаров). По имеющимся данным, к 8 февраля 1940 года было эвакуировано на запад до 128 тыс. лиц немецкого происхождения, в том числе 15 тыс. поляков, претендовавших на «немецкость»; число желающих эвакуироваться в противоположном направлении составляло около 40 тыс. чел., в том числе немало евреев, но советская сторона согласилась принять только 20 тыс. чел.²⁹

Согласно советско-германским договорам о репатриации в Германию немцы, проживавшие на территориях, аннексированных СССР в 1939–1940 гг., имели право «репатриироваться» из СССР. Эта репатриация носила строго этнический характер: ни славяне, ни евреи, — даже если они были членами «карийских» семей, — под ее действие не попадали: арийцам настоятельно рекомендовали разводиться со столь «нежелательными» супругами³⁰.

Переселение декларировалось как сугубо добровольное, однако по сути таковым не являлось: было совершенно очевидно, что те, кто останутся, будут рассматриваться советской стороной как немецкие агенты и подозрительный элемент. Это же понимали и сами «фольксдойче», поэтому немецкой пропаганде не пришлось чрезмерно усердствовать в представлении этих «добровольно-вынужденных» миграций в качестве совершенно свободных. Тем не менее нельзя не отметить редкостное в истории совпадение интересов основных заинтересованных сторон — СССР, Германии и самих немцев.

как немцы категории «А» к большему, нежели к проживанию внутри Рейха, годными не признавались. См.: *The Holdings...*, 1994, p. 10–18.

²⁸ Этот орган совмещал региональные функции с центральными. Любопытно, что он и сам по себе «мигрировал»: в ноябре 1939 г. из Готенхафена он переехал в Позен (Познань), в январе и феврале 1940 г. — в Лодзь и Берлин, в августе 1940 г. — снова в Лодзь (теперь уже Литцманнштадт), где оно и просуществовало до января 1945 г.

²⁹ Искренне благодарю своего польского коллегу С. Дебского (Краков, Польша) за любезное разрешение воспользоваться найденными им в советских и польских архивах сведениями об этих событиях.

³⁰ *Passat*, 1994, с. 21, 99–121.

Согласно первому советско-германскому соглашению от 16 ноября 1939 года, с бывшей польской территории, аннексированной СССР (то есть из Западной Украины и Западной Белоруссии), была произведена первая эвакуация лиц немецкой национальности³¹.

Немцы этот опыт сочли успешным и торопились распространить его так же и на Бессарабию и Северную Буковину, где проживало не менее 110 тыс. немцев³². 25 июня 1940 года посол Шуленбург встречался с Молотовым, а 9 июля обратился в НКВД СССР с памятной запиской, где предлагалось немедленно начать переговоры по этому вопросу, с тем чтобы осуществить переселение до зимних холодов. В итоге договор об эвакуации был подписан в Москве 5 сентября 1940 года.³³

Подготовка всей операции возлагалась на Смешанную советско-германскую комиссию по эвакуации, причем практически по всем спорным вопросам советская сторона, как правило, уступала. Уже к концу октября 1940 года операция по переселению из Бессарабии и Северной Буковины в основном завершилась: к этому времени из зарегистрированного количества в 126 242 чел. автотранспортом, морем или гужом выехало 106 872 чел., а не переселенных (главным образом из Северной Буковины) оставалось около 17 тыс. чел. С учетом 260 чел., эвакуированных в 1941 году, общее число «фольксдойче», переселенных из этих районов, составило 124 тыс. чел.³⁴

10 января 1941 года был подписан другой аналогичный договор между Германией и СССР, затрагивающий Прибалтику (см. ниже). Всего же из западных районов СССР было эвакуировано 392 тыс. «фольксдойче»³⁵ (по другим данным — 350 тыс. чел.³⁶).

³¹ *Пассат*, 1994, с. 18, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 3, д. 216, л. 5.

³² По данным на конец 1930 года, в Бессарабии (правобережной Молдавии) проживало 81 тыс. (в том числе 56 тыс. в Аккерманском районе), а в Северной Буковине — 29 тыс. немцев. Еще 11 тыс. немцев проживало в 1928 году в левобережной Молдавии, имевшей тогда статус Молдавской АССР в составе Украины (*Пассат*, 1994, с. 65).

³³ «Соглашение между Правительством СССР и Правительством Германии об эвакуации лиц немецкой национальности с территории Бессарабии и Северной Буковины на территорию Германии». Подписано д-ром В. Нельдеке и Васюковым (РГВА/ЦХИДК, ф. 1458, оп. 40, д. 195). Эвакуационный аппарат германской стороны насчитывал 600 чел., из них 60, по данным НКВД, являлись разведчиками. В свою очередь и НКВД использовало переселение для внедрения в Германию своей агентуры (*Пассат*, 1994, с. 20–21).

³⁴ С собой колонисты увезли 22 613 лошадей и другое оговоренное в договоре имущество. В то же время они оставили 59 тыс. га земли, 22 425 домов, более 5000 лошадей, около 16 тыс. голов крупного рогатого скота, около 60 тыс. овец, 2 тыс. свиней и 147 тыс. голов домашней птицы, 4 млн. рублей, а также значительное количество сельхозпродукции, в том числе и на корню. Освобожденные земли были переданы безземельным и малоземельным крестьянам, а также на организацию колхозов и совхозов. К весне 1941 г. в порядке внутривнутриреспубликанского переселения из северных районов Молдавской ССР в Кагульский, Бендерский и Кишиневский районы, где ранее проживали немцы, было переселено 1718 малоземельных хозяйств (*Пассат*, 1994, с. 21).

³⁵ *Марианьский*, 1966. Следует заметить, что одновременно эвакуировалось и немецкое население из Румынии.

³⁶ По данным польского исследователя Я. Собчака, за 1939–1940 гг. из СССР (в послевоенных границах) выехало не менее 350 тыс. этнических немцев, в том числе (тыс. чел.): из Латвии и Эстонии — 77,2, из Литвы — 51,1, из Галиции — 10,4, с Волыни — 67,5, из Белоруссии — 43,9, Северной Буковины — 43,7 и из Бессарабии — 93,4 (*Кабузан*, 1996, со ссылкой на: *Sobczak*, 1966, с. 321).

Все эти эвакуации назывались «договорными переселениями», поскольку относительно каждой группы «фольксдойче» Германия стремилась заключать международные договоры. Первый такого рода договор Германия заключила с Эстонией (15 октября 1939 года), потом с Италией (21 октября; относительно немцев из Альто Адиге в Южном Тироле), затем с Латвией (30 октября) и дважды с СССР: 16 (по другим данным — 11) ноября — относительно немцев из Западной Украины и Западной Белоруссии, а 5 сентября 1940 года — по немцам из Бессарабии и Северной Буковины. Следующей на очереди была Румыния (22 октября 1940 года), а затем опять СССР (два договора от 10 января 1941 года: один — по немцам из Эстонии и Латвии, другой — по переселению в Литву литовцев, русских и белорусов из Мемельской и Сувалькской областей), затем еще раз Италия (31 августа — о переселении «фольксдойче» из провинции Лайбах) и, наконец, Хорватия (30 сентября 1942 года). Общее количество «договорных переселенцев» составило 751 460 чел.³⁷

До того момента как Лодзь был освобожден Красной Армией³⁸ и EWZ, соответственно, прекратило свое существование, в ее картотеку было занесено 1 055 400 этнических немцев. Различалось 16 категорий, среди которых самой массовой были немцы из Советского Союза (очевидно, в границах по состоянию на 17 сентября 1939 года) — 275 тыс. чел. Далее следовали (в порядке убывания; чел. — данные округлены): немцы из Бессарабии и Добруджи и их родственники — 118 000; лица, находящиеся в процессе германизации (*im Deutschstdmmigenverfahren*) — 113 000; лица, находящиеся в процессе переселения (*im Umsiedlungsverfahren*) — 107 000; немцы из Буковины — 96 000; немцы из Волини и района Нарева — 79 400; немцы из Латвии и Эстонии — 72 200; немцы из Галиции — 57 800; немцы из Литвы — 51 100; «фольксдойче» из Франции — 19 800; немцы из Боснии — 18 500; переселенцы (*Absiedler*) из Словении — 15 900; немцы из Готшее (*Gottschee*) в Словении — 15 000; лица немецкого происхождения (*Deutschstämmige*) из Франции — 5600; немцы из Сербии, Греции и Словакии — 3400; немцы из Болгарии — 2300; особые переселенцы из Нового Света — 550 и «германские возвращенцы» («*Germanische Einwanderer*») — 150 чел. Кроме того, от 10 до 12 тыс. чел. получили немецкое гражданство по приказу Гитлера от 19 мая 1943 года, предоставлявшему соответствующие льготы лицам, вступившим в действующую армию или СС.

Не следует упускать из виду и тех, чьи «расовые дела» еще находились на разных стадиях рассмотрения: их общее количество — от 120 до 126 тысяч, из них около 110 тыс. — немцы из СССР и 10–15 тыс. — из Судетской области³⁹. Таким образом, общее число представителей «фольксдойче», признанных или зафиксированных в EWZ, составляло 1180 тыс. чел.

³⁷ *The Holdings...*, 1994, p. 34, 37. По другим данным, относящимся к январю 1944 г., их число составляло 770 577 чел. Еще до начала войны с СССР это число уже составляло 583 тыс. чел. (*The*, 1999, со ссылкой на: *Bierschenk*, 1954).

³⁸ Архив EWZ был эвакуирован в Бад-Ворисхофен под Аугсбургом. В коллекции заявлений на натурализацию, хранящихся в BDC, — примерно 110 тыс. дел, заведенных на граждан СССР, 100 тыс. — на польских немцев, 82 тыс. — на немцев из Румынии, 73 тыс. — из Прибалтики, 23 тыс. — из Югославии, 14 тыс. — из Франции и 700 — из Болгарии. См.: *The Holdings...*, 1994, p. 17–19.

³⁹ См.: *The Holdings...*, 1994, p. 17–19 и 40.

Около 400 тыс. расовопригодных «фольксдойче» предполагалось расселить на новых восточных территориях — в вновь созданных гау «Данциг — Западная Пруссия» и в гау «Вартеланд», в основном, на территории бывшей Польши. И кое-что из этого было осуществлено: за годы войны было переселено в общей сложности 650 тыс. «фольксдойче», в том числе 80 тыс. из Южного Тироля.⁴⁰

Согласно планам Гитлера, со временем (в течение примерно двух послевоенных десятилетий) на Востоке должна была возникнуть самая настоящая колония Рейха, для чего его восточные границы предполагалось перенести не менее чем на 500 км восточнее имеющихся. *«Сегодня — колонии, завтра — районы расселения, послезавтра — Рейх!»*, — так откровенно и цинично выражался по этому поводу Гиммлер.⁴¹ Для начала же предстояло зачистить и освоить своеобразные «коридоры», разделяющие немецкие очаги расселения — восточнее Варшавы и на юге Польши, в Бескидах.

Но территории, на которые положил глаз Гитлер во имя «завтра» и «послезавтра», уже «сегодня» следовало бы предварительно очистить от местных жителей — очистить частично (если речь шла о славянском населении) или же полностью (если об еврейском). Во втором случае речь шла уже не об «этнических чистках», как в первом, а о **геноциде**: именно польские евреи из Вартегау стали одними из первых, кого отправили в лагерь смерти. Впрочем, на самом вершине раздавались и голоса сторонников тотальных депортаций славян, например, чехов из Чехии и Моравии⁴².

Так что зловещая связь переселенческих игривых теоретизирующего национал-социализма с практикой Холокоста — на самой поверхности⁴³. Собственно административными вопросами высвобождения подходящей территории занимался организационный «двойник» EWZ — Центральное бюро по переселению⁴⁴. Эту организацию, с учетом ее роли в судьбах еврейского населения Польши и других стран, без преувеличения следовало бы отнести к числу преступных.

В то же время и многоуспешная деятельность в Польше немецких органов по добровольно-принудительной вербовке поляков на работы в Рейх, казалось бы не имевшая прямой связи с переселенческими программами Рейха, уже в силу одной многочисленности вовлеченных в нее контингентов (в Рейх было отправлено не менее 2,8 млн. чел.), немало поспособствовало разуплотнению населения Польши — и без того не самой густонаселенной страны в Европе.

⁴⁰ Подробнее см.: *Stuhlpfarrer, 1985*.

⁴¹ Из речи Гиммлера, произнесенной 23.11.1942 в юнкерской школе СС в Тельце (цит. по: *BDC*, р. 40).

⁴² В частности, «голос» генерала Фридрици, предшественника Гейдриха на высшем оккупационном посту в Протекторате. См. в неопубликованном докладе А. Шмидта «Экспериментальный сад: применение расовой теории в чешских землях», сделанном им на конференции «Вторая мировая война» в Сиенском колледже (июнь 1999 г.).

⁴³ См.: *Aly, 1995*.

⁴⁴ *Umwanderungszentrale (UWZ)*. Создано в 1940 г. в качестве преемника Службы по переселению поляков и евреев (*Amt für die Umsiedlung der Polen und Juden*). Занималось также и отбором поляков, расово пригодных для германизации.

Не были оставлены вниманием и прочие народы и районы. Например, согласно плану генерал-комиссара К. фон Готберга, казаки, вынужденные, вслед за отступающим вермахтом, оставить свои родные станицы на Дону и на Кубани, были размещены в своеобразных «военных поселениях», или «станицах», в лесных районах Западной Белоруссии, где были задействованы для вооруженной борьбы с противниками режима, в данном случае с партизанами. При этом обширная территория в 180 тыс. кв. км, отданная им под контроль, должна была быть освобождена от «ненадежного» местного населения и заменена «надежным» пришлым (в основном, беженцами от Красной Армии). Для этого «...отдельные деревни объединялись в оборонительные районы с сильными военными гарнизонами и разветвленной системой децентрализованных опорных пунктов»⁴⁵.

Но все же основным предметом «забот» Рейха были, конечно, не казаки и даже не поляки, а **евреи**. Еще в 1919 году Гитлер писал о необходимости «очистить» от них Германию, а в 1933 году, придя к власти, он вплотную занялся этим вопросом. И хотя в силу «прелестей» национал-социалистической политики евреи и сами стали стремительно покидать Германию, все же расчет на их «принудительно-добровольную» эмиграцию из Германии оправдался только частично. После того как страну покинуло в общей сложности более 400 тыс. немецких евреев (около $\frac{3}{4}$ ее еврейских граждан), власти Третьего Рейха сделали ставку на «депортационный» принцип.

«Тотальная депортация», наряду с созданием системы гетто и лагерей смерти, была важнейшей составной частью нацистского плана «окончательного решения» еврейского вопроса, контуры которого прояснились на зловещей конференции в Ваннзее 20 января 1942 года. План был многоступенчатым и в конечном счете имел мишенью практически все 10-миллионное еврейство Европы.⁴⁶

По мере территориальной экспансии Третьего Рейха в 1938–1939 гг. под действие германского антиеврейского законодательства подпадало все большее число евреев. Именно в Вене, вскоре после аннексии Австрии, в том же марте 1938 года было организовано специальное Центральное управление по еврейской эмиграции. Занимаясь в первую очередь рутинными вопросами легальной еврейской эмиграции, оно уже в 1938 году попробовало себя в «жанре» депортаций. Именно им 28–29 октября 1938 года было депортировано около 70 тыс. евреев — польских граждан, постоянно проживавших в Рейхе: 31 октября истекал установленный польским правительством срок обмена ими польских паспортов, и лица, прибывшие после этого срока, уже не пропускались в Польшу, а накапливались на ничейной территории в районе Збашина.

⁴⁵ См. примечание № 1 А. Огорокова к публикации воспоминаний полковника А. И. Медынского (Материалы по истории РОА, 1999, с. 473).

⁴⁶ «Окончательное решение» при этом не обязательно означало немедленную физическую ликвидацию всех евреев Европы: после победного завершения войны евреев из Германии и западноевропейских стран предполагалось депортировать на оккупированные восточноевропейские территории, которые к этому времени постепенно должны были быть «очищены» (буквально) от собственного еврейства. И здесь, как и в случае с этническими немцами, ключевым вопросом являлся: кого следует и кого не следует считать евреем (см.: *Martin*, 1998).

После оккупации Польши в сентябре 1939 года нацисты «наверстали упущенное», и с лихвой. Для вселения евреев ими была выделена 20-тысячекилометровая резервация между Вислой, Бугом и Саном со столицей в Люблине⁴⁷. Сюда должны были отправить всех евреев со всей Европы, но в первую очередь из Германии, Австрии, Чехии и Польши. Уже в конце октября 1939 года первые эшелоны — около 22 тысяч человек из Вены, Моравской Остравы и Катовиц — были свезены в лагерь Ниско на реке Сан, откуда многие бежали на советскую территорию⁴⁸.

Спустя некоторое время эти, по выражению самих нацистов, «дикие депортации» была приостановлены и возобновлены только в начале 1941 года: ими, тем не менее, было охвачено, по состоянию на март 1941 года, около 380 тыс. польских граждан (как евреев, так и поляков). В октябре 1940 года на территорию вишейской Франции были депортированы все евреи из Эльзаса и Лотарингии (70 тыс. чел.), а заодно и из Бадена и Саар-Пфальца (6,5 тыс. чел.). После нападения на СССР около 50 тыс. евреев из Германии и других европейских стран депортировали в Лодзь или даже на оккупированную территорию СССР, в Риге и Каунасе часть из них уничтожили.

С началом реализации программы по физическому истреблению евреев и открытием лагерей смерти их депортации, распространившиеся теперь и на население многочисленных гетто, приобрели предельно зловеющий оттенок. Они осуществлялись не постоянно, а своеобразными волнами (в частности, с середины января по середину мая и в сентябре 1942 года, в первые месяцы 1943 года и в 1944 году⁴⁹). Не будет преувеличением рассматривать депортации как неотъемлемую и во многом решающую часть нацистской технологии массового истребления евреев.

Следует заметить, что накануне и во время Второй мировой войны политику принудительного переселения и трудоустройства, весьма схожую с гитлеровской и советской, проводили и другие страны, главным образом союзники Германии по «антикоминтерновской» коалиции (в особенности Румыния). Так, вновь (как и в 1913 году) попробовала себя в жанре этнических депортаций и обменов **Болгария**: в 1940 году,

⁴⁷ Интересно, что в качестве альтернативы Люблину одно время обсуждался ни много ни мало... — остров Мадагаскар!

⁴⁸ *Browning*, 1995, p. 366. С собой разрешалось брать до 50 кг багажа, помещающегося в сетке вагона над занятым местом. Приборы и инструменты можно было сдать в багаж. Разрешалось иметь: 2 теплых костюма, зимнее пальто, плащ, 2 пары сапог, 2 пары нижнего белья, платки, носки, рабочий костюм, спиртовку, керосинку, столовый прибор, ножик, ножницы, карманный фонарик с запасной батарейкой, подсвечник, спички, нитки, иголки, тальк, рюкзак, термос, еду. Денег — не более 200 рейхсмарок. Освобождение от явки на переселение возможно либо по причине болезни (официально засвидетельствованной), либо из-за наличия документов на миграцию в другую страну. Приходится отмечать, что планы нацистов находили «поддержку» у части русской эмиграции в Германии, в частности у Национально-Трудового Союза. См.: *Заборовский Д.* Опыт разрешения еврейского вопроса // За родину. 1939. № 95. 15 декабря (см.: *Синтаксис.* Париж. 1991. № 31. С. 179–182).

⁴⁹ Крупнейшей операцией в 1944 году была депортация 437 тыс. венгерских евреев в мае-июле 1944 года. По иронии истории, когда рабочие руки в Рейхе начали кончаться, немцы были вынуждены пойти даже на то, чтобы часть евреев из Венгрии, в частности из Будапешта... завезти в Германию!

после включения в ее состав Добруджи, Восточной Македонии и Западной Фракии (ранее входивших в состав Румынии и Греции), она выселила около 100 тыс. румын, 300 тыс. сербов и 100 тыс. греков, переселив на их место 125 тыс. болгар. Тысячи сербов были депортированы в 1940 году также и из Хорватии.⁵⁰ В 1943–1944 гг. новые договоры об обменах населением заключили между собой и три восточноевропейских союзника Германии — **Румыния, Венгрия и Болгария**: суммарное число затронутых этими переселениями людей составило около 500 тыс. чел.⁵¹

Но совершенно особенного упоминания заслуживает **Япония**, чья политика по отношению к депортированным гражданским лицам (так же как и к военнопленным) даже на фоне Германии и СССР отличалась какой-то особенной брутальностью. Ее главным (но не единственным) этническим объектом были *корейцы*⁵². Принудительно в годы войны — прежде всего на территории самой Кореи — трудилось около 4,6 млн. корейцев: с 1944 года обязательному труду подлежали уже все дети, начиная с 4-го класса.

К депортациям же корейцев фактически приступили уже в 1939 году (по некоторым сведениям — даже раньше, что послужило своеобразным «сигналом» и для советских органов), но только в конце 1941 года был издан соответствующий законодательный акт⁵³. В 1939 году в Японию были угнаны первые 49,8 тыс. корейских рабочих. В 1940 году количество угнанных несколько возросло — 59,4 тыс. чел. (вместе с угнанными на Сахалин). В 1941 году депортации подверглись еще 67,1 тыс. чел., причем впервые корейцев вывезли на острова южной части Тихого океана (1,8 тыс. чел., а всего за военное время — 5,8 тыс. чел.). В 1942 и 1943 гг. число угнанных корейцев достигло уже, соответственно, 120,0 и 128,4 тыс. чел. Последние 16,4 тыс. чел. были угнаны в 1944 году. Всего за 1939–1944 гг. из Кореи было депортировано 444,3 тыс. чел.⁵⁴ Главной сферой трудоустройства корейцев в Японии была угледобыча.

⁵⁰ См.: *Martin*, 1998, p. 820.

⁵¹ См.: *Ther*, 1999, со ссылкой на: *Magocsi*, 1993, p. 166.

⁵² См.: *Buruma J.* Erbschaft der Schuld. Vergangenheitsbestätigung in Deutschland und Japan. München, 1994, s. 349–368.

⁵³ Die Geschichte Koreas. Bd. 22. Die Entwicklung der nationale Bewegung. *Seul*, 1978, s. 435–442 (на корейском языке). Благодарю госпожу Зен Сук Хан за любезно присланные материалы.

⁵⁴ Die Zeit des nationalen Leidens // Die Zeitgeschichte Koreas. Bd. 4. Seoul, 1969, s. 46 (на корейском языке). Близкую цифру — 422,3 тыс. депортированных корейцев — встречаем в: *Tae-Woon Moon*. Die japanisch-koreanischen Beziehungen nach dem Zweiten Weltkrieg unter besonderer Berücksichtigung der Nationalstereotypen / Reihe Geschichtswissenschaft. Bd. 11. — Centaurus-Verlagsgesellschaft, *Pfaffenweiler*, 1989, s. 16–17 (со ссылкой на: *Chen Ching-Chin*. Police and Community Control Systems in the Empire // M. Peattle, R. Myers (Hrsg.). The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. Princeton, 1984, p. 232; но кроме того, еще 2616,9 тыс. корейцев отбыли так называемую трудовую повинность — там же, со ссылкой на: *Han, Woo-Keun*. The History of Korea. Honolulu, 1976, s. 496). Совершенно иную цифру — 661,7 тыс. чел. — встречаем в труде Г. Вонтробы и У. Менцеля (*Wontroba G., Menzel U.* Stagnation und Unterentwicklung in Korea. Von Yi-Dynastie zur Peripherisierung unter japanischer Kolonialherrschaft / Transfines. Hrsg. von M. Mols, D. Nohlem u. P. Waldmann. Bd. 9. Verlag Anton Hain, Meisenheim am Glan, 1978, s. 192–193, со ссылкой на: *Pak Sung-Jo*. Die Wirtschaftsbeziehungen zwischen Japan und Korea. Wiesbaden, 1969, s. 80). Весьма непохоже на вышеприведенное и погодное распределение депортированных корейцев, причем особенно поразительно огромное рассогласование для 1944 г. (тыс. чел.): 1939 г. — 38,7; 1940 г. — 59,9; 1941 г. — 53,5; 1942 г. — 112,0; 1943 г. — 122,2 и 1944 г. — 280,3. Интересно, что, как

Впрочем, следует отметить, что и **США**, опасаясь нападения японцев, в годы Второй мировой войны переселили в глубь страны около 400 чел. (преимущественно эскимосов), составлявших все население Алеутских островов и острова Прибылова⁵⁵. После нападения японской авиации на Пирл-Харбор в США были интернированы и депортированы также и американские японцы (кстати, как и советские немцы, не давшие особых поводов для обвинений в нелояльности новой родине): 120 тыс. японцев, проживавших на востоке страны, вывезли на запад, ограничив при этом срок их депортации четырьмя годами. Уже после окончания войны им были принесены официальные извинения и выплачена компенсация.⁵⁶

Немецкий исследователь Ф. Тер, кажется, первым обратил внимание на следующее обстоятельство: в точности тем же самым, что и «большие» и легитимные государства того времени, то есть этническими чистками и депортациями «враждебных» национальностей, в годы войны с не меньшим энтузиазмом занимались и подпольно-партизанские образования, реально контролировавшие большие территории в тылах уязвляющей на востоке Германии и ее союзников. Они воевали не только с вермахтом или Красной Армией, но и, как правило, друг с другом, причем с не меньшей жестокостью и безо всякой оглядки на международное право. В качестве особенно жестоких противников Ф. Тер называет сербских и хорватских партизан, а также польских и украинских: взаимные счета их жертв составляют, как он утверждает, сотни тысяч человек, причем точка зрения украинских националистов по еврейскому вопросу практически совпала с немецкой.⁵⁷

В конце и после войны и **немецкому** населению выпало претерпеть самые масштабные и насильственные в своей истории перемещения в пространстве. Но с описанными выше претенциозными планами фюрера ничего общего они не имели, кроме того что прямо вытекали из близящегося военного поражения и полного краха всей германской политики, частью которой, собственно, эти переселенческие планы являлись. Более того, по отношению к этим «планам» они являли собой их полную противоположность: «восточное направление» инспирированного Гитлером немецкого переселения резко перевернуло свой знак прямо на противоположное — на западное.

С выходом советских (в июле 1944 года) и англо-американских (в сентябре) войск на рубежи Рейха перед Германией со всей остротой встала проблема эвакуации немецкого гражданского населения в глубь страны. В январе 1945 года в Берлин пошли эшелоны с беженцами из Верхней Силезии. За считанные недели фактическое население городов и сел западнее Одера возросло в 1,5–3 раза. По данным ОКВ на 19 февраля,

и в Германии, в Японии существовали свои плановые установки. Соответствующая сумма должна была бы составить за 1939–1944 гг. 937,3 тыс. чел. (по другим сведениям — 907,7 тыс. чел.), из них только на 1944 год было «запланировано» 400 тыс. чел. В то же время в 1942–1943 гг. «плановые задания» были почти — на 80–90% — выполнены.

⁵⁵ Бугай, 1995, с. 4.

⁵⁶ Критчлоу, 1991, с. 11.

⁵⁷ Ther, 1999. См. также: Snyder T. «To resolve the Ukrainian Problem Once and for All». The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland. 1943–1947 // Journal of Cold War Studies. 1999. Vol. 1, No. 2. P. 86–120.

в Германии скопилось 8,35 млн. беженцев, а к середине марта — более 10 млн. Мероприятия по эвакуации населения с запада Германии были приостановлены с 20 февраля, в то время как эвакуация из восточных районов продолжалась до конца апреля, то есть фактически до конца войны.⁵⁸ Среди эвакуированных были и сотни тысяч «фольксдойче» — этнических немцев из Румынии, Югославии, Венгрии, Словакии, среди них и около 350 тыс. чел. из оккупированных районов СССР.⁵⁹

Послевоенной же судьбе этнических **немцев** не позавидуешь, особенно если родом из Восточной Пруссии или Верхней Силезии — немецких территорий, отошедших к Польше. До войны там проживало примерно 11,5 млн. немцев, и почти всем им пришлось покинуть свои дома в последние месяцы боевых действий, опасаясь проявлений мести и насилия со стороны славянского населения Польши и Чехословакии, но в особенности — из страха перед наступающими частями Красной Армии. Часть немецкого населения сочла за благо эвакуироваться или просто бежать на территорию Германии. В количественном отношении разные оценки этого движения колеблются между 5 и 5,7 млн. чел.⁶⁰

При этом, как справедливо указывает Ф. Тер, различаются как бы три этапа этого побегства–полуизгнания: первый (с конца 1944 до весны 1945 г.) — *эвакуация*, предпринятая самими немецкими властями, второй (с марта-апреля до июля 1945 года) — так называемое «*дикое*» изгнание и третий (после подписания Потсдамского договора и ряда вытекающих из него соглашений) — этап, на котором изгнание было легитимизировано и приобрело относительно цивилизованные формы⁶¹.

Тем не менее общий уровень «цивилизованности» изгнания немцев из Польши, Чехословакии и других стран был не слишком высоким, особенно если вспомнить цифры погибших при этом людей. До недавнего времени в качестве официальной признавалась столь колоссальная цифра, как 2,2 млн. чел.⁶² Но, как показали новейшие исследования Р. Оверманса, с определенностью можно говорить примерно о 400 тыс. погибших во время изгнания⁶³, что и так, бесспорно, является потрясающей воображение цифрой.

Относительно «цивилизованного этапа» переселения немцев Директоратом военнопленных и перемещенных граждан СКК был выработан план, а 22 мая 1945 года

⁵⁸ Якушевский, 1995, с. 56–57.

⁵⁹ Якушевский, 1995, с. 49, со ссылкой на: Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. London, 1991, p. 913–915. Тем не менее в Восточной и Западной Пруссии, Данциге, Померании, Вартеланде и Силезии остались неэвакуированными по меньшей мере 3 млн. чел. «рейхсдойче» и 0,4 млн. «фольксдойче».

⁶⁰ См.: Ther, 1999, со ссылками на: Schieder T. (Hrsg.). Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ostmitteleuropa. Band I/1–3. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neiße. Bonn, 1953–1961; Bd. I/1; Magocsi P. R. Historical Atlas of East Central Europe. Seattle and London, 1993, p. 168.

⁶¹ См.: Ther, 1996, p. 786.

⁶² По официальным данным Федеральной статистической службы, в процессе переселения погибло 1 618 400 чел. из общего числа 2 239 500 жертв среди мирных граждан Третьего Рейха, так или иначе связанных с депортациями. См.: Ther, 1996, p. 785 (см. также: Neimark, 1997, s. 190).

⁶³ См.: Overmans, 1994.

(в Потсдаме) было заключено соглашение, согласно которому немцы из Польши распределяются между советской (2 млн. чел.) и английской (1,5 млн.) зонами, а немцы из Чехословакии — между американской (1,75 млн.) и советской (0,75 млн.) зонами. Кроме того, 500 тыс. немцев из Венгрии предназначались в американскую зону, а немцев австрийского происхождения (150 тыс. чел.) предполагалось расселить во французской оккупационной зоне. Само это переселение планировалось осуществить между декабрем 1945 и августом 1946 г.⁶⁴ В частности, переселение из Польши в английскую зону началось в феврале 1946 года (по маршрутам Штеттин — Любек и Корфорд — Гельманнштадт) и с весьма высокой интенсивностью — 22 поезда в неделю. Но, будучи не в силах справиться с таким потоком, англичане в середине августа прикрыли свою границу и ограничили прием поездов только двумя в неделю и даже обратились за помощью к советским властям с просьбой временно приостановить этот поток, поскольку поляки по-прежнему и в том же режиме продолжали посылать на запад эшелоны с немцами⁶⁵.

Однако в целом реализация этого плана сталкивалась с большими политическими и организационными трудностями, в результате чего суммарно было переселено около 3,5 млн. чел. Иными словами, намеченные цифры были достигнуты лишь немногим более чем наполовину (в американской зоне — на 50%, в советской — на 52%, а в английской — на 63%). К 1 октября 1947 года было переселено уже 5,4 млн. чел., причем по степени выполнения плановых заданий лидировала уже советская зона (92,7%), на 0,3% опережавшая английскую, далее шли американская (72,4%) и французская (5,9%) зоны. Еще 4,5 млн. немцев были перераспределены между зонами, согласно местам их довоенного проживания⁶⁶.

По взаимной договоренности Англии, США, Франции и СССР в подконтрольных им оккупационных зонах 29 октября 1946 года была проведена специальная перепись немецких беженцев и переселенцев. Она зафиксировала более 9 млн. чел. перемещенных «рейхсдойче», из которых большинство — около 6,15 млн. чел. — до войны проживали в утраченных после войны восточных землях Рейха: 3, 5 млн. в Польше и 2,5 млн. в Чехословакии.

Такие вот «рейхсдойче», в результате военных или послевоенных действий насильственно выселенные из мест своего довоенного проживания, получили в Западной Германии статус **изгнанных** (Vertriebenen)⁶⁷ — в отличие от так называемых **выселенных** (Zugewanderte), то есть немцев, которые на территории Рейха до войны не проживали: к последним, в частности, относились около 500 тыс. немцев из Венгрии и 150 тыс. из Австрии. Около 400 тыс. немецких беженцев (главным образом из бывшей Чехослова-

⁶⁴ См.: ГАРФ, ф. 7317, оп. 20, д. 1, л. 56–57.

⁶⁵ См. запись переговоров между полковником Брюхановым и начальником Отдела по делам военнопленных и перемещенных лиц в английской оккупационной администрации подполковником Брэм от 10.09.1946 (ГАРФ, ф. 7317, оп. 20, д. 64, л. 98–99).

⁶⁶ См.: ГАРФ, ф. 7317, оп. 20, д. 1, л. 60–80.

⁶⁷ Позднее он был закреплен в Федеральном законе об изгнанных (Bundesvertriebenengesetz) от 1953 г.

кии и Югославии) было сосредоточено в Австрии⁶⁸, еще около 160 тыс. чел. — в Дании, а приблизительно 40–50 тыс. чел. уехали за океан.

В оккупационных зонах западных стран находилось в общей сложности около $\frac{2}{3}$ немецких беженцев (около 5,94 млн. чел., из них 3 млн. — в Нижней Саксонии). Перепись ФРГ, проведенная в сентябре 1950 года, зафиксировала уже 14 447,0 тыс. беженцев, из них 8077,6 тыс. выселенцев и 6369,4 приселенцев⁶⁹, включая и немцев, переехавших из советской оккупационной зоны. Максимальной — около 33% — была их доля в населении земли Шлезвиг-Гольштейн.

Между 1944 и 1949 гг. в советскую оккупационную зону Германии было вселено около 4,3 млн., а в западные оккупационные зоны, по данным на 1950 год, — около 8 млн. изгнанных немцев. В первом случае доля изгнанных в общем числе населения, проживающего на этой территории, немного не дотягивала до четверти (24,2%), во втором — составляла 17%⁷⁰. Впоследствии эти показатели сблизились, поскольку около 800 тыс. чел. изгнанных из Восточной Германии, осмотревшись, сочли за благо бежать еще дальше — в Западную Германию.⁷¹

На освобождающиеся в результате изгнания немцев земли переселялись представители титульных народов тех стран, где они проживали. Переселялись иногда добровольно, как многие жители Центральной Польши, поспешившие на освободившиеся немецкие угодья, но чаще принудительно, как это было со многими поляками из восточных областей Польши, аннексированных в 1939 году и окончательно отошедших к СССР после войны, а также с частью украинцев оттуда же.

⁶⁸ Так, в июне 1945 г. из словенской провинции Краина в Югославии на территорию австрийской провинции Штирия (находившуюся тогда под советскими оккупацией и управлением) осуществлялись массовые принудительные выселения так называемых «готшееров» — немецких колонистов, проживавших на территории Югославии на протяжении многих поколений. До оккупации Югославии в 1941 г. они имели югославское гражданство, а после ее захвата автоматически получили немецкое (рейхсдойче). Эти депортации осуществлялись югославами в одностороннем порядке и не были согласованы ни с центральным австрийским правительством, ни с советскими оккупационными органами. Австрийская сторона протестовала против нарушения Югославией суверенитета Австрии и заявила, что ни по признаку гражданства, ни по признаку национальности готшееры не имеют отношения к Австрии и австрийцам. Общее число готшееров в Словении составляло перед войной несколько десятков тысяч человек, из них, по состоянию на 7.06.1945, в Штирию поступило уже 1700 чел. (900 размещено в лагере Кайзервальд близ Вильдена, 500 — в Лейбнице и 300 — в Граце, на городском вокзале). (См. политдонесение начальника политотдела 57 армии генерал-майора Цинева от 13.06.1945 начальнику политуправления 3-го Украинского Фронта генерал-лейтенанту Аношину. — ЦАМО, ф. 413, оп. 10389, д. 46, л. 35–37).

⁶⁹ При этом, разумеется, были нарушены и перемешаны те культурные и языковые (диалектные) общности, которые существовали до войны на местах выселения. См.: *Die Vertrebenen in Deutschland*, s. 69–123.

⁷⁰ Ther, 1996, p. 779, со ссылкой на: *Reichling G.* Die Heimatvertriebenen im Spiegel der Statistik. Berlin, 1958, p. 14–15, а также: *Reichling G.* Die deutschen Vertriebenen in Zahlen: 40 Jahre Eingliederung in der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1989, s. 30–34.

⁷¹ Эта цифра относится к периоду между образованием обоих немецких государств в 1949 г. и радикальным закрытием границ между ними в 1961 г. Эти 800 тыс. составили примерно $\frac{1}{3}$ общего числа беженцев из ГДР в ФРГ. См.: Ther, 1996, p. 800, со ссылкой на: *Heidemeyer*, 1993.

Как точно подметил Ф. Тер, определенная историческая ирония скрывается за тем, что именно их, покидающих свои родные дома в результате **оптации** (то есть вытекающего из обмена территорией обмена и населением), польская и советская пропаганда именовала «репатриантами», то есть людьми, возвращающимися на родину⁷². При этом сами по себе оптации носили отнюдь не добровольно-цивилизованный, а по-советски насильственно-унизительный характер.⁷³

Впрочем, это была совместная советско-польская акция: СССР освобождался от подозрительных чужаков, Польша заселяла ими свои новые, только что очищенные от немцев западные границы и земли, чтобы навечно закрепить их за собой. Ее «совместность» не помешала старшему из партнеров неоднократно унизить младшего. Так, первоначально договоры о репатриации заключались — от имени Польши — Польским Комитетом Национального Освобождения (с демонстративным игнорированием легитимного польского правительства в изгнании!) — не с СССР, а с его отдельными республиками: 6 сентября 1944 года — с УССР, 22 сентября 1944 года — с Литовской ССР и т. д.; и только 6 июля 1945 года, когда «формальности» со статусом Польши были утрясены, соответствующий рамочный договор был заключен и с Советским Союзом в целом.⁷⁴

Так, по состоянию на 31 октября 1946 года, из СССР в Польшу переселилось почти 1,1 млн. чел. (из них 789 982 чел. с территории Украины, 231 152 — Белоруссии и 69 724 — из Литвы), а из Польши в СССР переместилось около 515 тыс. чел. (в том числе 482 109 чел. — на Украину, 35 961 — в Белоруссию и 14 — в Литву).⁷⁵ Мало кто из «репатриантов в СССР» уезжал добровольно: их переселение велось в духе лучших «советских традиций», и одних только погибших по его ходу, по некоторым данным, насчитывалось до 4 тыс. чел. Тем не менее, несмотря на нажим польских властей, весной 1947 года около 150 тыс. украинцев все еще оставались в Польше: практически все они были переселены между 20 апреля и 31 июля 1947 года, но уже не на восток, в СССР, а на запад, на новые польские территории. Эта операция, получившая кодовое название «Акция Висла», по сути была не чем иным, как «этнической зачисткой» вдоль восточных границ Польши.⁷⁶

⁷² См.: *Ther*, 1996, p. 782–783.

⁷³ Тем не менее им, как правило, предоставлялся транспорт и позволялось брать с собой до 2 тонн домашнего скарба и другого груза, тогда как немцам, в чьи дома они переселялись, чаще всего приходилось передвигаться пешком, имея при себе не более чем одно багажное место на человека (*Ther*, 1996, p. 786).

⁷⁴ См.: *Ther*, 1996, p. 785–786 и *Ther*, 1997, p. 514–515, со ссылками на места хранения этих договоров в Польше: Архив Новых актов, Варшава (Archivum Akt Nowych, или AAN), фонд Генерального Уполномоченного Правительства Республики Польша по делам репатриации (Generalny Pełnomocnik Rządu RP do Spraw Repatriacji, sygn. 1, p. 16–21, 28–37 и др.). Точную дату договора с СССР Ф. Тер не приводит, но скорее всего она близка или идентична дате договора с УССР. Тексты самих договоров не публиковались в печати.

⁷⁵ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 139, л. 299–303. См. также: *Ther*, 1999, со ссылкой на: ГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 545, л. 47–51.

⁷⁶ *Ther*, 1999, со ссылкой на: *Chojnowska A.* «Operacja Wsłà» (prziedlenie ludności ukraińskiej na ziemię zachodnie i północne w 1947 r.) // *Zeszyty Historyczne*. 1992. No. 102. P. 3–102.

В результате степень этнической гомогенизация населения восточноевропейских стран еще весной 1945 года необычайно возросла. Но к этому же сводилась и послевоенная политика таких государств, как Польша и Чехословакия: в титульной этнической гомогенизации этим странам виделось их наиболее безопасное будущее. Уже к 1948 году уровень такой гомогенизации (доля титульных народов) в этих странах составлял около 94–95% — против примерно 67% в 1938 году.

Несколько иное, чем Польша или Чехословакия, политическое видение имело первое послевоенное венгерское правительство, но фактически оно было вынуждено действовать в том же ключе: советские оккупационные власти принудили их к депортации полумиллионного немецкого населения, и только югославская версия гомогенизации была изначально осложнена федерализмом Югославии, внутри которой прорисовывалась ярко выраженная сербская доминанта.

Интересно, что Чехословакия выселяла со своей территории не только немцев, но и венгров. Так, 89 660 венгров, главным образом из Братиславы и других словацких городов, были переселены в Венгрию между 1945 и 1948 гг., за то же время из Венгрии в Словакию было перемещено 73 273 словаков⁷⁷. Что-то похожее происходило и вдоль югославско-итальянской (Истрия) и югославско-венгерской границ (Воеводина): во втором случае объем взаимных переселений составил «всего» около 40 тыс. чел.⁷⁸ В этом же ключе понятнее становится и политика Польши по отношению к уцелевшим на ее территории евреям: Польша не сделала фактически ничего для пресечения антисемитских настроений и действий (в ряде случаев, как, например, в Кельце, переходивших в погромы), что привело к быстрому оттоку остатков еврейского населения из страны.

В результате перемещенные лица еврейской национальности постепенно покидали восточно-европейские страны и, если им не удавалось попасть в Палестину, концентрировались преимущественно в западных зонах оккупации Германии (в течение 1946 года численность еврейского населения в них увеличилась с 50 до 185 тыс. чел.) и Австрии (45 тыс. в конце 1946 года), а также в Италии (20 тыс.).⁷⁹ Часть из них осела в этих странах, часть со временем переехала в США, Англию или другие страны, но большинство дождалось того времени, когда эмиграция в Палестину или же репатриация в Государство Израиль (после образования последнего) стали возможными.

Обобщая предысторию принудительных миграций, выскажем осторожное предположение, что в глобально-историческом плане наиболее пострадавшим от депортаций этносом были евреи. В XX веке их репутация «гонимых» в очередной раз — и беспримерно страшным образом — была подтверждена, а в число народов, претерпевших массовые депортации не в одной, а в двух или нескольких странах, вошли немцы, поляки, греки, турки, корейцы, а также русские, украинцы и белорусы, составлявшие костяк и «кулацкой ссылки», и оstarбайтерского угона.

⁷⁷ См.: *Ther*, 1999, со ссылками на: *Sutaj S. Madarska Mensina na Slovensku v Rokoch 1945–1948. Bratislava, 1993, p. 138, 139.*

⁷⁸ *Magocsi*, 1993, p. 168.

⁷⁹ *Lavski H. Displaced Persons, Jewish // Encyclopedia of the Holocaust. Vol. 1. New York, 1990. P. 377.*

Классификация принудительных миграций

Случаи принудительных миграций в мировой истории столь многочисленны, что при всей их общности наблюдаются и серьезные типологические различия. Для их учета и осмысления в свое время мы предложили **классификацию** принудительных миграций⁸⁰, которую впоследствии несколько модифицировали и усовершенствовали (табл. 2). В ее основу положено принципиальное различие репрессивных и нерепрессивных миграций.

Отличительным признаком **репрессивных** миграций, помимо карательной функции, является их **прямое действие**, основывающееся на некоем верховном политическом решении (реже — на международном соглашении, как, например, на Ялтинском в случае насильственной репатриации), как правило, не подлежащем ни обжалованию, ни даже обсуждению.

Классификация, конечно, в высокой степени условна, в жизни встречались и смешанные, переходные формы: к какому, например, — «классовому» или этническому? — типу отнести депортации эстонских, латвийских и литовских «кулаков» накануне войны?

В целом же изучение принудительных миграций весьма недвусмысленно обнаруживает поразительную и со временем все усиливавшуюся приверженность советского строя преимущественно не к классовому, а к **этническому** критерию репрессий (своего апогея она достигла при Сталине). Иными словами, государство с неустанно декларируемыми интернационализмом и классовым подходом на практике тяготеет к сугубо **националистическим** целям и методам.

Наиболее яркий пример — так называемые «**наказанные народы**», причем наказанием, собственно говоря, и являлась **депортация**. Представителей этих народов выселяли целиком и не только с их исторической родины, но и изо всех других районов и городов, а также демобилизовывали из армии, так что фактически такими этнодепортациями была охвачена вся страна (напомним, что такого рода репрессии мы называем **тотальными депортациями**). Вместе с родиной у «наказанного народа» отбиралась, если она была, национальная автономия, то есть его относительная государственность.

В сущности, в СССР тотальной депортации были подвергнуты десять народов. Из них семь — немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары — лишились при этом и своих национальных автономий (их общая численность — около 2 млн. чел., площадь заселенной ими до депортации территории — более 150 тыс. кв. км.). Согласно сформулированным выше критериям под определение тотальной депортации подпадают еще три народа — финны, корейцы и турки-месхетинцы.

Таким образом, с точки зрения предложенной классификации, может быть несколько уточнен и конкретизирован объект настоящего исследования. К нему относятся пер-

⁸⁰ См.: Полян, 1990в; 1990г; 1992 и др.

Таблица 2. Классификация принудительных миграций в СССР

А. РЕПРЕССИВНЫЕ МИГРАЦИИ (ДЕПОРТАЦИИ)	<p>I. ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Расказачивание (1919–1920)2. Раскулачивание (1930–1933)3. Выселение «дворян» (1935) <p>II. ПО ЭТНИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ</p> <ol style="list-style-type: none">1. В порядке «политической подготовки театра военных действий» и «зачистки границ»:<ol style="list-style-type: none">а) тотальные,б) частичные.2. Тотальные депортации «наказанных народов»:<ol style="list-style-type: none">а) превентивные,б) депортации «возмездия»3. Компенсирующие миграции4. Принудительная оседлость <p>III. ПО КОНФЕССИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Конфессии в целом (истинно православные христиане, иеговисты и др.)2. Духовенство разных конфессий <p>IV. ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Члены запрещенных партий и организаций2. Члены семей врагов народа3. «Социально опасные» элементы4. Договорные репатрианты5. Иностранцы подданные <p>V. ВОЕННОПЛЕННЫЕ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Военнопленные2. Гражданские интернированные <p>VI. ОСУЖДЕННЫЕ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Политические (узники совести)2. Уголовные
Б. НЕРЕПРЕССИВНЫЕ («ДОБРОВОЛЬНО-ВЫНУЖДЕННЫЕ») МИГРАЦИИ	<p>VII. ПЛАНОВЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ «ПО ПРИЗЫВУ»</p> <ol style="list-style-type: none">1. В отдаленные и неосвоенные районы2. С гор на «плоскость»3. Вследствие военного, промышленного, энергетического и других видов строительства4. Переселения «демобилизованных» <p>VIII. ЭВАКУИРОВАННЫЕ (РЕЗВАКУИРОВАННЫЕ), БЕЖЕНЦЫ, ДОБРОВОЛЬНЫЕ РЕПАТРИАНТЫ</p> <ol style="list-style-type: none">1. В результате военных действий2. В результате геноцида, межэтнических и межконфессиональных конфликтов3. Вследствие стихийных бедствий и экологических катастроф

Примечание. Курсивом выделены виды принудительных миграций, специально рассматриваемые в настоящей работе.

вые четыре класса репрессивных миграций, или депортаций: **по социальному, этническому, конфессиональному и политическому признакам.**

Принудительные перемещения военнопленных и осужденных, как политических, так и уголовных, остаются за его рамками. В то же время внутри этих границ оказывается случай **остарбайтеров**, но его следует отнести к разряду **смешанных**. Пожалуй, ближе всего депортация остарбайтеров соотносится с типом «переселения по призыву». Была создана соответствующая «правовая база», выработан стабильный механизм и даже ритуал вербовки. Так что недаром цветущий и лежащий в центре Европы Третий Рейх видные нацисты⁸¹ в сердцах сравнивали с Сибирью!

Отметим еще несколько особенностей. В частности, остарбайтеры как некий единый контингент имели достаточно регламентированную этническую структуру.⁸² Их статус распространялся исключительно на украинцев, русских и белорусов: не только евреям и цыганам, но и кавказцам и среднеазиатам в этой «чести» было отказано. Национальность довела и при отборе девушек: в помощь немецким домохозяйкам лучше всего подходили украинки.

В то же время после Сталинградской и, в особенности, после Курской битвы безусловно учитывался и фактор **«подготовки театра военных действий»**, то есть *принудительной эвакуации* мирного населения — или, как это еще тогда называлось, очисткой территории. Немецкие власти стремились обезопасить себя от мобилизации гражданского населения в ряды наступающего противника и одновременно использовать их труд на пользу Германии.

Под конец войны ярко проявились и элементы другого типа. К миллионам классических остарбайтеров добавились сотни тысяч беженцев и так называемых «эвакуированных». Когда война закончилась, военнопленные, остарбайтеры и беженцы — вместе — составили некое и весьма нетривиальное единство: *советские граждане, подлежащие репатриации*.

Сама же **репатриация** советских граждан после войны относится к разряду принудительных миграций не потому, что никто не хотел, а всех заставляли ехать на родину. Ее неукоснительно насильственный характер был предопределен соглашениями в Ялте, принципиально игнорирующими индивидуальные волеизъявления.

В нерепрессивных принудительных миграциях факт принятия решения на высшем уровне не являлся принципиальным; механизм приведения его в действие был совершенно иной — **косвенный** (как бы настоятельно-намекающий), но оттого в большинстве случаев ничуть не менее властный. Никто не приходит с ордером на выселение, но тебя ставят в условия, когда ты сам принимаешь нужное властям решение. Для государства это и проще, и выгоднее: большая часть расходов по переезду в таких случаях скорее всего ляжет на самих «добровольцев». В действительности, разумеется, степень добровольности может приближаться к нулю.

⁸¹ В частности, А. Розенберг.

⁸² Нацисты были достаточно равнодушны к социальному, конфессиональному, но только не к этническому, национальному — основополагающему для себя признаку.

Включение в эту схему еще и эвакуированных вызвано тем, что в реальной жизни многие из них, не сумев преодолеть административных преград, не смогли вернуться в свои, отнюдь не по своей воле брошенные, жилища. К тому же это один из самых массовых видов миграции, когда-либо имевших место в мире: в течение 1941–1942 гг. в восточные районы СССР было вывезено около 25 млн. чел.⁸³

Аналогичным образом в нашу схему (но не в предмет исследования!) включено и так называемое плановое, или организованное, или сельскохозяйственное, переселение, призванное выправить **внутреннюю диспропорцию** трудовых и земельных ресурсов, сложившуюся в пределах СССР (отчасти исторически, отчасти в результате перегибов национальной и экономической политики). Формально это переселение велось на «добровольной основе», в действительности же — в условиях тоталитарного режима — все было совершенно иначе: недаром к реализации этой политики были привлечены не только органы внутренних дел, но и система военкоматов, а вся документация по этому вопросу велась в режиме секретности.

Методы «добровольной» вербовки, особенно в 1930-е годы, не оставляют и тени сомнений в принудительном и неэффективном характере этих переселений. Так, в «Докладе об итогах переселения красноармейских хозяйств на Северо-Кавказский край» за 10.12.1933 читаем: *«Отдельные воинские части, в погоне за выполнением „контрольных цифр“, — при вербовках допускали по существу насильственные методы вербовок, в приказном порядке. У части коммунистов отбирались партбилеты за отказ от выезда на Кубань; исключали из партии. В эшелоне № 170 у переселенца отобрана подписка о невыезде его с Кубани; отдельных красноармейцев снимали с постов, приказывали грузиться в эшелоны и выезжать».*⁸⁴

Вместе с тем закономерно возникает вопрос о соотношении типологических, организационных и, в особенности, географических черт между системами планово-добровольного, депортационного и тюремно-лагерного (ГУЛАГ) переселения и т. д. Депортационная политика тесно связана с общей политикой принудительного труда в СССР и может быть понята только в единстве с практикой принудительного трудоустройства осужденных в ГУЛАГе и планово-добровольного переселения.

В частности, провал планового переселения в 1920-е гг. в сочетании с валютноприносящим экспортом древесины во многом предопределили принудительные формы и методы переселения и трудоустройства, на которые государство перешло в 1930-е гг. как по линии заключенных (исправительно-трудовая система ГУЛАГа), так и по линии депортированных (спецпереселенцев, административно-высланных и т. д.). При этом считалось, что принудительный труд мог быть более эффективным, чем свободный. Между планово-добровольным, депортационным и тюремно-лагерным

⁸³ В течение июля-декабря 1941 г. на восток страны переместилось 17 млн. чел. Вторая волна эвакуации началась летом 1942 г., в связи с наступлением фашистских войск на Южном фронте (см.: Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966, с. 13).

⁸⁴ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43, л. 49. Не менее выразительно и то, что по пути контакты с местным населением не допускались.

Принудительные миграции: предыстория и классификация

типами переселений отмечалось не всегда четкое, но все же ощутимое макрогеографическое разделение труда: так, плановое переселение «отвечало» за переселение в трудodefицитные регионы с относительно благоприятными природными и социальными условиями (например, на Северный Кавказ или в отдельные районы юга Дальнего Востока), тогда как «Архипелаг ГУЛАГ» специализировался на освоении районов с экстремальными природными условиями (как, например, на Колыме) или же обеспечивал физическим трудом сверхсекретные объекты (урановые рудники, закрытые города и т. д.).

Что же касается системы спецпоселков и комендатур для депортированных, то она занимала промежуточное положение между ними, в результате чего основными ареалами вселения депортированных были Европейский Север, Урал, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия, за исключением самых обжитых или приграничных районов.

РАЗДЕЛ I

ВНУТРИСОЮЗНЫЕ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1919–1939)

Первые советские депортации и переселения в 1919–1929 гг.

Бытует мнение, что к таким мероприятиям, как депортации, советская власть приступила только в 1930-е гг. На самом же деле ими отмечены уже самые первые годы правления большевиков, когда повсюду еще полыхала или дотлевала Гражданская война.

В западной части Северного Кавказа она была во многом предопределена многолетним противостоянием «белого» казачества и союзных ему осетин, с одной стороны, и вайнахской безземельной бедноты, с другой, наивно рассчитывавшей, благодаря союзу с большевиками, осуществить передел земель в свою пользу. Первое в этом духе решение было принято Съездом Советов Терской обл. в апреле-мае 1918 года: к выселению были намечены четыре станицы — Тарская, Сунженская, Воронцово-Дашковская и Фельдмаршальская.¹ А 24 января 1919 года ЦК РКП(б) — уже на всероссийском уровне — принял Директиву о расказачивании, одним из способов которого явилось и принудительное переселение.²

В марте 1920 года, с окончательной победой красных, советизация стала проводиться всерьез. Первыми, кого стали выселять в ответ на выступления против советской власти, не могли не быть **терские казаки**. 17 апреля 1920 года выселили жителей трех равнинных станиц — Сунженской, Воронцово-Дашковской и Тарской (а также, по-видимому, Тарского хутора). В октябре 1920 года, по приказу Г. К. Орджоникидзе (члена Реввоенсовета Кавказского фронта), та же участь постигла жителей станиц Ермоловской, Романовской, Самашкинской, Михайловской и Калиновской³ в возрасте от 18 до 50 лет (остальных тоже переселяли, но поблизости, в хутора и другие станицы в радиусе не ближе 50 км от прежнего места проживания). В общей сложности около 9 тыс. семей (или примерно

¹ *Цуциев*, 1998, с. 49–50.

² Так, начальник Отдела гражданского управления Донбюро С. И. Сырцов в марте 1919 г. требовал отправить на принудительные работы в Воронежскую губернию и др. районы всех казаков-мужчин от 18 до 55 лет; одновременно планировалось — и велось! — переселение на Дон крестьян из Центральной России. Уже в апреле 1919 г. в Донецкую область прибыли первые 700 переселенцев из Тверской, Череповецкой и Олонецкой губерний, по всей видимости, поголовно истребленные белоказаками.

³ Более вероятно, что это станица Кохановская, тогда же разрушенная (см.: *Цуциев*, 1998, с. 180).

45 тыс. чел.) выселили в Донбасс и на Север Европейской части (в частности, в Архангельскую обл.). Самовольное же возвращение выселенных казаков пресекалось⁴.

Освободившийся земельный фонд (около 98 тыс. десятин пашни) был передан красным казакам и нагорной ингушской и чеченской бедноте, что способствовало переселению значительной ее части с гор на равнину и делало ее, пожалуй, самой верной опорой режима в регионе. Режима, но не порядка, так как после выселения казаков в округе резко усилились бандитизм.⁵ Это разорвало некогда компактный ареал проживания русских на Кавказе. Позднее были ликвидированы и сами казачьи округа как административные единицы (округа Сунженский, Казачий, Зеленчукский и Ардонский).

Весьма примечательно, что уже тогда, в самые первые советские депортации, в ходу были и топонимические репрессии. Если станица не разрушалась, а просто высылалась, то ей присваивался статус аула и давалось новое название. Например, по Назрановскому округу: станица Сунженская была переименована в аул Акки-Юрт, Воронцовско-Дашковская — в Таузен-Юрт, Тарская — в Ангушт, Тарский хутор — в Шолхи, Фельдмаршальская — в Алхасте (по Чеченскому округу: станицу Михайловскую переименовали в аул Асланбек, Самашкинскую — в Самашки, Романовскую — в Закан-Юрт, Ермоловскую — в Алхан-Юрт).⁶

Весной и летом голодного 1921 года — в ходе реформы землеустройства, фактически проводившейся под лозунгом борьбы с «кулацким шовинизмом» и ликвидации неравноправных отношений между пришлым европейским и коренным населением (первых рассматривали как исторических «обидчиков» вторых), — состоялось выселение зажиточных русских крестьян-казаков из Семиречья. Последние расселились в Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях сравнительно недавно — в 1906–1912 гг., в ходе столыпинской аграрной реформы, когда в Туркестан было переселено 438 тыс. семей. В Семиречье они основали около 300 крестьянских и казачьих поселков, причем случаи самозахвата ими лучших земель действительно имели место.

Постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июня и от 5 декабря 1920 года по этому вопросу предусматривали систему высылки и даже отправки кулаков в концентрационные лагеря «карательным порядком», но все же не на контингентной, а на индивидуальной основе.

Инициатор всей этой кампании Г. И. Сафаров был содокладчиком Сталина по национальному вопросу на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 года: говоря о земельной реформе в Туркестане, он с гордостью упомянул и о высылке целых кулацких поселков. Первая документированная высылка состоялась 16 апреля 1921 года из с. Высокое Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: соответствующая «комиссия

⁴ См.: Бугай, 1994а.

⁵ См.: Бугай, 1994а. С. Алиева приводит цифру 70 тыс. казаков, выселенных в Казахстан и на Урал (Алиева, 1993, т. 1, с. 27, со ссылкой на публикацию «Независимой газеты» от 12.05.1991). В то же время попытки интерпретации казачьих высылки как составной части большевистской политики «решения русского вопроса» на Кавказе, как «русифобии» и чуть ли не как «геноцида русского народа» (см., например, Бугай, Гонов, 1998, с. 81–103) не убедительны. Несмотря на это, они широко используются для откровенно шовинистических провокаций, что не только прискорбно, но и опасно.

⁶ Согласно приказу ЦИК Горской республики от 25.04.1922 (Цуциев, 1998, с. 180).

по расслоению <Sic! — П. П.> выслала тогда более 20 семей. Выслали их, как правило, за пределы Туркестанского края, официально почему-то в Калужскую губ., куда, разумеется, в то время никто и доехать не мог.⁷

Следующая по времени депортация состоялась осенью 1922 года: два знаменитых «**философских парохода**» доставили из Петрограда в Германию (Штеттин) около 50 выдающихся российских гуманитариев (вместе с членами их семей — примерно 115 чел.).⁸ Это был первый в советской истории пример относительно массовой международной принудительной миграции.

По всей видимости, к пассажирам этих кораблей был применен Декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 года, предусматривавший три вида высылки из данной местности как альтернативные аресту меры изоляции: а) высылку с восприятием проживания в других определенных пунктах РСФСР, б) высылку в определенные местности РСФСР и в) высылку за границу. Срок высылки — в интервале от 2 месяцев до 3 лет. Решение о высылке принималось в индивидуальном порядке⁹, а высланные в пределы РСФСР поступали под надзор местного органа ГПУ, который определял конкретное местожительство высланного (где тот должен был регистрироваться каждые три дня). Согласно дополнению к этому декрету, специальной комиссии при НКВД предоставлялось право некоторые категории граждан (в частности, деятелей антисоветских политических партий) не только высылать, но и заключать в лагерь принудительных работ на те же сроки.¹⁰

Сведения о других принудительных миграциях в 1920-е гг., и особенно за их первую половину, более чем отрывочны. Как правило, они носили местный, внутрорегиональный характер. Так, например, известно, что часть населения **горско-еврейских аулов** в Дагестане и Азербайджане была принудительно «спущена» в Дербент и Кубу, что начался активный процесс вытеснения **армянского населения** из Тифлиса и т. д.

Иными сведениями о депортациях или насильственных переселениях в СССР в 1920-е гг., вплоть до начала коллективизации, мы не располагаем. Можно упомянуть разве что датированные концом 1926 года, но так и не осуществившиеся планы по переселению корейцев с юга Дальнего Востока на его север, в районы, расположенные за Хабаровском, к северу от 48,5 широты.¹¹ Практически те же планы были вновь озвуче-

⁷ См.: *Генис*, 1998, с. 44–58. См. также: *Martin*, 1998, р. 827, со ссылками на материалы *ГАРФ* (Ф. 3316, оп. 64, д. 177 и 220; Ф. 1235, оп. 140, д. 127).

⁸ 28.09.1922 отплыл и 30.09.1922 приплыл пароход «Обербургомистр Хакен» с учеными из Москвы и Казани (30 или 33 чел., с членами семей — около 70), а 15.11.1922 отплыл и 18.11.1922 приплыл пароход «Пруссия» с учеными из Петрограда (17 чел., с членами семей — 44). Всех депортированных предварительно арестовывали (см.: *Хоружий С. С.* После перерыва. Пути русской философии. — СПб, 1994, с. 188–208; *Гелер М.* Первое предупреждение: удар хлыстом // Вестник Русского Студенческого Христианского движения. Париж, 1979. Вып. 127. С. 187–232).

⁹ Персонализированный характер этой высылки ставит ее несколько в стороне от основного ряда депортаций, рассматриваемых в настоящей работе.

¹⁰ См.: *Зайцев*, 1993, с. 104–106. Что касается высылки и ссылки по суду, то действия осужденных и административных органов регулировались специальным Пост. ВЦИК и СНК от 10.01.1930 г. (см. там же, с. 106–107).

¹¹ См.: *Martin*, 1998, р. 825, со ссылками на книгу Д. Аносова «Корейцы в Уссурийском крае» (Хабаровск — Владивосток, 1928, с. 6–7) и на: *ГАРФ*, ф. 1235, оп. 120, д. 60, л. 17–20.

ны весной 1928 года, только на этот раз к переселению (намеченному на 1930 год) предназначались не все, а только нелояльные корейцы. Фактически же в 1930 году было переселено 1342 корейца, из них 431 чел. — насильственно (в 1931 году, когда число переселенных корейцев достигло около 2,5 тыс. чел., от этой идеи отказались).¹²

И все-таки для этого периода принудительные миграции были скорее исключением, нежели правилом. За совокупностью локальных операций еще не ощущается той жесткой политической воли, той системы и методичности, которые обнаружат себя и разовьются в 1930-е гг. Однако такие мотивы, как «наказание» насильственной высылкой одних групп населения (в частности, казаков) за нелояльность в годы Гражданской войны или за социально несправедливое, с большевистской точки зрения, распределение земель, с одной стороны, и поощрение передачей земель депортированных в руки их более «лояльных» и обездоленных землями соседей (национальной горской бедноты), с другой, были достаточно выразительными и грозными симптомами.

Такие же факторы переселения, как осуществление в 1920-е гг. земельной реформы или национально-административное обустройство РСФСР (и позже СССР), требовавшее в ряде случаев оседлости и подпитки соответствующим этническим населением тех или иных новообразуемых административных единиц, обуславливали принципиально иные, нежели при депортациях, характер и организационную структуру переселения.

На последнее обстоятельство обратил внимание американский исследователь Терри Мартин¹³. Он же тонко подметил противоречивую связь между внутренней и внешней политикой молодого и территориально ущемленного Советского государства в приграничных районах. С одной стороны, просматривалась определенная тенденция к организации этнических автономий вдоль границ с государствами с соответствующим этническим доминированием (например, Карельской автономии на границе с Финляндией и Молдавской на границе с Румынией). На примере борьбы различных сил и группировок за или против создания аналогичной корейской автономии на Дальнем Востоке он показал механизм возможной причинно-следственной связи этого процесса с последующими депортациями. Сам по себе этот механизм он обозначил как «**принцип Пьемонта**», намекая тем самым на процесс консолидации итальянского государства вокруг северной провинции Пьемонт в конце XIX века (хотя, на наш взгляд, не менее выразительным является прецедент мирного, путем референдума, отторжения части северо-западных итальянских земель, а именно Савоя и Ниццы, от Италии в пользу Франции). При этом, по мнению американского исследователя, «принцип Пьемонта» был альтернативой тому, что он называет «советской ксенофобией», понимая под последним традиционную советскую подозрительность к иностранцам, закрытость границ и т. п.¹⁴

¹² См.: *Martin*, 1998, p. 825, со ссылками на: *ГАРФ*, ф. 3316, оп. 16а, д. 384, л. 41–42; ф. 1235, оп. 141, д. 1356, л. 18–19 и др. (Ввиду отсутствия указания на точную дату этой операции она опущена в Приложении 1).

¹³ Он упоминает при этом евреев, цыган и калмыков. См.: *Martin*, 1998, p. 825, со ссылками на: *ГАРФ*, ф. 1235, оп. 128, д. 2, л. 110, 166; оп. 141, д. 1531, л. 103.

¹⁴ *Martin*, 1998, p. 829–832.

Из противостояния и комбинаций «принципа Пьемонта»¹⁵ и «советской ксенофобии» Т. Мартин выводит практически всю советскую политику в области этнических чисток, в том числе и депортационную политику. Реальная консолидация украинцев и белорусов в рамках УССР и БССР действительно произошла в 1939 году, но не в результате торжества того или иного принципа, а в результате временного геополитического сговора между СССР и Германией, опиравшегося к тому же не столько на контуры этнических ареалов, сколько на линию Керзона. Это, во-первых, потребовало дополнительных обменов населением, а во-вторых, новой зачистки западной границы — на сей раз германо-советской.¹⁶

Все это весьма тонкие и изящные построения, базирующиеся к тому же на новом и богатом российском архивном материале. Но, на наш взгляд, они неизбежно уводят в смежные исследовательские сферы (в такие, например, как «Большой террор и этничность») и в конечном итоге все же не обладают необходимой степенью объяснительности и непротиворечивости.

Так, по логике Т. Мартина, буферные этнические автономии как проводники советского влияния на границу должны были бы непременно возникнуть (хотя бы в 1920-е гг.) на границах с Турцией, Ираном и Афганистаном, чего, однако, не произошло. Наоборот, тех же курдов из Закавказья до войны, как и турок-месхетинцев во время войны, превентивно депортировали из приграничных с Турцией районов. И здесь уже было бы труднее объяснить их депортацию аналогией с депортацией корейцев с Дальнего Востока, где корейская автономия (в компромиссном варианте национальных «района» и «уездов» все же была создана) могла стать не проводником российского влияния на оккупированную японцами Корею, а в силу общей слабости России на Дальнем Востоке, наоборот, проводником японского влияния на Приморье.

На наш взгляд, гораздо более реальным и значимым фактором переселения была иная иллюзия большевиков — их устойчивая, материалистическая вера в рациональную возможность «выправить» все «ошибки» природы и общества, в частности, и путем плановых переселений, преодолевая с их помощью исторически сложившееся несоответствие между природными и демографическими ресурсами такой гигантской страны, как Россия–СССР¹⁷.

В литературе, как и в жизни, за такими подвижками населения закрепилось понятие **планового, или организованного, переселения** (иногда его называли еще *сельско-*

¹⁵ В определенную связь с которым можно было бы поставить и такие теоретические конструкты большевизма (или, по крайней мере, его троцкистской разновидности), как «раздувание мирового пожара», или попросту экспорт революции вовне России. Не случайно основными сторонниками «принципа Пьемонта» в реальной политике были, по наблюдениям самого Т. Мартина, Коминтерн и национальные коммунистические партии.

¹⁶ Подробнее см. выше (в главе 1) и ниже (в этой главе).

¹⁷ Те районы, освоение которых считалось необходимым, но на планово-добровольной основе признавалось все-таки нереальным, подлежали однозначно насильственному освоению (классический пример — Колыма).

хозяйственным). Формально оно являлось добровольным, и, несмотря на условность во многих случаях этой «добровольности», смешивать его с «классическими» депортациями ни в коем случае не следует.

По крайней мере в 1920-е гг. (особенно во 2-ю их половину) именно на плановые переселения делался явный внутривнутриполитический акцент. Для их планирования и осуществления в 1924 году был создан специальный государственный орган — Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР (ВПК)¹⁸.

Среди принципов, которыми ВПК руководствовался в своей деятельности, наряду с *плановостью*, было и некоторое *сочетание элементов экономического стимулирования* (например, предоставление переселенцам минимальных льгот и компенсаций) *с элементами административного принуждения*.

Логика организованной миграции диктовалась, с одной стороны, избыточностью сельскохозяйственного населения в центральных районах и связанной с этим безработицей, а с другой — возрастающей необходимостью вовлечения в хозяйственный оборот колоссального массива пустующих земель Дальнего Востока и Сибири. Пустовали земли и в Европейской части страны (в частности, в Поволжье — в результате голода 1921 года), и на Северном Кавказе — в том числе вследствие мер по расказачиванию. Действительно, в четырех центральных областях РСФСР 34% сельскохозяйственного населения занималось отхожим промыслом, а всего по трем республикам (РСФСР, Украина и Белоруссия), как это ни парадоксально звучит сейчас, насчитывали 13,5 млн. «лишних крестьян».¹⁹

В то же время, например, в Карелии и Мурманской обл. для рыболовецких промыслов и лесоразработок не хватало рабочих рук. Здесь работало 20–25 тыс. чел. из других районов страны. Еще хуже обстояло дело на Урале, где потери в ходе революции и гражданской войны составляли 20–25% населения региона. Колоссальные потери в рабочей силе в ходе гражданской войны понесла и Западная Сибирь: сотни деревень были полностью уничтожены, и огромный регион некогда высокопродуктивного сельскохозяйственного производства в экономическом плане практически перестал существовать.

Важность и необходимость переселенческой кампании была подтверждена целым рядом государственных постановлений. Она началась в 1924 году переселением в Поволжье, продолжилась в 1925 году переселением в Сибирь и на Дальний Восток, а в 1926 году — на Урал и Северный Кавказ.

4–8 марта 1927 года в Москве состоялось Первое Всероссийское совещание работников по переселенческому делу, обосновавшее, в частности, заселение Дальнего Востока (в том числе Сахалина), Сибири и Карело-Мурманского края с одновременным развертыванием в этих районах железнодорожного и промышленного строительства. Поэтому в таких регионах, как Карелия, выказывалась особенно большая заинтересованность в заселении малоосвоенных территорий.

¹⁸ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 2, 3, 4.

¹⁹ Следует отметить, что в 1926 г. вся промышленность страны смогла «освоить» только 0,4 млн. чел. сельскохозяйственного населения.

Однако вскоре выявилась очевидная несостоятельность самого проекта, согласно которому за 10 лет предусматривалось переселить 5 млн. чел. из 13,5 млн. «лишнего сельскохозяйственного населения». По республикам это выглядело бы следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3. Избыточное население РСФСР, БССР и УССР (млн. чел.)

Республика	Избыточное население	Планы переселения	
		за 5 лет	за 10 лет
РСФСР	6,9	1,5	2,5
БССР	1,2	0,3	0,5
УССР	5,4	0,7	2,0
Всего	13,5	2,5	5,0

Любопытный пример попытки планового переселения являет собой ситуация с еврейским аграрным населением (дискриминационные царские законы запрещали им заниматься сельским хозяйством). Во второй половине 1920-х гг. имелось два альтернативных проекта, оба ставили политическую цель противопоставить нечто конструктивное сионистской идее сосредоточения евреев в Палестине и оба, по существу, провалились. Первый — предусматривал переселение полумиллиона еврейской бедноты на Украину и в Крым и даже создание в последнем еврейской автономии²⁰: местным русским, украинским и татарским населением он был встречен в штыки. Второй — переселение еврейских аграриев на плодородные и незаселенные земли на Дальнем Востоке, в район рек Бира и Биджан в левобережье Амура. Но за первые два года (считая от 1928 года) туда не переселилось и 2 тыс. евреев. Не помогли ни принудительная демобилизация евреев–красноармейцев, ни рекламные кампании за рубежом, ни даже провозглашение в этом районе Еврейской национальной автономии. За 1928–1933 гг. сюда переселилось около 20 тыс. советских евреев и 1,5 тыс. евреев из Литвы, при том что более 11,5 тыс. (или $\frac{3}{5}$) переселенцев успели покинуть «Красный Сион» в Приамурье.²¹ Конкуренции с сионизмом большевизму выдержать не удалось.

Нередко перераспределение населения диктовалось и крупными проектами гидроэнергетического и мелиоративного строительства, например на Кавказе или в Средней Азии, что в конечном итоге было призвано ликвидировать зависимость народного хозяйства СССР от импорта хлопка и других технических культур. Оно носило, по возможности, *внутрирегиональный* характер, что в условиях горно–долинного расселения в большинстве случаев означало переселение из горных районов в равнинные, или, на языке того времени, *переселение с гор на плоскость*.

²⁰ См.: Калинин М. И., Смидович П. С. О земельном устройстве трудящихся евреев в СССР. М., 1927.

²¹ См.: Abramsky Ch. The Biro-Bidzhan Project // Kochan L. (ed.). The Jews in the Soviet Russia since 1917. Oxford, 1978, p. 74.

Так, в 1925–1926 гг. подобные переселения прошли в Таджикистане: около полутора десятилетия декханских хозяйств из высокогорного Гармского вилаята на Памире переселились на осваиваемые земли в Курган-Тюбинском и Джиликульском вилаятах. 5 марта 1927 года были введены льготы для таких переселенцев (в том числе право на сохранение за собой земельного участка в горах на три года), а 15 марта был создан Переселенческий комитет при ЦИК Таджикской АССР. В результате в 1927–1928 гг. этот поток стал еще более массовым (свыше 4,5 тыс. переселенных хозяйств), что позволило создать десятки новых переселенческих кишлаков, колхозов и совхозов и заметно нарастить посевные площади под хлопчатником²².

Надо отметить, что сходная политика переселения в Вахшскую долину была продолжена и в 1930-е гг., особенно после выхода поздней осенью 1932 союзного постановления «Об освоении ирригационных приростов Вахшских земель в 1933 году» и республиканского «О переселении на Вахш»: для освоения к весне 1933 года 21,6 тыс. га новых земель ими устанавливался 6-тысячный контингент переселения на 1933 год, причем источниками населения в равной доле должны были служить квалифицированные хлопководы из Узбекистана, внутриреспубликанские перемещения (то есть горцы) и демобилизованные красноармейцы²³. А на 1935–1938 гг. потребность определялась в 12 360 хозяйств, исходя из расчета 3 га на одно хозяйство²⁴. Всего же, по подсчетам Ш. И. Курбановой, за годы организованного переселения, начиная 1925/1926 и заканчивая 1940 гг., в Вахшскую долину было переселено 48,7 тыс. декханских хозяйств (без учета хозяйств реэмигрантов и строителей). Примерно 12,2 тыс. из них (или 24% от общего количества) не вынесли тягот переселения и покинули места нового проживания.²⁵

Вместе с тем финансовое и информационное обеспечение переселенческих программ было совершенно недостаточным. Государство фактически пыталось переложить расходы по переселению на самих переселенцев, так что нечего и удивляться тому, что в реальности на переезд решались не более 5% от планируемого количества.

Так что вполне допустимо считать, что **политика добровольного планового переселения — провалилась.**

В то же время фронты неосвоенных работ в непривлекательных для свободных граждан районах оставались. Особенно «эффективной» была лесозаготовка: экспорт древесины обеспечивал солидный и стабильный приток валюты в страну, ее доля в структуре экспорта неуклонно повышалась. В этой ситуации идея **недобровольного переселения и недобровольного труда** как бы сама стучалась в дверь.

²² См.: Курбанова, 1993, с. 61–64.

²³ См.: Курбанова, 1993, с. 66–67, со ссылкой на: ЦГА РТ (Центральный государственный архив Республики Таджикистан), ф. 18, оп. 3, д. 14, л. 9.

²⁴ См.: Курбанова, 1993, с. 73, со ссылкой на: АКПТ (Архив Коммунистической партии Таджикистана), ф. 3, оп. 6, д. 306, л. 10–11.

²⁵ Курбанова, 1993, с. 75–77.

Кажется, первым ее озвучил в 1928 году заместитель наркома рабоче–крестьянской инспекции РСФСР Н. М. Янсон, предложивший энергичнее использовать труд осужденных («уголовно–арестованных») при освоении отдаленных земель, в особенности на лесоповале. В 1930 году он же (уже будучи наркомом юстиции РСФСР), анализируя новейшие тенденции тюремно–лагерной системы РСФСР за 1929 год, отмечал, в частности, общий рост количества осужденных (до 1,2 млн. чел.), сокращение доли приговоренных на малые (до 1 года) сроки, резкий рост приговоренных к принудительным работам (до 50,3% против 15,3% в 1928 году), начало перевода заключенных из тюрем и исправительных домов в исправительно–трудовые лагеря ОГПУ, создаваемые на принципах самоокупаемости (за год число заключенных в них достигло 166 тыс. чел.; еще около 60 тыс. осужденных трудились в исправительно–трудовых колониях НКВД РСФСР). При этом он и нарком внутренних дел НКВД В. Н. Толмачев утверждали, что труд «зэка» эффективен, а трудоотдача — часто выше, чем у вольнонаемных.²⁶ Понятно, что столь удачно начавшийся эксперимент ожидало «большое будущее».

Перестраивались и органы переселения. В конце 1929 года ВПК разослал Наркомземам союзных республик циркуляр «Об организации работы по объединению переселенцев в производственные коллективы»²⁷. В нем плановое переселение прямо рассматривалось как явление, призванное способствовать реорганизации сельского хозяйства страны на началах *коллективизации* и обещающее дать большой хозяйственный эффект на двух направлениях — освоения необжитых пространств и ослабления аграрной перенаселенности ряда районов.

Тем самым идеология переселенческого дела перекрещивалась и скрещивалась с идеологией коллективизации, раскулачивания и кулацкой ссылки — центральной политической кампании большевиков. К ее практической разработке ЦК ВКП(б) приступил по сути тогда же, в декабре 1929 года, когда Сталин провозгласил переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике его ликвидации как класса.²⁸ Все же отметим, что несистематическое раскулачивание имело место уже и в 1929 году, в ходе хлебзаготовок и кампании по сбору налогов.

Интересно, что в это же самое время впервые стала практиковаться и такая разновидность принудительных миграций, как **«зачистка границ»**²⁹. Первые постановления

²⁶ См.: Красильников, 1991, с. 183–185. Диссонансом звучало лишь мнение А. Сольца: «Мы караем за любой пустяк... НКЮст и НКВД держат курс на превращение наших мест заключения в коммерческие предприятия».

²⁷ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 9, л. 1–2.

²⁸ «Сигналом» послужило выступление Сталина на конференции аграрников–марксистов 27.12.1929. 5.01.1930 было принято Постановление ПБ ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», законодательно оформленное 1.02.1930 в постановлении ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

²⁹ Вслед за Т. Мартином обращаем внимание на разнообразное наполнение самого понятия «граница» и «погранполоса»: в 1923 г. были узаконены пограничные полосы разного типа, режима и, соответственно, ширины (в 500 и 800 м, 7,5, 16 и 22 км). С точки зрения депортационной политики, наиболее

о переселение социально опасного элемента на западной границе СССР, из пограничных районов УССР и БССР были приняты в конце 1929 года и, как ни странно, не союзным, а республиканскими совнаркомками. В частности, в постановлении СНК Украины от 13 ноября 1929 года говорится о *«наискорейшем оздоровлении хозяйственных условий погранполосы УССР и облегчении проведения в ней реконструктивных мероприятий»*, для чего в переселенческие контингенты в «добровольном» порядке включались граждане, признанные социально-опасными для дальнейшего пребывания в 22-километровой погранполосе (причем вне зависимости от их социального статуса: среди них были и середняки, и бедняки). Переселенцев из погранполосы направляли исключительно в Сибирь, преимущественно в таежную зону³⁰. В статистике высланных из пограничных районов Украины и Белоруссии их почему-то называли «одиночками особого назначения», депортировали же их практически в рамках единой кампании с «кулацкой ссылкой» (так, за 1930 год было выслено 18 473 чел.). Впоследствии к ним разрешили присоединиться и членам их семей.

Интересно решение вопроса о судьбе освобождающихся в ходе этих зачисток приграничных земель: ясно, что кого попало туда уже не пустят. Решение было найдено в конце 1920-х гг. и заключалось в организации вдоль границ СССР так называемых **«красноармейских колхозов»**, формируемых из демобилизующихся красноармейцев и членов их семей. Эти колхозы, в глазах Т. Мартина (кажется, первым обратившего на них внимание), являются символической формой проявления «советской ксенофобии»³¹.

Раскулачивание и «кулацкая ссылка» в 1930–1931 гг.

История **«кулацкой ссылки»** является составной и неотъемлемой частью истории **раскулачивания и коллективизации**, центральными идеями которой были недопущение кулака в колхозы, экспроприация его имущества, изоляция и депортация (а при сопротивлении — и уничтожение) кулачества как класса. Районами сплошной коллективизации, откуда осуществлялась и высылка, являлись основные зернопроизводящие районы страны.

Связанные с переселением директивы ОГПУ издало еще 18 января 1930 года. Но именно Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года задало репрессиям против крестьянства неслыханные прежде глубину и масштаб³². К массовому раскулачиванию приступили уже в январе 1930 года: при официальной среднестатистической доле кулацких хозяйств, равной 2,3%, во многих районах число раскулаченных достигало 10–15% населения (вместо «запланированных» 3–5%). Понятно, что установочные цифры по аресту

релевантной является последняя — 22-километровая — полоса, откуда, собственно, и проводились депортации населения по типу «приграничной зачистки» (см.: Martin, 1998, p. 830, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 3316, оп. 16а, д. 22, л. 3–12 и ГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 339, протокол 53, п. б).

³⁰ См.: РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43.

³¹ Martin, 1998, p. 840–842.

³² Была разработана секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4.02.1930.

кулаков первой категории были перекрыты уже к середине февраля. Раскулачивание проводилось даже там, где оно не планировалось: в Северном крае, например, и в том числе среди малых народов Севера, отмена чего потребовала отдельного постановления ЦК³³. Решавшиеся как бы попутно задачи колонизации малоосвоенных или неосвоенных районов за счет практически бесплатного трудоустройства кулаков на лесоповале, горнодобыче или в сельском хозяйстве, хотя и являлись, особенно поначалу, «второстепенными», но со временем выдвигались на первый план. «...В последующее время, — писал Сталину секретарь Севкрайкома ВКП(б) С. А. Бергавинов 12 марта 1930 года, — это «направление в край сотен тысяч раскулаченных. — П. П.» является огромнейшим фактором, не только решающим проблему колонизации края, не только гигантским усилением края трудовыми ресурсами, но и фактором развития производительных сил новых районов, ибо 250–300 тыс. человек — это же сила крепкая».³⁴

Конвейер «кулацкой ссылки» был налажен только в феврале, но директивы ОГПУ в связи с предстоящими массовыми депортациями были посланы в районы сплошной коллективизации на места еще в январе³⁵. Осуществлять мероприятия надлежало особоуполномоченным райисполкомов (совместно с ОГПУ и местными комитетами), причем уже в *феврале-мае*, то есть, в основном, до весеннего сева. Самых раскулачиваемых поделили при этом на три категории: 1) «контрреволюционный актив»: их заключали без суда в концлагеря и даже расстреливали (членов их семей могли отправить на спецпереселение, причем первоочередным порядком, но могли и оставить дома; позднее, в 1931–1932 гг., представителей первой категории как бы перевели во вторую, отправив и их на спецпереселение и по возможности с семьями); 2) «остальные элементы кулацкого актива, богатые кулаки и полупомещики»: их выселяли в отдаленные местности СССР или отдаленные местности данного края; 3) «оставляемые в пределах района кулаки»: их сселяли в небольшие поселки на землях за пределами колхозных угодий. Разумеется, у всех трех категорий конфисковывалась большая часть их имущества и денежных накоплений, полученные таким образом средства шли в погашение кулацких «долгов» государству или поступали в неделимые фонды колхозов.

Были даны и количественные, и географические разнарядки: по первой категории депортации подлежало 60 тыс. семей кулаков, по второй — 150 тыс. С добавлением к ним в конце февраля 1930 года «ограничительных контингентов» из так называемых «потребляющих районов РСФСР» (Московская, Ленинградская, Западная и Иваново–Вознесенская области, Нижегородский край и Крымская республика), а также из национальных районов Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа общее количество намеченных к депортации достигло 245 тыс. хозяйств³⁶.

³³ Ивницкий, 1996, с. 127.

³⁴ Ивницкий, 1996, с. 228, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 393, оп. 2, д. 1796, л. 306. Примерно столько кулаков (около 55 тыс. семей) и переселили в Северный край в течение 1930–1931 гг. (там же, с. 192–194).

³⁵ Раскулачивание и расселение кулаков третьей категории было отложено до осени (Ивницкий, 1996, с. 130).

³⁶ Ивницкий, 1996, с. 69–70.

Принудительные миграции до начала второй мировой войны (1919–1939)

Первыми к переселению должны были приступить на Северном Кавказе, на Средней и Нижней Волге (10 февраля), затем — на Украине и в ЦЧО (15 февраля) и позже всех — в Белоруссии (1 марта). Завершить переселение в целом планировалось к июню, а первый этап — к 15 апреля³⁷.

Таблица 4. Число кулаков первой и второй категории, по районам выселения (тыс. семей)

Районы	Категория	
	первая	вторая
Средняя Волга	3–4	8–10
Нижняя Волга	4–6	10–12
Северный Кавказ и Дагестан	6–8	20
ЦЧО	3–5	10–15
Сибирь	5–6	25
Урал	4–5	10–15
Казахстан	5–6	10–15
Украина	15	30–35
Белоруссия	4–5	6–7
Потребляющие районы РСФСР	17	15
Национальные районы Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа	2,95	

Источник: Ивницкий, 1996, с. 69–70.

Районами приема кулацких масс из зоны сплошной коллективизации были первоначально намечены Северный край (наряд на 70 тыс. семей³⁸), Сибирь (50 тыс., не считая 25 тыс. семей «своих», сибирских, кулаков), Урал и Казахстан³⁹ (по 20–25 тыс.), причем оговаривалось, что имеются в виду необжитые или малообжитые районы, где раскулаченные должны были заниматься в первую очередь промыслами (лес, рыба) и только во вторую очередь — сельским хозяйством. Плановая «матрица» депортаций выглядела при этом следующим образом: в Северный край высылались кулаки с Украины и из ЦЧО, в Сибирь — с Нижней и Средней Волги и из Белоруссии, а на Урал и в Казахстан — с Северного Кавказа (соответственно, 23 и 5 тыс. чел.).

Внутри Северного края план расселения выглядел так: Архангельский округ — 30 тыс. семей, АО Коми — 12 (в них предполагалось развивать рыболовные и пушные

³⁷ Ивницкий, 1996, с. 133.

³⁸ ОГПУ первоначально запрашивало о возможности принять до 100 тыс. хозяйств. Севкрайком согласился на 50–70 тыс., поставив при этом ряд условий, среди которых были, в частности, расселение контингента в малообжитых районах с дефицитом рабочих рук и предоставление на первое время «голодных норм снабжения» (см. в письме С. А. Бергавинова Л. М. Кагановичу от 14.01.1930 — цит. по: Ивницкий, 1996, с. 132).

³⁹ Казахстан и Сибирь были включены в этот перечень по личному указанию Сталина.

промыслы), Вологодский округ — 10 (животноводство и хлебопашество), Северо-Двинский — 9,5 (льноводство) и Няндомский — 8,5 тыс. семей⁴⁰. При расселении в Сибири пришлых намечалось разместить в Приангарском районе (30 тыс. семей) и по трассе Томско-Енисейской железной дороги (20 тыс. семей), а «своих» — в Васюганье, или Нарымском крае⁴¹: «*Эти районы... в настоящее время представляют из себя почти безлюдное пространство, которое без предварительной, хотя бы минимальной, подготовки заселить невозможно... Устройство земельной территории не предполагается. Можно обойтись только указаниями мест заселения, так как все указанные районы обследованы в большей своей части*»⁴². Расселение на Урале осуществлялось в Верхнекамском, Коми-Пермяцком, Нижнетагильском, Ирбитском и Тобольском округах с трудоустройством преимущественно на лесозаготовках и рыбных промыслах⁴³. В Сибири и на Урале часть депортаций носила преимущественно внутрикравевой характер.

В целом в этой плановой установке просматривалась несколько размытая, но все же тенденция: игнорировать природно-климатические условия проживания (и, соответственно, хозяйственные навыки) депортируемых кулаков и избегать их расселения в регионах, смежных с районами выселения. Особенно наглядно это было в случае с кулаками Нижней и Средней Волги, для которых оказались «закрытыми» и Казахстан, и Урал (в 1931 году ситуация изменилась: роль экономического фактора к этому времени заметно возросла).

Жизнь, правда, перемешала карты: одно дело — *поломать* жизнь кулака (раскулачить и даже загнать на сборный пункт) и совсем другое — перевезти его в район вселения и хоть как-то там *обустроить*. В результате Сибирь и Казахстан заявили о своей неготовности к приему кулаков, после чего всю их высылку решили разбить на три этапа. Первый, рассчитанный на завершение к маю 1930 года, охватывал 60 тыс. кулацких хозяйств (или около 300 тыс. чел.), три четверти из которых направлялись в Северный край (20 тыс. семей с Украины, по 8 тыс. — из ЦЧО и Средней Волги, 6 тыс. — с Нижней Волги и 3 тыс. из Белоруссии) и одна четверть — на Урал (10 тыс. семей с Сев. Кавказа и 5 тыс. из Белоруссии, но, подчеркнем еще раз, не из Поволжья). Однако вскоре (16 февраля) и этот план был откорректирован, причем самим Сталиным: Северному краю — 70 тыс. семей раскулаченных, Уралу — 20 тыс., Сибири — 15 тыс.⁴⁴

⁴⁰ Ивницкий, 1996, с. 227–229.

⁴¹ Парабельский район, или Чае-Парабельское пространство с рр. Вах, Тым и Кеть.

⁴² См. в докладной записке зам. зав. Сибирского ГПУ Никитина на имя т. Рындина из Переселенческого управления НКЗ СССР от 7.02.1930 (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43, л. 26–27). Ср. также в письме секретаря Томского окружкома ВКП(б) Нусинова и председателя Томского окрисполкома Решикова секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе и председателю крайисполкома Клименко от 7.03.1930, где говорится о 20 тыс. кулацких хозяйств, или ок. 100 тыс. чел. из разных округов Сибири, подлежащих вселению в 1930 г. в Нарымский край (Макишев, 1997, с. 15–16, со ссылкой на: ГАНУ, ф. 47, оп. 5, д. 104, л. 153–154). Центр настоял также на приеме Сибири еще 18,5 тыс. семейств из пограничных районов Украины и Белоруссии и даже дал рекомендацию расселить их по северным районам бассейнов Енисея и Оби (Ивницкий, 1996, с. 230).

⁴³ Ивницкий, 1996, с. 235.

⁴⁴ Ивницкий, 1996, с. 133–134. В дальнейшем в план был снова возвращен Казахстан и добавлены другие регионы.

Таблица 5. Депортации кулаков второй категории, по районам выселения (на 1.01.1930; семей и чел.)

Районы выселения	Намечено		Выселено		Примечания
	семей	чел.	семей	чел.	
Украина	20 000	100 000 15 000	20 761	98 743 14 894	Одиночки «особого назначения»*
Белоруссия	8 000	40 000 3 500	9 231 44 083	3 579	Одиночки «особого назначения»*
ЦЧО	8 000	40 000	8 237	42 837	Будет еще 700 семей
Нижняя Волга	8 000	40 000	7 931	40 001	
Средняя Волга	6 000	30 000	5 566	29 211	Будет еще 350 семей из Мордовии
Северный Кавказ	10 000	50 000	10 595	51 577	Без Дагестана
Крым	3 000	15 000	3 179	14 029	
Татария	2 000	10 000	650	3 310	4 эшелона в пути
Средняя Азия	400	2 000	80	281	
Закавказье	200	1 000	—**	—**	
ИТОГО:	65 600	346 500 18 500	66 445	342 545 18 473	Одиночки «особого назначения»*

Примечание. * Выселенные из пограничной полосы Украины и Белоруссии независимо от социальной принадлежности.

** Из Закавказья, ввиду обострения политического положения, выселение не производилось.

Источник: *Ивницкий, 1996, с. 141.*

Для выработки конкретных рекомендаций по вселению, расселению, хозяйственному устройству и трудоустройству спецпереселенцев 9 марта 1930 года была создана комиссия при СНК РСФСР (под председательством наркома внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачева), а 1 апреля — для самого общего руководства этими вопросами — еще и спецкомиссия при СНК во главе с зам. председателя СНК В. В. Шмидтом⁴⁵. Аналогичные комиссии учреждались и на краевом уровне.

В результате к 1 мая было депортировано 66 445 семей, или 340 753 чел., по линии межкраевого переселения и 31 557 семей, или 158 745 чел., по линии переселения внутрикраевого. Вместе это составляет 98 002 семьи, или 499 498 чел.⁴⁶

⁴⁵ В ее состав вошли также зам. председателя ОГПУ с. А. Мессинг, нарком внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачев, с. С. Лобов (ВСНХ), А. И. Муралов (НКЗем) и др. На усмотрение комиссии передавался, в частности, и вопрос о финансировании из центрального бюджета выселения кулаков третьей категории, вскоре решенный отрицательно (*Ивницкий, 1996, с. 231–232*).

⁴⁶ *Ивницкий, 1996, с. 233–234*. Ср. несколько иную цифру числа межкраевых депортированных — 342 545 чел. (*Ивницкий, 1996, с. 140*).

Раскулачивание и «кулацкая ссылка» в 1930–1931 гг.

За исключением Средней Азии и Закавказья, план выселения кулаков второй категории в установленный срок был практически выполнен (см. табл. 6).

Таблица 6. Депортации кулаков второй категории, по районам вселения
(6.01.1930; семей и чел.)

Районы вселения	Районы выселения	Число	
		семей	чел.
Северный край		46 562	230 065
	Украина	19 658	93 461
	ЦЧО	8 237	42 837
	Нижняя Волга	7 931	40 001
	Средняя Волга	5 566	29 211
	Белоруссия	4 763	22 810
	Крым	407	1 745
Урал		31 343	151 249
	Северный Кавказ	10 595	51 577
	Белоруссия	4 468	21 273
	Крым	2 722	12 284
	Урал	13 708	66 115
Сибирь		17 196+	100 481
		ок. 14 894 одиночек	
	Украина	1 135+	20 176
		ок. 14 894 одиночек	
	Сибирь	16 061	80 305
Казахстан		1 421	7 816
	Средняя Азия	80	281
	Казахстан	1 341	7 535
Дальний Восток		1 280	7 352
	Татария	650	3 310
	Белоруссия	183	1 787*
	Дальний Восток	447	2 235

Примечание. * Вместе с одиночками «особого назначения».

Источник: *Ивницкий, 1996, с. 141–142, 233–234, 236.*

Из таблицы видно, что ни Сибирь, ни Казахстан как регионы межкраевого вселения кулаков сколь-либо значительной роли на данном этапе не сыграли. Иными словами,

Сталинская рекомендация от 16 февраля 1930 года была фактически проигнорирована, и большинство раскулаченных отправили на европейский Север и на Урал, причем именно в пропорции 3:1. Новыми «уральцами» стали поголовно все кулаки с Северного Кавказа, большинство крымских и половина белорусских кулаков. В Северный край было депортировано кулачество Украины, ЦЧО и Поволжья (не считая половины белорусских и части крымских кулаков). Из таблицы видно, что дальше всех отправляли обитателей западных границ («одинок особого назначения»): их переселяли в Восточную Сибирь и даже на Дальний Восток.

Расселяли кулаков небольшими поселками под управлением комендантов (так называемые «**трудовые поселки**»), именуя их при этом «**спецпереселенцами**» (до 1934 года), затем «**трудпоселенцами**» (в 1934–1944 гг.), а с 1944 года — «**спецпоселенцами**». Права и обязанности спецпереселенцев и административное управление спецпоселками регламентировались особыми положениями и инструкциями центральных и местных органов власти, а с 20 мая 1931 года — органов ОГПУ⁴⁷. Управлялись спецпоселки спецкомендатурами, во многих случаях фактически являвшимися неформальными низовыми органами советской власти на местах.

Точное число спецпоселков в 1930 и 1931 гг. неизвестно, ориентировочно их было более 2000, из них в одной только Уральской области — 574⁴⁸. Считалось, что спецпоселки раскулаченных должны были состоять из 30–50 дворов и только в исключительных случаях превышать 100 и более дворов⁴⁹ (правда, существовали спецпоселки в 250 и даже в 500 дворов).

Разумеется, значительный процент депортированных, даже с точки зрения установленных ОГПУ правил и критериев, был выселен неправильно или сомнительно. Этим вопросом в мае 1930 года занималась комиссия ЦК, возглавляемая с. А. Бергавиновым. Несмотря на то, что половина членов комиссии пришла к выводу, что число неправильно и сомнительно высланных превышает в среднем 41%, Бергавинов настаивал на 6% неправильных и 8% сомнительных раскулаченных: именно эти цифры и были утверждены ПБ. Но даже из этих 6% правом возвращения на родину наделялись только те «кулацкие семьи», у кого есть революционные заслуги или чьи члены служат в Красной Армии, остальных же не-кулаков надлежало оставить в Северном крае, но на вольных и особо льготных условиях⁵⁰. Иными словами, выслали так выслали, обратного хода нет, да и масштабы своего произвола сталинское ПБ признавать не хотело бы.

⁴⁷ 20.05.1931 все спецпоселки были переданы в ведение ОГПУ. 25.10.1931 Г. Ягода и прокурор ОГПУ Катанян утвердили «Временное положение о правах поселковой администрации в районах расселения спецпоселенцев». В нем, в частности, указывалось, что комендатуры ОГПУ осуществляют административное управление, организацию труда и быта поселенцев. Поселковые комендатуры подчиняются или непосредственно отделам по спецпереселенцам при полномочных представительствах ОГПУ, или участковым районным комендатурам (в зависимости от местной структуры). Комендатуры ОГПУ в спецпоселках, помимо своих специальных оперативных и хозяйственных функций, осуществляют и обычные административные функции советских органов — сельсоветов; в этом случае они работают под руководством райисполкомов.

⁴⁸ *Ивницкий*, 1996, с. 242–243.

⁴⁹ Так, в Северном крае верхним потолком людности спецпоселка считались 120 семей (*Ивницкий*, 1996, с. 232)

⁵⁰ *Ивницкий*, 1996, с. 142–146.

Можно только предполагать, сколь большим был процент «ошибок» при раскулачивании **третьей категории** кулаков и при проведении в марте–апреле 1930 года их внутрикраевого переселения. Единообразных критериев, в отличие от межкраевых «депортаций», тут просто не существовало⁵¹. Так, в Нижегородском крае всех подлежащих выселению (512 семей, или 2451 чел.) из всех районов собрали в одном и весьма отдаленном и малолюдном Синегорском районе Вятского округа, образовав там три поселка с трудоиспользованием на лесозаготовках⁵², а на Урале — в различных северных отдаленных районах с трудоиспользованием на торфоразработках, каменоломнях и в строительстве. На Северном Кавказе была проведена своеобразная «рокировка» кулацких хозяйств из плодородных районов и бедняцких из засушливых и неурожайных районов с образованием двух сплошных массивов кулацких хозяйств, с трудоиспользованием в сельском хозяйстве: один массив — Дивенский и Аргизский (по другим данным — Прикумский) районы (около 10 тыс. семей), другой — в Донецком и Шахтинском округах (около 2000 семей). На Дальнем Востоке и в ЦЧО «рокировка» производилась в пределах одного села или района (кулаки — в бедняцкие дома, бедняки — в кулацкие), спецпоселков не создавалось, расселенные фактически работали по найму в колхозах (эта «модель», при которой кулаки политически не были «обезврежены», чрезвычайно не понравилась ОГПУ). В остальных районах сплошной коллективизации практиковалось переселение за пределы коллективизированных сел на запольные участки колхозных массивов.

Масштабы кулацкой ссылки по третьей категории таковы: к августу 1930 года, по данным ОГПУ, по 11 районам СССР было расселено 51 889 семей, то есть около 250 тыс. чел. В дальнейшем это число только снижалось (к февралю 1931 года, например, оно сократилось до 44 990), что объяснялось повышенной легкостью бегства у кулаков этой категории (со временем доля бежавших достигла 72%). Массами бежали они в города и на стройки⁵³, которых в годы первой пятилетки по всей стране было немало: Донбасс, Кузбасс, Магнитка, даже Метрострой. Бежали при этом не только кулаки, но и середняки и даже бедняки. Уже к лету 1930 года таких «самораскулачившихся» насчитывалось не менее 250 тыс. чел.⁵⁴

Всего же к концу 1930 года из районов сплошной коллективизации было переселено 77 795 семей, насчитывавших 371 645 человек, в том числе 123 807 мужчин, 113 653 женщины и 134 185 детей⁵⁵. Большинство из них (почти $\frac{3}{5}$) выслали в Северный край, причем, напомним, даже тех, кого признали высланными ошибочно, домой не возвращали, а оставляли там, куда их привезли, но как вольных граждан. С учетом внутрикраевой ми-

⁵¹ Правда, существовали примерные параметры поселений: поселки от 20 до 100 дворов, расселение по хуторскому принципу запрещалось; отводимые земли, естественно, должны быть худшего качества (см.: *Ивницкий*, 1996, с. 237–241).

⁵² *Ивницкий*, 1996, с. 238.

⁵³ *Ивницкий*, 1996, с. 240.

⁵⁴ *Ивницкий*, 1996, с. 149.

⁵⁵ В целом это составило лишь около $\frac{1}{5}$ всех раскулаченных в 1930 г. (весной выселение было временно приостановлено в связи с начавшимся севом и «перегибами» в коллективизации и раскулачивании).

рации (по состоянию на 1 января 1931 года) общее количество депортированных в 1930 году кулаков составило 109 352 семьи, или 530 390 чел., а с учетом переселений кулаков третьей группы — 161 241 семью и около 780 тыс. чел. Формально из этого числа следовало бы вычесть 18 473 «одиночек особого назначения», высланных из пограничных районов Украины и Белоруссии, хотя и одновременно с раскулаченными, но совершенно по другой линии — в порядке «зачистки границ» и вне зависимости от социального статуса (среди них, напомним, были и середняки, и бедняки). Таким образом суммарное число лиц, раскулаченных и депортированных в течение 1930 года, составляло около $\frac{3}{4}$ млн. чел.

На местах тем не менее оставалось не менее 1 млн. уже раскулаченных кулаков, судьба которых была, в сущности, предрешена: их ждали голодная зима и неминуемая ссылка. Многих, естественно, это не устраивало, и по всей зоне сплошной коллективизации прокатились крестьянские волнения, убийства колхозных активистов и агитаторов. Но большинство все же бунту предпочитало иную форму протеста — бегство на отхожие промыслы.

ОГПУ вообще склонялось к мнению, что третью категорию кулаков (по крайней мере трудоспособную ее часть) стоило бы слить с первыми двумя и переселить в трудпоселки в отдаленных районах с трудоиспользованием на лесо- и торфоразработках, в камноломнях и на добыче апатитов, в железнодорожном строительстве.⁵⁶ Что фактически и было сделано в следующем году, когда категории кулаков, не будучи формально отменены, практически перестали что-либо значить.

Июньский 1931 года пленум ЦК констатировал завершение коллективизации в основных зерновых районах. Однако насильственная коллективизация привела к резкому падению сельскохозяйственного производства.

25 января 1931 года была проведена операция по внутрикраевой депортации кулачества на Северном Кавказе. Около 9 тыс. семей (или около 45 тыс. чел.) из приморских и лесогорных районов Кубани и Черноморья были выселены в засушливые районы Ставрополя и Сальской степи; одновременно оттуда на освободившиеся в Прикубанье места добровольно заселилось около 8,5 тыс. семей членов коммун и артелей из Ставропольского и Сальского районов. Собственно говоря, это было не столько началом «кулацкой ссылки» 1931 года, сколько завершением высылки 1930 года, поскольку решение об этом было принято Северокавказским крайкомом ВКП(б) еще в августе 1930 года.⁵⁷

Принятое 1 февраля 1931 года Постановление ЦИК и СНК СССР «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам союзных республик права выселения кулаков из пределов сплошной коллективизации сельского хозяйства» фактически открыло зеленый свет новым, еще более массовым, чем в 1930 году, депортациям крестьянства. При этом внутрикраевые переселения отменялись, причем не только для третьей, но и для второй категории (за исключением Сибири, Урала и Дальнего Востока).⁵⁸

⁵⁶ *Ивницкий*, 1996, с. 146–147, 240–241.

⁵⁷ *Ивницкий*, 1996, с. 180–181.

⁵⁸ *Ивницкий*, 1996, с. 242.

«В 1931 году, — пишет С. А. Красильников, — темпы и масштабы раскулачивания уже не увязывались с коллективизацией и в значительной мере определялись заявками хозорганов».⁵⁹

Новая волна депортаций фактически развернулась в середине марта 1931 года. Кроме прошлогодних районов выселения она затронула также республики Средней Азии (в частности, районами сплошной коллективизации были объявлены Кокандский, Янгиюльский, Дейнаууский, Сарыаусский, Гиждуванский, Акдарьинский и Мирзачульский районы Узбекистана и Чарджоуский, Фарабский, Саятский и Ашхабадский районы Туркмении⁶⁰), Казахстан (Арысский, Лбищенский и другие районы), Закавказье⁶¹, Дальний Восток, Северный и Нижегородский края, Башкирию, Московскую, Ленинградскую⁶² и Ивановскую промышленные области. Выселение производилось с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931 года (то есть с традиционным перерывом на сев).

Возникла настоятельная потребность в некоем едином координирующем органе по наблюдению и руководству работой по выселению, расселению и трудоустройству кулаков. Таким органом стала созданная 11 марта 1931 года так называемая «комиссия Андреева» — специальная комиссия ЦК ВКП(б) во главе с заместителем председателя СНК А. А. Андреевым.⁶³ Предложения комиссии, как правило, оформлялись в виде решений Политбюро.

Одним из таких решений было и Постановление ЦК ВКП(б) «О кулаках» от 20 марта 1931 года. Оно предусматривало дополнительную высылку в течение мая–июля 1931 года 150 тыс. кулацких хозяйств — в Казахстан (в б. Акмолинский и Каркалинский округа, а также по р. Токрау южнее оз. Балхаш), где их ждало не столько сельское хозяйство, сколько добыча полезных ископаемых (угля, меди и железной руды) и железнодорожное строительство, и еще 40 тыс. — в северные районы Западно-Сибирского края, главным образом, в Нарым⁶⁴ — для освоения местной пахотопригодной целины и на лесо-

⁵⁹ Красильников, 1991, с. 188. В 1931 г. ГУЛАГ ОГПУ охватывал практически весь технологический цикл трудоустройства, создав трехуровневую и по-своему действенную систему договоров (на верхнем уровне ГУЛАГ договаривался с головными организациями, на среднем уровне договор с одним из территориальных отделений ОГПУ заключали ведомства и тресты, наконец, на нижнем — спецкомендатура и предприятие (например, леспромхоз или рудник).

⁶⁰ См. *Ивницкий*, 1996, с. 186–188. При этом в Ср. Азии основную часть байского элемента предполагалось выселить внутри районов, но на худшие земли.

⁶¹ Соответственно, 350 и 400 семей первой и второй категорий, высылаемых в Казахстан (*Ивницкий*, 1996, с. 189).

⁶² В частности, из Пригородного района Ленинградской обл. намечалось выселить 100 кулацких хозяйств немецких колонистов. Кроме 5 тыс. семей, подлежащих высылке на Урал, еще 4 тыс. семей планировали переселить внутри области, для использования на хибинских апатитах и Нивострое. Вместе с тем расселение в 150–200-километровой погранполосе строжайше запрещалось, например на Сиявинских торфоразработках близ Шлиссельбурга (*Ивницкий*, 1996, с. 185, 190).

⁶³ Комиссия заседала еженедельно. Ее членами были также секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев и зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягода; с 5.10.1931 Андреева в комиссии заменил зам. председателя СНК и СТО СССР, председатель ЦКК ВКП(б) и нарком Рабоче-крестьянской инспекции СССР Я. Э. Рудзутак. Комиссия была распущена только в марте 1932 г.

⁶⁴ Каргасовский, Парабельский, Колпашевский, Чаинский, Кривошеинский, Баксинский, Ново-Кузовский, Зырянский и др. (см.: *Ивницкий*, 1996, с. 182–183; *Адибеков*, 1994, с. 153). Интересно, что,

повал. Всего в результате депортаций кулаков в комендатурах Сиблага (Западная Сибирь) было размещено более 80 тыс. семей общей численностью 363 тыс. чел., из них в Нарымском крае — 68 тыс. семей, или 284 тыс. чел. Доля своих, «сибирских», составляла здесь более $\frac{3}{4}$, и чем севернее, тем она была выше. В результате население Кузбасса удвоилось, а северных районов Западной Сибири — даже утроилось, достигнув около 300 тыс. чел.⁶⁵

В 1931 году намечалась высылка и в Восточную Сибирь, но ее масштабы не указывались. В общей сложности ЦК поручил ОГПУ (а именно его представители на местах — Л. Заковский, Е. Евдокимов — ставили вопросы о переселении кулаков) подготовить к переселению более 200 тыс. семей⁶⁶. Но это оказалось технически невозможно, и около 110 тыс. семей поровну распределились между Казахстаном и Уралом, не считая переселенцев **внутри** таких регионов, как Урал и Западная Сибирь (по 12 тыс. чел.). При этом главными «поставщиками» кулацкой массы для Урала были Украина и Северный Кавказ (соответственно, 30 и 15 тыс. семей), а для Казахстана — различные регионы вдоль всей Волги (в том числе, на этот раз, и пограничные с Уралом, схожие с ним по природным условиям), а также Центрально-Черноземная и Московская обл.⁶⁷ Кроме того, еще 6 тыс. байских семей из Средней Азии переселили в хлопкоперспективные районы на юге Украины и на Северном Кавказе⁶⁸.

Можно сказать, что главным изменением географии выселения кулаков в 1931 году, по сравнению с 1930 годом, было резкое расширение пространства раскулачивания, а в географии вселения — резкое сокращение удельного веса Северного края и увеличение удельного веса Сибири и Казахстана (при сохранении значительной роли Урала⁶⁹).

Обустройство и трудоустройство кулаков в местах вселения было не просто плохим, а безобразным, их численность на местах неуклонно (и вплоть до 1935 года) сокращалась, соответственно, не росла и трудоотдача. Это привело к тому, что все хозяйственные, административные и организационные функции были переданы в один, но весьма

после того как намеченные 40 тыс. хозяйств к 1 июля были доставлены, краевой ОГПУ не остановился на достигнутом и, даже не испросив санкции в Москве, приступил к дополнительному выселению еще почти что 47 тыс. хозяйств, на что из Москвы последовал «сердитый окрик» (см. письмо ОГПУ — тт. Ягоды и Евдокимова — полномочному представителю ОГПУ в Западно-Сибирском крае т. Заковскому от 4.07.1931 в: *Красильников, Кузнецова, 1993, с. 47, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 3, л. 60*). Тем не менее в течение июля были вывезены ок. 10 тыс. семей из Башкирии и Московской обл. (кулаки 2-й категории и члены семей кулаков 1-й категории). Всех их трудоустроили в Кузбассе — Кузнецкстрой, Прокопьевские и Анжеро-Судженские копи (см. там же, с. 48, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 3, л. 66*).

⁶⁵ Данилов, Красильников, 1993, с. 4.

⁶⁶ Адиебеков, 1994, с. 146–155.

⁶⁷ Адиебеков, 1994, с. 158. Интересно, что решение о переселении в Казахстан 4 тыс. кулацких семей из Ленинградской обл. было отменено; вместо этого их направили в северные районы области для хозяйственного использования на Нивстрое и Хибинских апатитовых разработках (Адиебеков, 1994, с. 159, со ссылкой на: *ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 68, 74*).

⁶⁸ Данилов, Ивницкий, 1989, с. 39.

⁶⁹ На Урал в 1931 г. планировалось переселить 55 тыс. семей, из них 30 тыс. из Украины, 15 тыс. с Сев. Кавказа и по 5 тыс. из Белоруссии и Ивано-Вознесенской обл. (Ивницкий, 1996, с. 191–192).

властный и заинтересованный орган — в руки ОГПУ⁷⁰. Интерес этого органа в рационализации трудоустройства и повышении производительности раскулаченных был самым что ни на есть прямым и непосредственным: отчисления в его пользу составляли до августа 1930 года — 25%, до февраля 1932 года — 15%, а далее — 5%.⁷¹ Тем самым в 1931 году, как отмечает Г. Адиеков, «репрессивный орган превратился в экономического монстра с развитой инфраструктурой».⁷²

В Постановлении ПБ от 20 июля 1931 года «О кулаках» сказано, что задание о массовом выселении кулацких хозяйств в основном выполнено и что в будущем из районов сплошной коллективизации кулаков следует выселять только в индивидуальном порядке⁷³. В действительности, запрета на массовую депортацию кулаков не было, и, хотя решения комиссии Андреева на высылку стали реже, они отнюдь не пресеклись. Так, в июле-августе было санкционировано выселение кулаков и баев из Казахстана (5000 семей, причем было разрешено их *внутрикраевое* переселение), Средней Азии (6000 семей) и Калмыкии (1100 семей); внутрикраевое переселение разрешалось и Средне-Волжскому краю (2500 хозяйств), и Башкирии (6 тыс.); 3000 спецпереселенцев из Башкирии, Татарии и Нижегородского края переселялись в Бельский район Северного края⁷⁴.

12 октября 1931 года Ягода сообщал Сталину, что в 1931 году было раскулачено около 200 тыс. хозяйств, то есть вдвое меньше, чем в 1930 году, зато выслано было вдвое больше: 162 962 семьи, или 787 241 чел., в том числе 242 776 мужчин, 223 834 женщины и 320 731 ребенок. Всего же за 1930–1931 гг. было выселено 240 757 семей, или 1 158 986 чел.⁷⁵

С учетом внутрикраевого переселения, по данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, в течение 1930–1931 гг. было выселено 388 336 семей, или 1 803 392 чел.⁷⁶, — тем самым число кулаков первой и второй категории, депортированных в течение 1931 года, равняется 1 273 002 чел. По данным Н. А. Ивницкого⁷⁷, в 1930–1931 гг. все-

⁷⁰ См. «Протокол заседания комиссии А. А. Андреева» от 15.05.1931 (Адиеков, 1994, с. 155, со ссылкой на: ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10. л. 51–54). Комиссия указывала «Союзлеспрому», «Цветметзолоту» и др. лесозаготовительным организациям на «недопустимое положение дела с хозяйственным использованием спецпереселенцев, ... с их устройством и обеспечением жильем, снабжением, выплатой зарплаты...» как на «результат полного невнимания» (там же, с. 161–164).

⁷¹ Положительное годовое сальдо между отчислениями от зарплаты и затратами на содержание аппарата и административное обслуживание трудпоселенцев было весьма значительным (см.: Земсков, 1994, с. 119–120).

⁷² Адиеков, 1994, с. 146.

⁷³ Адиеков, 1994, с. 160. Прекращение массовой «кулацкой ссылки» было закреплено и в «Инструкции о порядке дальнейшего выселения кулацких семей» от 23.08.1931 (Адиеков, 1994, с. 171–172, со ссылкой на: ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10. л. 176, 180–181. Утверждена ПБ 30.08.1931).

⁷⁴ Ивницкий, 1996, с. 194–195.

⁷⁵ Ивницкий, 1996, с. 194.

⁷⁶ Земсков, 1994, с. 118, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 89, л. 205 (в более ранней работе он приводит несколько иное число семей — 384 334: см. Земсков, 1990, с. 3). Число прибывших на место всегда было меньше числа высланных, чему виной высокая смертность при транспортировке и побегу.

⁷⁷ См. сводную таблицу «Выселение крестьян в 1930–1931 гг.» (Ивницкий, 1996, с. 192–194).

го было выселено 381 026 кулацких семей, или те же 1 803 392 чел., из них 133 717 семей (или 35%) были подвергнуты внутрикраевому переселению, а 247 309 семей — межкраевому. С учетом приблизительно 250 тыс. кулаков третьей категории, переселенных в 1930 году, суммарное количество депортированных за два года кулаков составило около 2,05 млн. чел.! Основные направления «кулацкой ссылки» представлены на рис. 1.

В докладной записке Ягоды Сталину от 4 января 1932 года приводятся суммарные цифры наличных спецпереселенцев-кулаков по 14 районам СССР: ее итог составляет 1 421 380 чел. Разница между двумя цифрами (0,6 млн. чел.) так или иначе распределена между тремя основными составляющими «кулаков»: смертностью, успешным бегством и выводом из статуса спецпереселенца по тем или иным причинам (по установлению неправильности высылки, по браку с вольным и др.). Для лучшего понимания всей грандиозности «кулацкой ссылки» как вида административных репрессий приведем численность заключенных, содержащихся в лагерях ОГПУ: на 1 января 1932 года она составляла всего лишь 268 700 чел.,⁷⁸ или менее одной пятой от числа наличных спецпереселенцев-кулаков.

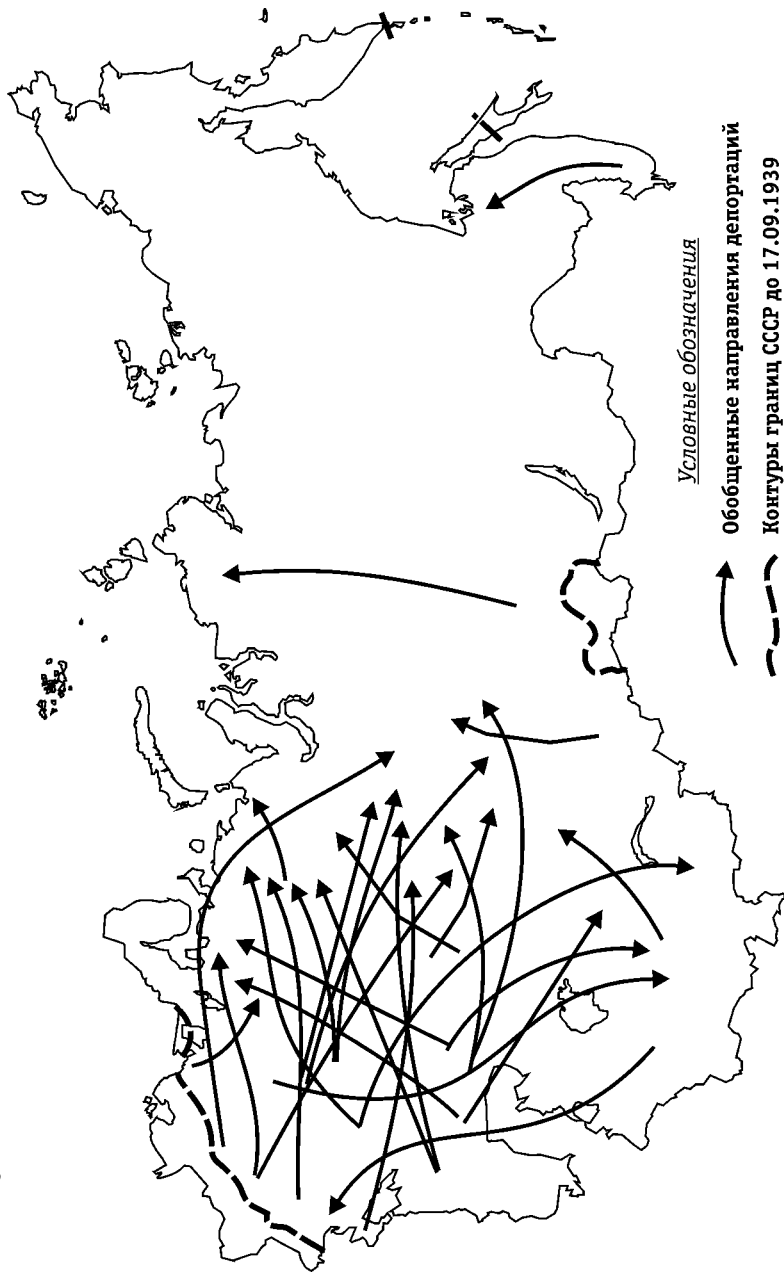
Больше всего раскулаченных за 1930–1931 гг. «поставила» Украина — 63,7 тыс. семей; из них больше половины (32,1 тыс.) выселили на Урал, а еще около 20 тыс. — в Северный край. На втором месте — уже Западная Сибирь (52,1 тыс. семей), но в пяти регионах — Северном, Западно- и Восточно-Сибирских и Дальневосточном краях, а также в Казахстане — переселения были исключительно внутрикраевыми. Сюда же можно добавить Урал, где на внутрикраевое переселение приходилось около 95%, и Башкирию (около половины). Тем самым вся Азиатская и существенная часть Европейской части СССР стали зоной внутрикраевого характера «кулацкой ссылки». Это и не удивительно, если вспомнить, сколь обширными были соответствующие административные единицы.

Третьим по масштабу высылки регионом был Северный Кавказ (38,4 тыс. семей), и здесь в качестве района вселения превалировал Урал (26 тыс. семей), более чем вдвое опережая внутрикраевое переселение (12,4 тыс.). Далее шли Нижневолжский край (30,9 тыс. семей), Урал (28,4), ЦЧО (26,0) и Средняя Волга (23,0 тыс.).

⁷⁸ РГАНИ, ф. 89, пер. 16, д. 1. л. 7. См. также: *Иванова*, 1997, с. 87, со ссылками на: *Земсков*, 1994, с. 146.

По состоянию на 1.03.1940 ГУЛАГ состоял из 53 лагерей (считая и лагеря, занятые постройкой железных дорог), 425 ИТЛ, или исправительно-трудовых колоний (в т. ч. 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентских»), т. е. подраженных на стройки и в хозяйства других ведомств) и 50 колоний для несовершеннолетних. Кроме того, существовали БИРы, или «Бюро исправительных работ», обеспечивавшие не «кизоляцию», а «трудообеспечение» осужденных. Общий контингент заключенных ГУЛАГа вырос, по сравнению с 1932 г., более чем в 6 раз и составлял 1 668,2 тыс. чел., из них 352 тыс. чел. содержались в ИТЛ, в т. ч. 192 тыс. чел. в промышленных и сельскохозяйственных ИТЛ. Здесь следует оговориться, что общая численность населения СССР в 1940 г. составляла около 194 077 тыс. чел.; иными словами, узники ГУЛАГа составляли 0,86% населения страны — почти каждый сотый гражданин был лишен гражданских прав! Разумеется, не все они были «политическими» преступниками, но в структуре преступлений по их характеру именно «контрреволюционная» деятельность занимает первую позицию — 28,7% (плюс 5,4% преступников «против порядка управления»).

Рис. 1. Кулацкая ссылка в 1930–1931 гг.

Кроме Украины и Северного Кавказа, Урал оказался самым «привлекательным» также для Западной области, БССР, Крыма, Ивановской промышленной обл., Татарии и Нижегородского края. Заметную роль играл Урал и в структуре высылки из Московской обл., лишь немного уступая Западной Сибири.

Вторым после Урала центром (точнее, очагом) притяжения «кулацкой ссылки» стал Казахстан. Он доминировал или лидировал среди районов вселения кулаков у таких регионов, как Нижняя Волга, ЦЧО (тут он, правда, лишь незначительно опережал Северный край) и Закавказье.

Западная Сибирь между тем оказалась наиболее притягательной не только для Московской, но и для Ленинградской обл. и Башкирии. Большую часть среднеазиатских кулаков и баев распределили между Украиной и Северным Кавказом, что во многом объяснялось упорными попытками наладить в этих регионах хлопководство.

«Кулацкая ссылка» и последствия голода в 1932–1934 гг.

20 июля 1931 года ПБ ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос о массовом выселении кулаков, сочло, что это стратегическое задание партии в основном выполнено. Все последующие высылки рекомендовалось осуществлять строго в индивидуальном порядке. Но, несмотря на это, массовые депортации кулаков продолжались — в порядке исключения или в виде чистки колхозов от кулацких элементов и саботажников — и в 1932, и в 1933 гг., и даже позднее. Более того, 13 февраля 1933 года ОГПУ обратилось в ПБ с предложением дополнительно расселить в Западной Сибири и Казахстане по 1 млн. чел. (!) таких контингентов, как, во-первых, раскулаченные, виновные в срыве хлебозаготовительной и иных кампаний, во-вторых, горожане, не желающие в связи с паспортизацией выезжать из городов, в-третьих, крестьяне, бежавшие в города и промцентры от раскулачивания и коллективизации и, в-четвертых, выселяемые из приграничной полосы и осужденные ОГПУ на сроки от 3 до 5 лет. Следствием этой инициативы стало постановление ПБ об организации трудовых поселений ОГПУ от 17 апреля 1933 года, но испрашиваемые суммы выделены не были.

И хотя планы по депортациям (в расчете на «довывявленных кулаков») ставились сравнительно скромные, тем не менее выдвигались все новые или подтверждались старые хозяйственные задачи: Хибины, Караганда, Алдан и Нарым (Сиблаг). Но если в первых трех случаях речь шла об освоении крупных промышленных месторождений (апатиты, уголь и золото), то в случае Нарыма к освоению предназначалось более 855 тыс. га пахотопригодных залежей с таким расчетом, чтобы за 2 года перевести этот край на самообеспечение зерном, фуражом и овощами. В сельском хозяйстве планировалось использовать 55,7 тыс. чел. (из них 25 тыс. работоспособных), проживающих в Галкинской, Парбигской⁷⁹, Тоинской и Шегарской комендатурах, а еще 160,2 тыс. чел. (из них 60 тыс. работо-

⁷⁹ Именно в этой комендатуре в конце июля 1931 г. вспыхнуло стихийное восстание спецпереселенцев (Данилов, Красильников, 1993, с. 8).

способных) ставились на лесоповал на огромных пространствах от Васюгана до Чулыма⁸⁰. Но эти планы к маю 1932 года были отменены и выполнены лишь отчасти; мало того, дефицит рабочих рук в Кузбассе заставил вернуть из нарымских комендатур около 2 тыс. чел.⁸¹

Можно сказать, что в 1932 году положение со спецпереселенцами–кулаками начало стабилизироваться (к началу 1933 года практически весь этот контингент состоял из раскулаченных). Причем если в 1930 году государство привлекали даже не столько они сами, сколько их конфискованное имущество и земли, то в 1931–1932 гг. и их самих стали рассматривать как вполне бесполезную «рабсилу», отчего стали больше беречь и даже защищать от произвола «работодателей». Само по себе образование комиссии Андреева, как и ее аналогов на местах (например, комиссии Заковского в Западно-Сибирском крае), — не что иное, как попытка внести экономическую рациональность в политическую стихию кулацкой ссылки.

Это нашло свое отражение и в географии вселения раскулаченных спецпереселенцев. Тут, как нам кажется, наблюдается аналогичная тенденция: от «политики» — к «экономике», от «сверхэкстенсивности» — к просто «экстенсивности» и от размашистых и жестоко–романтических планов Г. Ягоды по колонизации насильственным трудом заключенных и спецпоселенцев Севера и других «отдаленных местностей» (подчас и вовсе не освоенных территорий, откуда и бежать некуда) — к более локализованным, более прагматичным и интенсивным проектам конкретного регионального развития, что скорее соотносится с тактическими, нежели стратегическими задачами (см. ниже).

Поэтому отчетливое преобладание севера Европейской части в начале коллективизации в 1930 году сменилось ориентацией на заселение Урала и Казахстана в 1931 году, а затем и Западной Сибири (Нарымский край) в 1931–1933 гг. Последнее, впрочем, может быть воспринято и как рецидив экстенсивного освоения. В нашем аспекте весьма существенна такая деталь: север Западной Сибири осваивался, в основном, кулаками из южных районов края в ходе внутрикраевого переселения, тогда как «южные» комендатуры (они же и более промышленные: Кузбасс, Кузнецкстрой и др.) заселялись выходцами из центра Европейской части страны.

В 1932 году на спецпоселение поступило 71 236 чел.⁸² из других регионов (то есть без учета внутрикраевого переселения), причем большая их часть (39,4%) несколько неожиданно была направлена в Среднюю Азию, опередившую Казахстан (16,2%) и Урал (14,2%). В 1933 году число поступивших спецпоселенцев составило 268 091 чел., из них большинство (140 697 чел., или 52,5%) — прибыло в Западную Сибирь⁸³, 55 107 (или 20,6%) — в Казахстан, 33 920 (или 12,6%) — на Урал, 16 659 — в Северный край, 15 517 — на строительство Беломорканала, 3927 — в Горьковский край и т. д.⁸⁴ В 1935 г.

⁸⁰ См. соответствующее Постановление ПБ ЦК ВКП(б) от 28.12.1931 (*Макшеев*, 1997, с. 17–18).

⁸¹ *Данилов, Красильников*, 1993, с. 4.

⁸² *Ивницкий*, 1996, с. 196.

⁸³ Не вполне ясно, входят ли в эти цифры «местные», западносибирские, кулаки. Голоса об их отселении в более отдаленные округа и зачислении в спецпереселенцы в 1933 г. звучали особенно громко (см.: *Макшеев*, 1997, с. 47, со ссылкой на: ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 15, л. 7).

⁸⁴ Интересно, что в 1933 г. Ср. Азия не получила ни одного спецпереселенца!

из районов Северного Кавказа было выселено еще 4711 семей, или 22 496 чел., а всего за 1933–1940 гг. выселили 418 586 чел.⁸⁵

Суммирование этой цифры с числом кулаков, депортированных в 1930–1932 гг. (с учетом кулаков третьей категории в 1930 году, но без учета внутрикраевого переселения в 1932 году), дает гигантский итог приблизительно в 2540 тыс. чел., из которых 81% приходится на первые два года.

Зимой 1932/1933 г. возник еще один миграционный фактор, непосредственно вызванный коллективизацией, оторвавшей от земли наиболее эффективного ее собственника: недополученный урожай и изъятие «хлебных излишков» в конечном итоге и привели к повальному голоду на юге страны, в частности, на Украине, Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, где голодало не менее 25–30 млн. чел. Посланные в эти регионы комиссии ЦК находили на местах «подкулачников» и прочих виновников, исключали из партии мелких партийных и советских деятелей⁸⁶, арестовывали десятки и сотни тысяч крестьян, в том числе и по печально известному «закону о колосках» от 7 августа 1932 года⁸⁷, а целые станицы и села заносили на «черную доску»: так, в декабре 1932 года около 5 тыс. хозяйств из ряда кубанских станиц (в частности, Медведовской, Урупской и Полтавской, переименованной после этого в Красноармейскую) общей людностью более 11 тыс. чел. — выселили, главным образом, в Северный Казахстан и на Урал.⁸⁸ На их место принудительно заселяли демобилизованных красноармейцев.⁸⁹

За период с осени 1932 и по апрель 1933 года население СССР сократилось на 7,7 млн. чел., в том числе на Украине на 4 млн. чел. и примерно по 1 млн. чел. потеряли Северный Кавказ, Поволжье и Казахстан.⁹⁰

⁸⁵ *Ивницкий*, 1996, с. 202. В их числе и 999 кулацких семей, или 5317 чел., из Дагестана и Чечено-Ингушетии, в 1936 г. отправленных в качестве трудопоселенцев в совхозы Киргизии и Казахстана (см. в письме зам начальника ГУЛАГ НКВД И. И. Плинера наркому внутренним дел Ежову и его замам Агранову и Берману от 07.11.1936: *ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 36, л. 33*).

⁸⁶ Всех бывших коммунистов, исключенных за срыв хлебозаготовок, высылали, наравне с кулаками, в северные области (*Ивницкий*, 1996, с. 215).

⁸⁷ См.: *Ивницкий*, 1996, с. 203–225. Этот закон предусматривал и расстрел и не предусматривал амнистии.

⁸⁸ См.: *Зеленин*, 1989, с. 11; *Ивницкий*, 1996, с. 211. Н. В. Палибин (возможно, ошибочно) приводит несколько другой перечень занесенных на черную доску станиц: Темиргоевская, Уманская и Полтавская. Описывая процесс выселения из Полтавской, свидетелем чего он являлся, он подчеркивал, что в данном случае высылке, причем под угрозой расстрела, подверглись также колхозники — середняки и бедняки. См. приказ № 1 коменданта станицы Полтавской Славянского района Северо-Кавказского края Кабаева от 17.12.1932 о выселении за саботаж хозяйственных мероприятий советской власти всех жителей станицы, кроме «доказавших на деле свою преданность» (*Палибин*, 1988, с. 152–153 и 193–196). Судя по всему, ту же операцию имеет в виду и Т. Мартин, но он пишет примерно о 60 тыс. кубанских казаков, выселенных в январе 1933 г. (*Martin*, 1998, p. 946–847, со ссылкой на: *РГВА, ф. 9, оп. 36, д. 613, л. 6, 46* и на кн.: *Осколков Е. Н. Голод 1932/1933: хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991, с. 55–60*).

⁸⁹ Сама по себе практика принудительного расселения демобилизованных началась еще раньше, по крайней мере в 1929–1930 г., когда прорабатывалась идея создания «красноармейских колхозов» вдоль границ СССР. Так, например, в 1931 г. ЦК ВКП(б) и Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) приняли совместное решение о направлении двух полков демобилизованных красноармейцев на строительство Вахшской ирригационной системы в Таджикистане (см.: *Курбанова*, 1993, с. 59).

⁹⁰ *Ивницкий*, 1996, с. 224.

Исключительно тяжелая ситуация сложилась в 1933 году в Казахстане, где в результате голода и коллективизации поголовье скота сократилось на 90%. «Большой скачок» в животноводстве (вплоть до поголовного обобществления скота, даже мелкого) и политика принудительного «оседания»⁹¹ кочевого и полукочевого казахского народа обернулись не только голодом и гибелью от 1 (по Зеленину) до 2 (по Абылхожину и др.) млн. чел., но и **массовой откочевкой казахов**. Ею, по данным Зеленина, было охвачено не менее 400 тыс. семей, или около 2 млн. чел., а по данным Абылхожина и др. — 1030 тыс. чел., из которых 414 тыс. вернулось в Казахстан, примерно столько же осело в РСФСР и республиках Средней Азии, а остальные 200 тыс. ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. Разумеется, это был достаточно длительный процесс, начавшийся в конце 1931 года и нараставший от весны 1932 к весне 1933 года.⁹² Покинутые же людьми места приходили в упадок, все постепенно разрушалось⁹³.

По-видимому, это послужило одной из причин бросающейся в глаза **концентрации** в последующем **этнически депортированных спецпереселенцев и административно высланных именно в Казахстане, а также в республиках Средней Азии.**

Голодомор 1932–1933 гг. имел самые разные последствия и принес множество проблем. Не последней среди них была проблема заселения территорий, особо пострадавших от голода и раскулачивания, где в результате попросту не хватало рабочих рук. Такими регионами, в частности, оказались Украина, Северный Кавказ (главным образом Кубань) и Поволжье. Естественный прирост в них (а также в Центрально-Черноземной обл.) в 1933 году был феноменально отрицательным как по городскому, так и по сельскому населению. Суммарный же недород населения составил по одной только УССР 1459, по Северному Кавказу — 278 и по Среднему и Нижнему Поволжью — 175 тыс. чел.⁹⁴

По данным на декабрь 1933 года, мероприятиями по переселению было охвачено около 16 тыс. семей по линии внутриукраинского переселения, 3 тыс. семей из ЦЧО и 300 еврейских семей из Западной обл.⁹⁵ Иными словами, речь здесь шла почти о 100 тыс. чел.

Одновременно (в 1933–1934 гг.) принимался ряд решений по переселению на Кубань и в Причерноморскую полосу завербованных через военкоматы **переселенцев–красноармейцев**. К началу декабря 1933 года сюда вселилось всего 31 458 чел., в том числе 16 997 мужчин⁹⁶. На 1934 год планировалось вселение еще около

⁹¹ Правильнее было бы сказать — по «оседланию»!

⁹² Абылхожаев, Козыбаев, Татимов, 1989, с. 67–69.

⁹³ За 1926–1939 гг. число казахов сократилось на 867,4 тыс., составив всего 3100,9 тыс. чел. (см.: Зеленин, 1989, с. 6). Ср. другую оценку — 1321 тыс. чел. — в: Абылхожаев, Козыбаев, Татимов, 1989, с. 65–67.

⁹⁴ См.: Осокина, 1991. Примечательно, что данные по естественному приросту в Казахстане в центральные статорганы не поступили.

⁹⁵ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 57, л. 29.

⁹⁶ Перевозка была организована так, что многие приезжали завшивленными или с чесоткой (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43, л. 23–25).

50 тыс. семей⁹⁷. Несмотря на то что в этом районе отмечалась высокая заболеваемость малярией, никакой профилактики (хинизации) переселенцев не проводилось; не было лекарств и на тот случай, если человек заболел. Вместе с тем даже «вольному» переселенцу собраться и уехать было не так-то просто.⁹⁸

Тем не менее с июля 1934 года началось массовое бегство красноармейцев–переселенцев из Азово-Черноморского края, достигшее осенью уровня 30% (это явление в переписке называется «**обратничеством**»)⁹⁹. 27 сентября 1934 года уже сам секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) М. Малинов писал в ЦК Сталину, Кагановичу и Жданову о бедственном положении переселенцев-красноармейцев, их неоправданно высокой смертности и массовом бегстве из края. Причины крылись не только во вспышках малярии и в недостатке внимания к переселенцам со стороны руководства, но и во враждебном к ним отношении местного населения, в основном казаков, рассматривавших их как непрошенных гостей¹⁰⁰.

За период с 1933 по 1937 гг. ВПК и Переселенческим отделом НКВД было переселено 77 304 семей, или 347 866 чел. Примечательно, что 221 465 чел., или 63,6%, переселилось не куда-нибудь, а на Украину! Заметно отстают Восточная Сибирь, Азово-Черноморский край и Еврейская АО с их 38–39 тыс., не говоря уже о Дальне-Восточном крае и Бурят-Монгольской АССР с их примерно 6 тыс. переселенцев.

Почти 83% этих переселенцев пришлось на 1933–1934 гг., причем на один 1933 год — более половины. В эти годы практически все переселенцы направлялись в украинские житницы — в Одесскую, Донецкую, Днепропетровскую, Харьковскую (в основном из Центральной России и Верхнего Поволжья, но также из БССР и из таких областей самой УССР, как Киевская, Винницкая и Черниговская). Исключение составили только неполные 2 тыс. жителей Московской обл., переселенные в 1934 году в Сталинградскую обл., и так называемые «красноармейские семьи из разных областей», или, попросту, демобилизованные, принудительно (через военкоматы) распределенные следующим образом: в 1933 году весьма значительное их число (более 36 тыс. чел.) направили на Северный Кавказ, а в 1934 году — и всего 1 тыс. чел. — на Дальний Восток.

Начиная с 1935 года Украина как место вселения в отчетах более не фигурирует, и весь поток переселенцев поделили между собой регионы Восточной Сибири и Даль-

⁹⁷ Письмо Северо-Кавказского краевого переселенческого комитета т. Рудю, Центральный переселенческий комитет, от 28.11.1933 — РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 56, л. 41.

⁹⁸ Ср.: «...мы несколько раз хотели сняться с учета, нас не снимают — Вы говорят теперь местные жители, но мы не хотим. Мы решили уйти, взяли свои учетные карточки, нас задержали, отобрали все документы и сказали, что вы никуда не поедите. Мы сказали — мы не будем здесь жить. Нас арестовали и говорят, что мы вас под суд отдадим. Запугивают нас лишить всех политических прав. Это для нас говорят, что мы не посмотрим, что вы служили в армии. В общем мы живем плохо...» (Письмо красноармейцев И. С. Крынина, Н. П. Страфилова и Н. А. Агапова наркому по военным и морским делам от 10.11.1933, станица Ново-Малороссийская Тихорецкого р-на (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 56, орфография подлинника сохранена).

⁹⁹ См. в письме Уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по краю О. Шадунца секретарю ЦК ВКП(б) Жданову от 25.09.1934 (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 55, л. 32–34).

¹⁰⁰ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 55, л. 35–37.

него Востока, к которым в 1937 году присоединился Азово-Черноморский край, причем к традиционным регионам-«донорам» (Воронежская и Горьковская обл.) добавились Татарская АССР и Курская обл.¹⁰¹

Хорошее представление о том, что стоит за этими «цифрами», дает весьма характерная докладная записка № 800 от 20 марта 1938 года «О плане переселения из Курской области», посланная начальником УНКВД по Курской области капитаном гб т. Боециным на имя зам. наркома внутренних дел СССР старшего майора гб т. Жуковского¹⁰². Интересно, что в ноябре того же 1938 года, невзирая на описанное капитаном Боециным положение в Курской обл., начальник Переселенческого отдела УНКВД Читинской области, мл. лейтенант гб т. Скоринков обратился к начальнику Переселенческого отдела НКВД СССР дивизионному интенданту т. Плинеру с предложением о ходатайстве перед ЦК ВКП(б) и СНК о дополнительном переселении в 1938 году 1000 хозяйств переселенцев из Курской и Воронежской обл. Необходимость этого мотивируется, по его словам, тем, что *«...вербовка красноармейцев в колхозы сорвана и вербовать больше некого»*¹⁰³.

Поистине, как писал О. Мандельштам в статье «Гуманизм и современность» (1923): *«...египетские строители обращаются с человеческой массой как с материалом, которого должно хватить, который должен быть доставлен в любом количестве!»*

Следует отметить, что начиная с марта 1933 года «монополия» раскулаченных крестьян на статус спецпереселенца закончилась, поскольку начались и участились (главным образом в западных и центральных районах) разнообразные «чистки» больших го-

¹⁰¹ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 185.

¹⁰² См. Приложение 2.2.1.

¹⁰³ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 196, л. 26. Представление о характере этой «вербовки» дает, например, датированная 9.08.1938 докладная записка инспектора Д. Н. Янкова, адресованная помощнику начальника Переселенческого отдела НКВД т. Гринбергу: *«По вопросу проведения вербовки красноармейцев в частях Забайкальского ВО мною написано отношение и отправлено за подписью пом. нач. УНКВД тов. Слюсаренко в Полит. Упр. Забайкал. ВО 20.VII сего года. Перед отъездом из Читы 28.VI сего года по этому вопросу я беседовал с нач. Политуправления дивизионным комиссаром тов. Леоновым, который заявил мне, что дали указание комиссарам частей о проведении вербовки. Снизить сроки когда будут демобилизованы красноармейцы не может, дескать и сам не знает. Отпустить ранее также не сможет до окончания боевой учебы. Непосредственно вопросами вербовки красноармейцев занимается зам. нач. Политуправления полковой комиссар тов. Сорокин»* (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, ед. пр. 196, л. 136). В этой же записке говорится и о плохой подготовке районов Читинской обл. к приему переселенцев: *«Председатели многих райисполкомов вместо принятия реальных мер по обеспечению своевременного выполнения ремонта домов и надворных построек, выделенных для переселения, стали на путь очковтирательства... Во многих колхозах и сельхозетах переселенцы занимают руководящие посты, а в ряде районов часть переселенцев выселены из погранполосы как враги-народа за шпионаж. В целях получения причин обратничества и выяснения хозяйственного устройства переселенцев, вселение прошлых лет в этом году необходимо произвести сплошное обследование всех переселенцев и заострить этот вопрос в областных организациях во всю ширь. Без проведения этого мероприятия и изучения всех причин обратничества в дальнейшем трудно будет производить переселение и тем более бесполезно тратить столько средств, отпускаемых для этой цели Правительством. По существу на сегодня получается **живой конвейер**, одни переселенцы уходят из колхозов, а мы снова вселяем в эти же дома новых переселенцев»*.

родов и приграничных территорий от «социально–опасных» и «деклассированных» элементов. Чистки нередко напоминали облавы, людей хватали на улицах и бросали в теплушки, уже подготовленные для отправки в Сибирь. В одном только Томске, по данным В. Макшеева, в мае 1933 г. собралось около 25 тыс. москвичей, ленинградцев, сочинцев и т. д. В обиходе появился и такой термин, как «**новый контингент**», призванный отделить «новичков» от «старого» контингента раскулаченных¹⁰⁴.

К 1935 году все **пограничные районы** в обязательном порядке были очищены от кулаков и прочих неблагоденных. 17 января 1935 года Г. Ягода писал Сталину о «политической нежелательности» возвращения восстановленных в гражданских правах трудпоселенцев в места, откуда они были выселены. При этом он предлагал внести уточнение о том, что восстановление в правах не подразумевает права выезда из мест вселения¹⁰⁵.

Анализ сведений, собранных В. Н. Земсковым, говорит о высокой динамичности и структурной неоднородности контингента спецпоселенцев ГУЛАГ¹⁰⁶. Так, по состоянию на 1 июля 1938 года, на учете Отдела трудовых поселений ГУЛАГ НКВД СССР числился 1741 трудпоселок (позднее — спецпоселки), в которых проживало 997,3 тыс. трудпоселенцев (в более поздней терминологии — спецпоселенцев), или в среднем около 573 чел. на поселок. Подавляющее большинство — это крестьяне, раскулаченные в 1930–1933 гг., но несколько десятков тысяч — «неблагоденные элементы», выселенные из погранзон и крупных городов в середине 1930-х гг., особенно после убийства Кирова.

¹⁰⁴ Макшеев, 1997, с. 52–65. Там же см. письмо В. А. Величко Сталину, секретарю Р. И. Эйхе и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К. И. Левицу от 22.08.1933 и вызванную этим письмом докладную записку комиссии Запсибкрайкома о чудовищной судьбе 6114 чел. из двух эшелонов с деклассированными элементами, отправленных из Москвы и Ленинграда 29 и 30.04.1933 и доставленных 18 и 26.05.1933 через Томск на баржах на остров Назино на Оби напротив устья р. Назина (в живых из них осталось не более 2 тыс. чел., а сам остров назвали после этого Смерть–островом или островом Людоёдов). В докладной записке сообщенные Величко факты подтверждены, кроме того приводится следующая статистика: в комиссию поступило 914 заявлений от неправильно высланных. Из 840 живых людей, пропущенных через комиссию, 174 чел. было немедленно освобождено, а 231 чел. — направлено для дополнительной проверки в Новосибирск; 240 заявлений отправлено для проверки через аппарат Сиблага, отказано — 51 чел. Приводится и список из 22 чел. наиболее характерных из неправильно высланных: среди них — москвичи и иногородние, отпускники-транзитники или командированные в Москву, схваченные при выходе из трамвая, по месту службы, в булочной, на вокзале, в собесе, просто на улице после театра; все при себе имели, как правило, паспорта или справку из колхоза (*ГАНУ, ф. 3–П, оп. 1, д. 540а, л. 89–100 и 132–151*).

¹⁰⁵ См. Бугай, 1992, с. 42, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. 3316, оп. 2, д. 1668, л. 1*.

¹⁰⁶ «Ведал» ими постоянно один и тот же отдел, название которого, так же как, впрочем, и самого министерства, постоянно менялось. Впервые Переселенческий отдел НКВД был образован 22.07.1936 на базе Всесоюзного Переселенческого комитета при СНК (в 1937–1938 гг. его возглавлял И. И. Плинер); 9.08.1939 отдел был выведен из состава НКВД и передан в ведение Переселенческого управления при СНК. Обслуживанием спецпоселенцев занимался Отдел спецпоселений НКВД, организованный 28.08.1941 и расформированный 14.11.1942 (начальник И. В. Иванов); его функции были переданы в отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГ НКВД. 17.03.1944 Отдел спецпоселений НКВД-МВД был создан вновь, а в последующем он именовался: с 16.11.1950 — 9-е Управление МГБ; с 14.03.1953 — Отдел «П» МВД; с 30.10.1954 — 4-й спецотдел МВД. 27.03.1959 отдел был расформирован, а его функции переданы в Главное управление милиции МВД (см.: *Кокурин, Петров, 1997*).

Как выглядело в 1938 году распределение трудпоселенцев в макрорегиональном разрезе, иллюстрирует табл. 7. Как видим, основной поток довоенных «трудпоселенцев» ушел на европейский и азиатский «север» СССР — в районы действительно малоосвоенные и суровые. Урал и Западная Сибирь, вместе вобравшие около 0,5 млн. людей, далеко оторвались от лидировавшего в начале Европейского Севера, Казахстана и Восточной Сибири. В то же время поселки в Западной Сибири вдвое мельче уральских, что косвенно выражает их разные хозяйственные профили — лесной и промышленный. И в областном разрезе наблюдается «двоевластие»: заметно выделялись Новосибирская и Свердловская области, в каждой из которых насчитывалось по 170–195 тыс. трудпоселенцев, причем в Новосибирской области (в то время в ее состав входила и сегодняшняя Томская обл. с ее печально знаменитым «Нарымом») число трудпоселков составляло около $\frac{1}{3}$ от их общесоюзного количества.¹⁰⁷ Обращает на себя внимание «крупнонаселенность» трудпоселков на Северном Кавказе и в Казахстане.

Таблица 7. Расселение трудпоселенцев (1938)

Регионы	Число поселков	Численность поселенцев (тыс. чел.)	Ср. людность поселка (чел.)
Урал	299	244,3	817
Западная Сибирь	648	242,7	375
Север Европейской части	204	135,1	662
Казахстан	100	134,7	1347
Восточная Сибирь	248	119,7	483
Северный Кавказ (Ставропольский край)	10	45,5	4550
Средняя Азия	56	35,2	629
Дальний Восток	128	29,3	229
Украина	44	7,5	170
Поволжье (Куйбышевская обл.)	4	3,3	825
Итого:	1741	997,3	573

Рассчитано по: Земсков, 1994, с. 126, с ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 48, л. 9–10.

¹⁰⁷ Со временем это «двоевластие» исчезло: так, если численность трудпоселенцев в Новосибирской обл., по состоянию на 1.10.1944, составляла 170 645 чел., или всего лишь на неполных 5 тыс. чел. меньше, чем во всем Казахстане, то число трудпоселенцев в Свердловской обл. — лишь 86 640 чел. (Земсков, 1992, с. 18).

Интересно и несколько неожиданно, что за период с 1932 по 1940 гг., по данным В. Н. Земскова¹⁰⁸, число убывших со спецпереселения (2 563 401 чел.) существенно — на 0,4 млн. чел. — опережало число прибывших (2 176 600 чел.)¹⁰⁹. Обратная картина наблюдалась только в 1935 (44 800 чел.) и 1938–1939 гг. (60 901 и 58 931 чел.), а в остальные же годы «убыль» спецпереселенцев стабильно перекрывала их «прибыль» (в 1932 году — на 174 938 чел., в 1933 — на 69 538, в 1934 году — на 98 835 и т. д.). И дело здесь не только в высокой смертности и естественной депопуляции (число родившихся впервые превзошло число умерших в 1935 году, но в целом за тот же период с 1932 по 1940 гг. отрицательное сальдо их естественного прироста было весьма значительным — 159 263 чел.). Впечатляющими показателями характеризуются **побеги**: 629 042 чел. (при том что возвращенными из бегов проходило только 235 120 чел., то есть менее $\frac{2}{5}$). Были и другие категории «убывших»: осужденные (53 212 чел.), освобожденные по разным причинам (130 991, в том числе 33 055 — в порядке пересмотра, как «неправильно высланные»¹¹⁰), переданные на иждивение (36 286), переданные в организации (696 395)¹¹¹ и «прочие», среди которых, по всей видимости, большинство составляли вышедшие замуж за нетрудоспособных (627 954 чел.).

При этом доля трудоспособных в общем числе репрессированных (заключенных и трудоспособных) в конце 1930-х гг. оставалась более или менее стабильной: в 1937 году — 34,4%, а в 1939 — 31,6%. За этот же малый отрезок времени сократилась — и весьма резко — доля заключенных в тюрьмах (с 20,5 до 11,8%), тогда как доля заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа выросла с 45,1 до 56,6%¹¹².

Так что идеи, озвученные в 1928 году Янсоном, не пропали втуне и за истекшее десятилетие не утратили актуальности.

Пограничные зачистки и другие принудительные миграции в 1934–1939 гг.

Тридцатые годы — период отнюдь не начала, но резкого усиления внешнеполитической самоизоляции Советского Союза. Именно тогда начал выстраиваться тот «занавес», который впоследствии был назван «железным». Государственные границы, по точному наблюдению А. Рогинского, все больше приобретали характер «**линии фронта**». И это весьма ощутимо отразилось на депортационной политике Сталина (см. рис. 2).

¹⁰⁸ См.: Земсков, 1994.

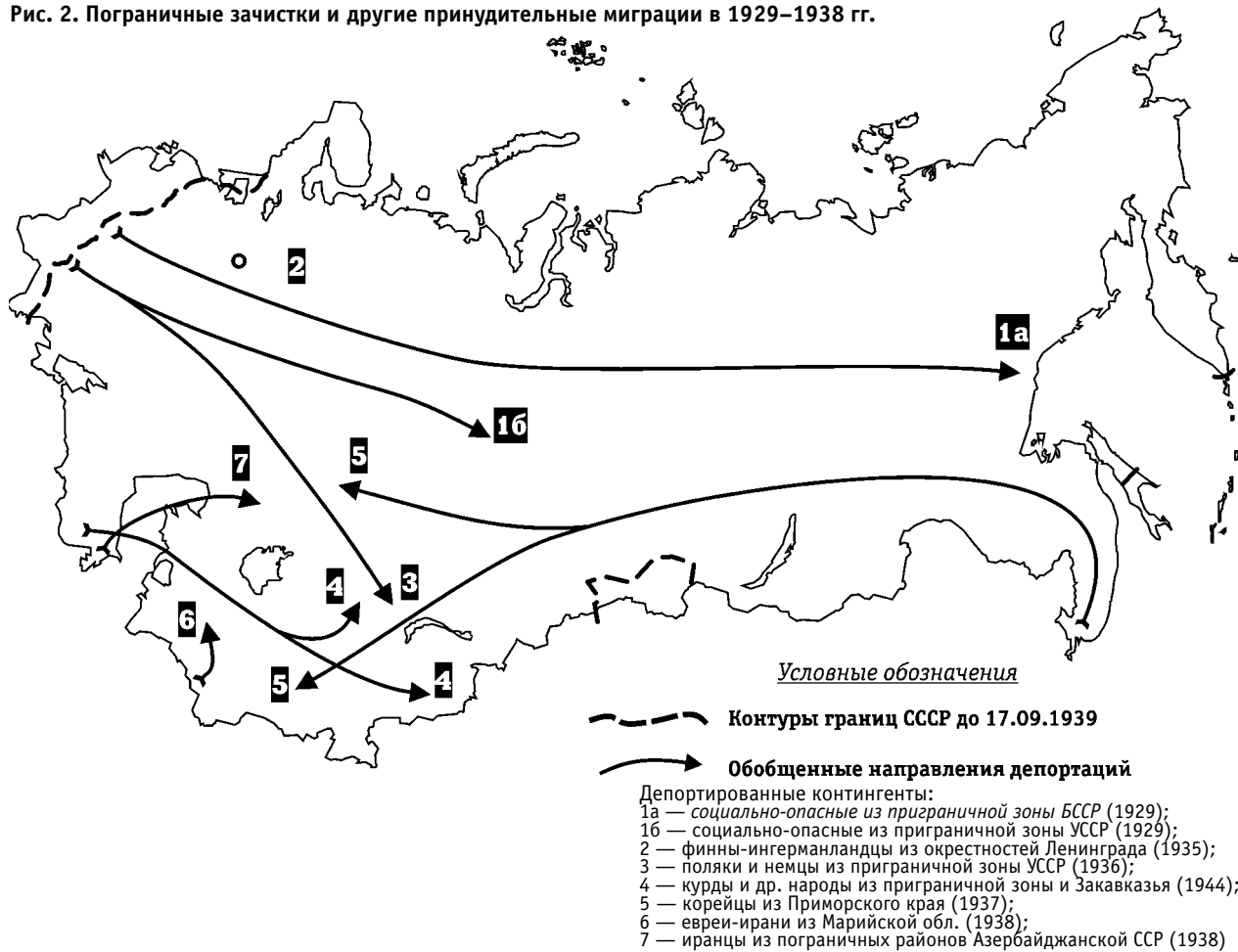
¹⁰⁹ Статистически оно различалось как прибытие из регионов и как прибытие из организаций (например, поступившие после отбытия сроков наказания в системе ГУЛАГа), но данные по второй группе начинаются только с 1934 г. (см.: Земсков, 1994, с. 124–125).

¹¹⁰ Остальные, по всей видимости, составляют «балласт» — нетрудоспособные женщины с детьми, старики и инвалиды. НКВД рассматривал их не иначе как «иждивенцев комендатуры» предлагал «рассосать» накануне их освобождения из мест ссылки (см., например, директиву зам. начальника ОТП УНКВД по Западносибирскому краю Анастасенко и нач. I отделения Гладышева секретарю Нарыжского окружного ВКП(б) К. И. Левицу от 2.01.1935 — Махшеев, 1997, с. 76–77).

¹¹¹ Это означало, как правило, не более чем чисто формальную и к тому же временную передачу части спецконтингента из управления ОГПУ под управление другого ведомства (например, Наркомлеса).

¹¹² См.: Земсков, 1991б, с. 74–75.

Рис. 2. Пограничные зачистки и другие принудительные миграции в 1929–1938 гг.

В середине 30-х гг. началась серия акций, а точнее, продуманная и последовательная кампания по обеспечению безопасности крупных городов, границ и приграничных территорий посредством их «зачистки» (часто классовой, но еще чаще — этнической) от «социально опасных», то есть неблагонадежных, с точки зрения советского руководства, элементов. Мы уже отмечали, что первые решения о «зачистках» на западных границах с Литвой и Польшей датируются еще 1929 годом, а сами «зачистки» — 1930 годом. Существенно, что эти первые зачистки еще не были ни «классово», ни «этнически» окрашенными¹¹³.

Не забудем и того, что введение 27 декабря 1932 года в СССР паспортной системы в первую очередь обосновывалось необходимостью разгрузки Москвы, Ленинграда, Харькова и других крупных городов и промышленных центров от контрреволюционных, кулацких, уголовных и прочих антисоветских и «лишних» элементов¹¹⁴.

С концом 1934 — началом 1935 г. принято связывать резкое усиление всяческих репрессий, формальным поводом для чего послужило убийство 1 декабря 1934 года С. М. Кирова. Впрочем, такой разновидности репрессий, как депортации, это коснулось все же в сравнительно малой степени. Тут достойна быть отдельно упомянутой **высылка из Ленинграда** так называемых **«бывших людей»** — дворян, фабрикантов, домовладельцев, чиновников, «церковников» (священнослужителей), офицеров армии и флота, жандармов и полицейских и т. д.

Эта акция, осуществлявшаяся в конце февраля – начале марта 1935 года и только в Ленинграде, показалась бы, на фоне всего остального, мерой до чрезвычайности мягкой: затронутых ею граждан просто выслали на три года из Ленинграда в другие города по их собственному выбору. Но в действительности их выслали из родного города навсегда: Ленинград шел вторым в списке «минус двенадцать», состоявшем из 12 крупнейших городов, запрещенных и к последующему проживанию.

На выселение 5 тыс. «бывших» семей, согласно циркуляру Управления НКВД по Ленинградской области от 27 февраля 1935 года «О выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов», отводился один месяц.¹¹⁵ Всего было «изъято» — и осуждено Особым совещанием при НКВД¹¹⁶ к высылке — свыше 11 тыс.

¹¹³ Тем не менее нельзя не признать справедливости замечания Т. Мартина о гораздо более тесной, чем это принято считать, корреляции между раскулачиванием и этничностью. Отдельные народы, особенно немцы и поляки, воспринимались чуть ли не как поголовные кулаки, да и русские на фоне корейцев или казахов тоже смотрелись явными кулаками. Среди отправленных в «кулацкую ссылку» из числа раскулаченных в Белоруссии и на Украине доля поляков была непропорционально высока, и отдельные антикулацкие операции носили почти беспримесно антипольский характер (Martin, 1998, p. 837–840).

¹¹⁴ См., например, проекты Постановлений ЦИК и СНК СССР «О введении единой паспортной системы в городах СССР» (РГАНИ, ф. 89, оп. 48, д. 25, л. 1–2).

¹¹⁵ Иванов, 1998, с. 118–119.

¹¹⁶ Сам факт этого «индивидуального» осуждения, строго говоря, должен выводить эту категорию репрессированных из числа принудительных мигрантов, однако налицо все остальные их признаки, в том числе списочность.

«бывших людей», из которых 4833 являлись «главами семей», из них 1434 дворян и примерно по 1000 бывших царских офицеров и священнослужителей. Всем им, на языке НКВД, были «выданы путевки»¹¹⁷.

Еще с ноября 1929 года Ленинград и область входили в число местностей, в которых категорически запрещалось проживание лиц, ранее осужденных Особым совещанием, в том числе и тех, кто до осуждения проживал здесь.¹¹⁸

Одним из первых крупных актов «зачистки» границ стало Постановление Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 4 марта 1935 года о выселении финского населения из приграничной полосы, в то время вплотную примыкавшей к Ленинграду с северо-запада. В области в то время проживало около 200 тыс. **финнов-ингерманландцев** (или финнов-инкери, или ижорских финнов), существовали один национальный финский район (Куйвазовский) и десятки сельсоветов, около 500 финских колхозов (снабжавших ленинградцев овощами и молоком), 322 финские школы, сельхозтехникум, финское отделение в пединституте им. А. И. Герцена, рабфак при университете, финские газета и издательство.

Весной 1935 года практически все это было ликвидировано: первоочередной депортации подлежали все финны из 22-километровой приграничной полосы (3547 семей), а те, кто проживал в 100-километровой полосе в Ленинградской обл. и в 50-километровой в Карелии, тоже выселялись, но во вторую очередь. «Первая очередь» выселялась между 1 и 25 апреля, людей направляли в Таджикистан (около 1000 семей), Казахстан и Западную Сибирь (316 семей из Карелии)¹¹⁹. Во «вторую очередь» из одного только национального Куйвазовского района в течение суток выселили 22 тыс. чел., разорив таким образом более 100 деревень (выселяли, впрочем, не так далеко, главным образом в Вологодскую обл.)¹²⁰. Общее число депортированных можно оценить приблизительно в 30 тыс. чел.

Той же весной 1935 года (между 20 февраля и 10 марта) значительная депортация была проведена и на Украине: из бывших тогда приграничными Киевской и Винницкой областей в восточные области республики переселили 41 650 чел., или 8329 семей, причем около 60% переселенного контингента составляли поляки и немцы¹²¹. Около 1500 семей (почти сплошь поляки), судя по всему, были дополнительно высланы осенью 1935 года¹²².

¹¹⁷ Иванов, 1998, с. 119.

¹¹⁸ Иванов, 1998, с. 130.

¹¹⁹ См.: Бугай, 1991д.

¹²⁰ См.: Кууру, 1992. См. также: Martin, 1998, p. 849–850.

¹²¹ В частности, 2.886 польских и 1.903 немецких семей. При этом польский и немецкий национальные районы Мархлевски и Пулин (оба на Волини) были ликвидированы. См.: Martin, 1998, p. 848–849, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 5446, оп. 16а, д. 265, л. 14. См. также: Бруль, 1999, с. 97, со ссылкой на: Евтух В., Чирко В. Німці в Україні (1920-і–1990-і роки). Київ, 1994, с. 47. В отличие от Т. Мартина, В. Бруль пишет о депортации в Сибирь, а не на восток Украины.

¹²² См.: Martin, 1998, p. 848–849, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 5446, оп. 16а, д. 265, л. 14–15.

С января 1936 года руководство НКВД Украины и Казахстана обсуждало вопрос о выселении еще 15 тыс. **польских** и **немецких** хозяйств (около 45 тыс. чел.) из приграничной зоны Украины в Казахстан¹²³. Переселению подлежали поляки и немцы (но главным образом поляки), проживавшие в 800–метровой полосе вдоль тогдашней государственной границы с Польшей, на территории полигонов или укрепрайонов, к строительству которых тогда только приступали. Очевидно, что главной целью было обезопаситься от нежелательных свидетелей, ведь и по ту сторону границы проживали такие же поляки, часто родственники, и скрыть, скажем, строительство аэродрома было нелегко, если вообще возможно.

Судя по дате постановления (28 апреля), видимо, предполагалось, что указанный контингент успеет закончить посевную (посевы им предписывалось оплатить), а на новом месте урожая от них никто не ждал (очевидно, с расчетом, что за лето и начало осени они успеют собраться, переехать и обустроиться на новом месте).

Официально считалось, что «переселяемый контингент» в своих гражданских правах при этом не ограничивался (подумаешь — переселили!), за ним даже сохранялось право передвижения, правда... только в пределах административного района вселения. На местах их расселяли «по типу существующих трудовых поселков НКВД», причем их жилищное, бытовое и трудовое (сельскохозяйственное) обустройство, — разумеется, с привлечением сил и средств самих переселяемых — возлагалось на ГУЛАГ НКВД. Фактически это были самые что ни на есть «нормальные» спецпоселенцы¹²⁴. На местах их обеспечивали землей, общественным скотом и техникой для создания трех МТС. Из них организовывались сельхозартели, на 3 года освобождавшиеся от всех налогов и поставок; личный скот они могли брать с собой.¹²⁵

Согласно решению ЦК КП(б) и СНК Казахстана «О переселенцах с Украины» от 16 февраля 1936 года, в Южноказахстанскую обл. должно было быть направлено 5500 семей, в Алма-Атинскую и Карагандинскую — по 3000 семей, в Восточноказахстанскую — 2000, в Актюбинскую — 100 семей. Главной хозяйственной задачей, которая при этом ставилась, было расширение площадей под сахарную свеклу, развитие сахарной промышленности и табаководства. В принятом 28 апреля 1936 года уже союзным совнаркомом постановлении о сахарной свекле и табаке говорилось о расселении польских

¹²³ См.: *Eisfeld, Herdt*, 1996, s. 25–27. По некоторым сведениям, в действительности было переселено 63 976 чел. (см.: *Бруль*, 1999, с. 98, со ссылкой на: Из истории немцев Казахстана (1921–1935). Алма-Аты — М., 1997, с. 85).

¹²⁴ Их статус «спецпереселенцев» был подтвержден в 1952 г. приказом МГБ и ГП № 001871164сс от 20.03.1952 (*Бугай*, 1995, с. 11, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 4475, л. 74*).

¹²⁵ Впрочем, этот удар, был хоть и неожиданным, но не последним. Так, еще 20.07.1937 Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «предложить т. Ежову об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах» (соответствующий приказ был издан Ежовым за № 00439 от 25.07.1937). В августе появились аналогичное решение и приказ относительно поляков, а затем и относительно корейцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, китайцев, иранцев, румын и т. д. Достойны быть упомянутыми и массовые аресты советских граждан и польских политэмигрантов в рамках кампании Большого террора — так называемая «польская операция» НКВД 1937–1938 гг., являющаяся своего рода связующим звеном между высылками 1936–1937 и 1940–1941 гг. Подробнее см.: *Охотин, Рогинский*, 1999.

*По материалам Векс
операции со стороны Восток
Гузук*

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

143
19

гов. ЯГОДА

На числа 15.000 польских и немецких семей, переселенных из Западной Украины в Северный Казахстан, в июне месяце 1936 г. переселено 5.535 семей - 26.778 человек, в сентябре месяце отправлено 7.440 семей - 32.740 человек. Всего 12.975 семей - 59.518 человек.

При этом вместе с немецкими до составили на 20-ое сентября месяце, вместе с живыми переселенцем, 7.910 семей - 37.213 человек.-

в пути - 5.063 семьи - 22.045 человек.-

В числе пришедших имеются случаи заболевания скарлатиной, корью и тифом.-

В связи с массовыми заболеваниями переселенцев, даки указывая НКВД УССР и УНКВД Северного Казахстана о необходимости принятия решительных мер и усиления профилактических мероприятий на месте погрузки, в пути следования переселенцев, а также в местах поселения.-

ЗАМ НАЧ ГУЛАГ НКВД СССР
ДВЯНТЕРБАУТ
(ПЛИНЕР)

26 сентября 36г.
-0-

Т. Александрович
1936

Письмо зам. начальника ГУЛАГ НКВД И. И. Плинера наркому внутренних дел Г. Г. Ягоде от 26.09.1936 о переселении 15 тыс. польских и немецких семей

и немецких колхозников на землях трех молочно–мясных совхозов Карагандинской обл. — Летовочного, Красноармейского и Тарангульского.¹²⁶ В отчетных документах, помимо Карагандинской, фигурирует также Североказахстанская обл.

Переселено было 14 048 семей (в два приема — в июне и сентябре 1936 года) и заложено 37 новых поселков¹²⁷. Согласно Н. Ф. Бугаю, в первую группу депортированных вошло 35 820 поляков, в том числе 23 334 совершеннолетних, что составило до 10% населения соответствующих районов. Лишь несколько десятков из них (по всей видимости, номенклатура и агентура) переехали в РСФСР, а остальных отправили «по государственному заданию» в Казахстан (причем не только в Карагандинскую и Североказахстанскую, но и в Алма-Атинскую, Кокчетавскую и Талды-Курганскую области).¹²⁸

В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК от 17 июля 1937 года на границах СССР вводились специальные защитные полосы, или пограничные зоны. Для их организации из пограничных районов Армении и Азербайджана в 1937 году было выселено 1325 курдов, в том числе 812 в Киргизию и 513 в Казахстан (в порядке депортации в существующие совхозы и колхозы Алма-Атинской и Южноказахстанской областей).¹²⁹

Тогда же, в июле 1937 года, ЦК вспомнил и об «экстритерриториальных» врагах — «**троцкистах**» и «**диверсантах**», а также о членах их семей. Последним, впрочем (если они проживали до этого в столичных или курортных городах), место для нового проживания разрешалось почему-то выбрать самим.¹³⁰

Но основным фронтом операций по депортации в 1937 году стала не западная, а дальневосточная граница, а их главной жертвой были, несомненно, **корейцы** — первый этнос в СССР, подвергнутый тотальной депортации.

Первые корейцы появились в Приамурье и Приуссурье еще в XIX в. После 1917 года значительное число корейцев переселилось в Приморье, в том числе и спасаясь от японской оккупации своей родины. В результате российской аннексии Дальневосточной республики 15 ноября 1922 года и объявления всех ее жителей советскими гражданами число последних пополнилось и сотнями тысяч корейцев, китайцев и японцев. Ареалом их расселения были Посыетский и Сучанский (впоследствии объединенные во Владивостокский) и Суйфунский районы Дальневосточного края. Посыетский национальный корейский район с его 55 корейскими сельсоветами был одним из 15 национальных районов Дальнего Востока. На них приходилось не менее половины сельскохозяйственной продукции, производимой в крае.

¹²⁶ См.: *Eisfeld, Herdt*, 1996, s. 27–29. Интересно, что в финансировании этого переселения участвовал ВПК.

¹²⁷ См.: *Eisfeld, Herdt*, 1996, s. 30–31.

¹²⁸ *Бугай*, 1995, с. 11–12.

¹²⁹ *Бугай, Гонов*, 1998, с. 104, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 3144, л. 65*.

¹³⁰ *Бугай*, 1995, с. 18.

Согласно переписи населения СССР 1926 года, в Дальневосточном крае проживало 169 тыс. корейцев (против 56 тыс. в 1917 году¹³¹), 77 тыс. китайцев и около 1 тыс. японцев. Относительно низкая обеспеченность корейцев сельхозугодьями, по сравнению с русскими, ставила их в объективно конфликтные отношения с последними, что несомненно сыграло свою роль в не осуществившихся планах первоначальной депортации корейцев на север, за 48,5 параллель¹³².

В 1937 году, когда границы уже были «на замке» и инфильтрация через границу закончилась, в СССР, согласно «забраванной» Переписи населения, проживало примерно столько же корейцев (все на Дальнем Востоке), сколько и в 1926 году, — 167 259 чел.¹³³ Однако, пренебрегая экономическими интересами, с политической точки зрения власти находили, что во второй половине 30-х гг. корейцы на советском Дальнем Востоке — это питательная среда для японского шпионажа в регионе и что их пора выселять. Тем более что и японцы уже приступили к депортациям корейцев (на Сахалин и в глубь Корейского полуострова): они, правда, рассматривали корейцев несколько иначе — как питательную среду для советского шпионажа.

23 апреля 1937 года «Правда» выступила с разоблачениями японского шпионажа на Дальнем Востоке: агентами японцев, оказывается, были преимущественно китайцы и корейцы. В августе 1937 года краевой НКВД возглавил небезызвестный Г. С. Люшков, будущий перебежчик¹³⁴. По существу в кармане он привез с собой Постановление СНК и ЦК от 21 августа 1937 года «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края», предусматривающее завершение всей операции к 1 января 1938 года. Любопытно, что один из пунктов постановления гласил: *«Не чинить препятствия переселенным корейцам к выезду при желании за границу, допуская при этом упрощенный переход границы»*. Одновременно в Японию высылались все японские граждане, в том числе и корейцы по национальности.

В первую очередь были депортированы 11 807 чел., возможно из числа стоящих под прямым подозрением в шпионаже. В целом же за сентябрь было отправлено 74 500 корейцев из Спасска, Посьета, Гродеково, Биробиджана и других мест. 27–28 сентября 1937 года был расширен круг районов, подлежащих очистке от корейцев: в их число вошли Владивосток, Бурят–Монгольская АССР, Читинская обл. и Хабаровский край. Тем самым была санкционирована вторая «очередь» корейцев на переселение. В частности, для Хабаровского края, где проживало всего 1155 корейцев (практически все — на Северном Сахалине), установленными сроками проведения операции были две недели с 5 по 20 октября¹³⁵.

¹³¹ См.: Martin, 1998, p. 833–835. Он же приводит данные о том, что только 32,4% корейцев, проживавших в Дальневосточном крае в 1922 г., являлись советскими гражданами.

¹³² См. выше.

¹³³ См.: Бугай, 1992; Бугай, 1994.

¹³⁴ См. о нем в: Папчинский А. А., Тумшиш М. А. «Я счастлив, что принадлежу к числу работников кадральных органов...», или истинные причины побега чекиста Люшкова за кордон // Новый часовой. — 1998. — № 6–7. — с. 132–146. Указом ПВС «О награждении работников УНКВД по ДВК и работников НКПС» от 6.02.1938 был награжден за эту операцию.

¹³⁵ В конце октября всех северосахалинских корейцев вывезли во Владивосток. См.: Пашков, Дударец, 1994, с. 15, со ссылкой на: Государственный архив Хабаровского края, ф. 2, оп. 1, д. 1316, л. 148–150.

С заданием, даже и увеличенным, дальневосточники справились задолго до Нового года, уже к 25 октября 1937 года: к этому времени 124 эшелонами было выселено 36 442 корейских хозяйства, или 171 781 чел. (оставалось в крае — и то ненадолго — всего 700 чел. корейцев, неполный эшелон). Эшелоны формировались по принципу «хозяйственно сложившихся коллективов». Вместе с корейцами были «прихвачены» 7 тыс. китайцев, по несколько сот немцев, поляков и прибалтов, около 1000 харбинских репатриантов.

В 1937 году переселяемым семьям выплачивалась мизерная, но компенсация. Так, суммарно на одну семью она составляла в среднем 6 тыс. руб., что покрывало путевые расходы, оплату оставленных посевов, построек, инвентаря и прочего имущества, ссуду на строительство дома на месте вселения и даже покрытие расходов на обустройство в местах выселения!¹³⁶

Путь был долгим (в среднем около месяца) и изматывающим. Большинство выгружалось в Казахстане (20 170 семей, или 95 526 чел.), главным образом в городах и поселках, в том числе 9350 чел. на севере Казахстана, в поселках польских и немецких переселенцев с западных границ СССР. Остальные оседали в Узбекистане (16 272 семьи, или 76 525 чел.), некоторые — в других среднеазиатских республиках и, в небольшом количестве, даже в Сталинградской обл. Часть из них в декабре еще погоняли по Узбекистану — из-за закрытия навигации по Аму-Дарье и Аральскому морю (в результате вместо 7 районов их раскидали по 44).

Переселенцев встречали континентальные зимние холода, безответственность и беспечность начальства (так, 4000 корейцев, прибывших 31 декабря 1937 года в Кустанай, около недели провели на вокзале без малейших признаков внимания к себе со стороны местных властей), недостаток жилья, воды, хлеба, медикаментов, поначалу — и недостаток хоть какой-нибудь работы (в ряде мест возникла угроза голодомора). В несколько лучшем положении находились колхозники (еще до переезда с ними рассчитались продуктами и деньгами), но рабочим и служащим пришлось особенно тяжело (расчет с ними был отложен до весны, но на деле не завершился и осенью 1938 года). Со временем все же налаживалась и хозяйственная жизнь: корейские колхозы занимались рисом и овощами, рыбой, в меньшей степени — хлопком и животноводством, тем более кочевым (хотя и к этому делу их, без особого успеха, тоже пытались приспособить).

Итак, целые районы на Дальнем Востоке основательно опустели. Лучшие помещения — школы — заняли красноармейцы и пограничники. Но с заселением опустевших земель дело шло туго, несмотря на создание в местном НКВД специального Переселенческого отдела. Кое-кто приезжал из Европейской части, кое-кто — по линии демобилизации 1936 года. На 1938 год планировался приезд на Дальний Восток 17,1 тыс. крестьянских хозяйств, из них 7500 — в Дальневосточный край (сам край был поделен в 1938 году на два — Приморский и Хабаровский). На деле же приехало всего 1027 хозяйств, а за 1937–1939 гг. — в общей сложности без малого 3700 хозяйств. Так что с хо-

¹³⁶ См.: Пашков, Дударец, 1994, с. 16, со ссылкой на: Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (Томск), ф. Р-2413, оп. 2, д. 804, л. 29, 183–184.

ду компенсировать демографический и хозяйственный урон от высылки корейцев не удалось. Не вполне удалось это и в годы войны, когда появились эвакуированные: из 27 тыс. завезенных в край хозяйств осело — без малого 17 тыс.

Переселение корейцев и их стягивание в Центральной Азии продолжалось в военные и послевоенные годы. Небольшое их число подселялось из других областей, в частности из Мурманской и Сталинградской (из Астрахани), а 10 января 1943 года Постановлением ГКО около 8 тыс. корейцев были демобилизованы из армии с последующей мобилизацией в рабочие батальоны и колонны (корейцев направили трудиться на шахты Мосбасса). После войны этих и остальных корейских трудармейцев переселили в места нового проживания основной массы корейцев. Не вполне ясно, что происходило с сахалинскими корейцами, оставленными японцами на острове после его передачи СССР.

Споры вызывал (и вызывает до сих пор) вопрос о статусе депортированных корейцев. Фактически их режим ничем не отличался от режима «спецпоселения». Однако, хотя в служебной переписке НКВД и СНК их нередко так и называют («спецпоселенцами»), все же в число спецпоселенцев они, по крайней мере строго формально, не входили. Более того, они не являлись и административно-высланными, поскольку мотивом их высылки была не репрессия, а «принудительное очищение» границы с Японией, оккупировавшей Корею и Манчжурию. В правовом поле 1930–х гг. ограничения свободы передвижения корейцев формально были незаконными. Но и этого мало: даже приказ Л. Берия по НКВД от 2 июля 1945 года, ставивший корейцев на учет как спецпереселенцев (правда, сроком на 5 лет, с проставлением соответствующей отметки в паспорте), не был «освящен» решением СНК или постановлением ПВС, так что вопрос об этой нелепой «формальности» обсуждался в кругах НКВД вплоть до 1949 года. Практическую ясность внесла только директива министра МВД С. Н. Круглова от 3 марта 1947 года, разрешавшая выдавать корейцам новые паспорта, но только с правом проживания в пределах Средней Азии, исключая, разумеется, приграничные районы.

Разумеется, в 1937–1938 гг. «зачистка» проводилась не только на западных и восточных границах Союза, но и на южных, в частности с Турцией, Ираном и Афганистаном. В июле 1937 года в **Средней Азии и Закавказье** на границах были организованы специальные запретные полосы, из которых отселялось население. К освобождению от «неблагонадежного элемента» предназначалось в общей сложности 40 приграничных районов Грузии, Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. В частности, в Киргизию и Казахстан было выселено 1325 «приграничных» курдов.¹³⁷ В конце 1937 года из Армении и Азербайджана в Казахстан (в Алма-Атинскую и Южноказахстанскую обл.) прибыла 1121 семья курдов и армян¹³⁸.

По имеющимся данным, общее количество «нового контингента» депортированных в 1933–1937 гг. можно оценить примерно в 260 тыс. чел. Подавляющее большинство из

¹³⁷ Бугай, 1995, с. 17.

¹³⁸ Бугай, 1994в, с. 150–153.

Принудительные миграции до начала второй мировой войны (1919–1939)

них составили депортации типа «пограничных зачисток», около двух третей пришлось на операцию по выселению корейцев.

С точки зрения принудительных миграций 1938 и 1939 годы оказались более или менее спокойными. Так, 19 января 1938 года было принято решение о переселении 2 тыс. семей (или 6 тыс. чел.) **иранцев**, оформивших советское гражданство, из пограничных районов Азербайджанской ССР в Алма-Атинскую и Южноказахстанскую обл. Казахстана¹³⁹. Еще пример: **евреи-ираны** из Марыйской обл. Туркмении в 1938 году были депортированы в северную, пустынную часть области, в мало приспособленный для жизни человека природный пояс.

Но это затишье было зловещим. Положение резко изменилось с началом Второй мировой войны и вступлением в реальную силу геополитического сговора СССР и Германии относительно судеб стран Восточной Европы.

¹³⁹ Бугай, 1994в.